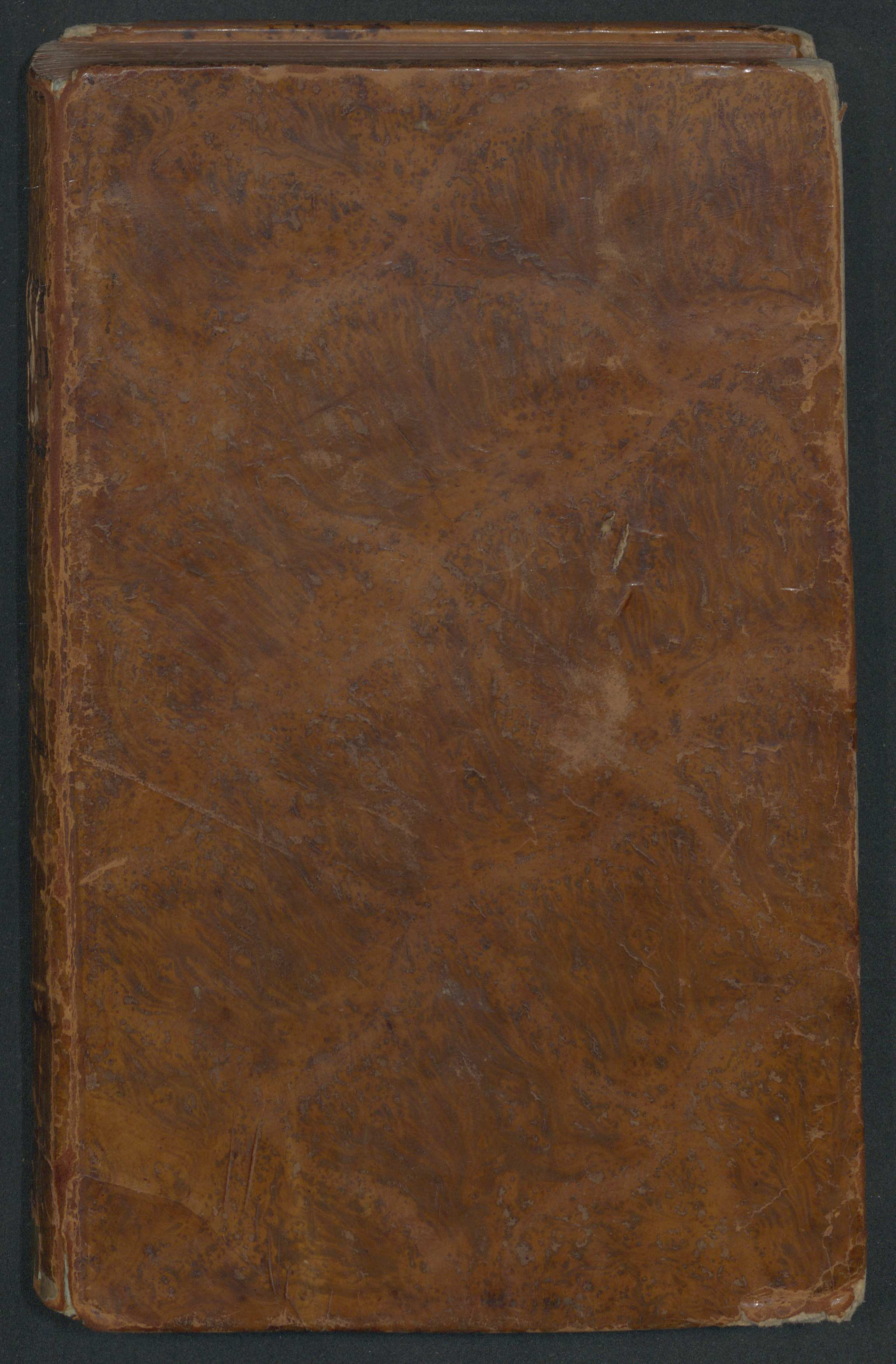


M

РИТОРИКА

въ пользу

МОЛОДЫХЪ ДѢВИЦЪ,

которая
равнымъ образомъ можетъ служить
и для мужчинъ,
любящихъ словесныя Науки,

сочиненная Г. Гальяромъ.

Переводъ
съ четвертаго изправленнаго изданія.

Съ дозволенія Управы благочинія.

ВЪ Санктпетербургѣ 1797 года.
Печатана въ привилегированной Брейткопфовой
типографіи.

Ея

Императорскому Высочеству,

Великой Княжнѣ

АЛЕКСАНДРѢ

ПАВЛОВНѢ.

Благовѣрная Княжна!

Часто, когда созерцалъ Васъ въ тѣхъ часахъ, гдѣ безъ лучезарнаго на головѣ вѣнца, безъ всякихъ требованій на высокія права Царскаго сана, Вы судили о людяхъ съ снисходительностію кроткаго мудреца, входили въ чувства послѣдняго изъ страждущихъ Вашихъ подданныхъ, искали облегчить жребій угнетеннаго, занимались бесѣдованіемъ съ мудрѣйшими Филантропами, и съ перомъ въ рукахъ, сами переводили лучшія и рѣдкія черты благотворенія, и стремясь къ новымъ совершенствамъ, совершенствамъ небесныхъ Ангеловъ, не предполагали, по видимому, выш-

шаго на земли достоянія, какъ чувствительнаго и къ состраданію наклоннаго сердца; часто дерзалъ я быть толкователемъ Вашей высокихъ достоинствъ, души, быть Панегиристомъ Вашимъ: но какъ смѣть на тяжелыхъ крылъяхъ врана возноситъся къ паренію Орла!

Въ жару рѣвностнаго признанія того что ощущало мое сердце, и готово было излитъ на бумагу, принявъ рѣвностъ хотеній за силу способностей, я брался за лиру чтобъ славитъ Васъ Гимномъ, я брался за перо чтобъ сложитъ Вамъ похвальное слово, но лира была

нестройна, но перо выпадало изъ рукъ моихъ; я боролся съ своими слабостями, и упорствовалъ выйти изъ обширнаго круга энтузїасма; но энтузїасмъ есть сладкое сновидѣнїе, послѣдуемое скукою и негодованїемъ, которое есть его пробужденїе. —

Но всегда ли потребно искуство Ритора чтобъ чувствовать отличительныя свойства особъ, саномъ и душою великихъ? Я сомнѣваюсь. Одного сердца довольно чтобъ быть цѣнителемъ оныхъ добротъ. Утвердясь на основательности таковаго мнѣнїя, я по-

священаю мою признательность чувствамъ благородной Вашей души, мои труды высокому имени Вашему. Лучшїе Панегирики добродѣтели ея достоинства; они сами собою украшаются, и не имѣютъ надобности повышать прелести свои обильными вымыслами громкихъ похвалъ, и изпещренїями красотъ витїйственнаго слога; да и что въ лаврахъ Поэта, когда Пиндары, Курцїи, величали Гїероновъ, Александровъ? Такъ, добродѣтель сама свой Панегиристъ, и ее для того токмо остается другимъ славить, чтобъ сплетенїемъ ей похвалъ самаго себя хвалить. —

Какъ мнѣ легко, весело, что не могши обнять моими слабыми способностями всѣхъ Вашихъ похвальныхъ качествъ, и не могши простираться въ моихъ о Васъ превозношенїяхъ далѣе тѣсныхъ границъ посвятительнаго письма, рука моя, во все время сочиненїя онаго подношенїя, писала безъ робости и дрожанїя, голова не требовала дальныхъ вымысловъ и хитраго сложенїя, совѣсть не чувствовала отягощенїя, и сердце столько было далеко отъ внутренняго противуборствїя, распри, сколько обыкновенная кисть маляра, далека отъ волшебной кисти божественнаго

живописца, сколько слабость списка моего воображенія далека отъ сущности совершенствъ оригинала.

Пресвѣтлѣйшая Княжна,

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашъ покорнѣйшій слуга

Гр. Глинка.

Предувѣдомленіе.

Довольно бы смѣшно и дерзко было выдавать себя за наставника, или человѣка, которой намѣревается поучать женщинъ прекрасному искуству говорить. Люди хоть мало справедливыя добровольно пріобщатся ко мнѣ въ признаніи того, что тонкія и остроумныя мысли, щастливой выборъ израженій, легкія и красивыя изпещренія, приправы рѣчей, есть краса столько же имъ свойственная какъ и краса лицъ и любезность характера, и что природа расточительною рукою надѣляетъ ихъ тѣми самыми дарами, въ пріобрѣтеніи которыхъ мужчины должны успѣвать трудными путями ученія и упорственной работы *). Общество женщинъ

*) Утвердясь на истиннѣ того мнѣнія, что безстыдная лесть несравненно болѣя зближена съ ругательствомъ нежели похвалою, скажу, что какъ Г. Гальяръ ни расточителенъ въ превозношеніяхъ Французкихъ дамъ, какъ ему ни извѣстна слабая сторона ихъ тщеславія, и сколько онъ ни ласкался таковою непомѣрною оцѣнкою дарованій снискать ихъ къ нему бла-

(я подъ таковымъ названіемъ понимаю умныхъ и милыхъ женщинъ) необходимо для полировки разума и для внушенія чувствъ: оно особенно можетъ почесться лучшимъ, гдѣ мы только можемъ почерпать самыя щастливыя черты, самыя плѣнительной простоты украшенія витійства, источникомъ: всегда пріятныя, всегда почти умомъ оживляемыя, часто даже и полезныя, бѣседы ихъ, суть родъ практической Риторики, и говоря словами несравненной Гспжи. Дезулїеръ, которой безсмертныя творенія столько приносятъ честь ея полу и вѣку Лудвиха XIV.

Невѣжи милыя вседневной въ томъ примѣръ,
Съ латынью, съ греческимъ живя свой вѣкъ врагами,
Что часто, зная свѣтъ, знавъ жить съ людьми друзьями,
Мы, глупыя, умнѣй ученыхъ во сто мѣръ.

Такой-то могъ быть развязаннымъ и остраго ума человѣкомъ, которой отъ того ли что упустилъ ихъ знакомство, по безумному своему высокомѣрію, или что не имѣлъ случая ихъ навѣщать,

---

госклонность, но едва-ли бы рѣшился посвятить оное предувѣдомленіе женщинамъ шой націи, гдѣ воспитатели точно таковыхъ невыгодныхъ мыслей о Риторикѣ для дочерей ихъ, сколько Г. Простакова щитала недостойною сынка ея Митрофана, науку Эографіи. (Переводчикъ.)

служитъ нынѣ живѣйшимъ образцомъ грубаго педанта или глупаго ученаго: я надѣюсь быть уволену отъ объясненія того примѣрами, а особливо людямъ, которые всегда могутъ ихъ видѣть въ общежитіи въ великомъ избыткѣ.

Все что я ни говорю могло бы служить къ осужденію собственной моей книги, естьлибъ я вздумалъ, (дума самая пустая, и свойственная одному лишь Педагогу, выбившемуся изъ круга здраваго разсудка), преподавать дамамъ уроки по той части въ которой они сами превосходствуютъ, я хочу сказать, въ краснорѣчіи; но мнѣ и въ голову не входили такіе честолюбивые виды; и я почту себя довольно удачнымъ споспѣшникомъ моей славы, естьли принесу нѣкоторую пользу молодымъ дѣвицамъ; которыхъ раждающійся и необразованной вкусъ, въ нерѣшимости еще въ выборѣ подлиннаго своего предмета, могъ бы, ступая по слѣдамъ невѣрныхъ и слишкомъ погрѣшныхъ руководниковъ, впасть въ пренещастливыя заблужденія. Часто не разсмотрительная молодость прилепляется къ опаснымъ образцамъ; кои удобно могутъ развратить сердце и разумъ, погасить искры дарованій, или погрузить обольщенное воображеніе въ бездну отступленій разсудка: таковыя-то суть, большею частію, пагубныя дѣйствія, производимыя чтеніемъ романовъ, за которые не надлежало бы и тогда приниматься, когдабъ они были предосудительны одною лишь пус-

тотою своею; ибо мы утрачиваемъ на чтенїе такого рода книгъ драгоцѣнное, и достойное естьли не болѣе занимательныхъ, то по крайней мѣрѣ несравненно важнѣйшихъ упражненїй, время.

Такъ мыслили нѣкогда Боало, Руссо, Ролленъ, Дезулїеръ, Севиньи; такъ мыслятъ еще и по днесь оные великаго, творческаго духа писатели, неустрашимые поборники не право обвиняемаго изящнаго вкуса, поборники, которые, такъ сказать, всѣ произведенїя ума вѣсятъ на безмѣнѣ здраваго разсудка, и которыхъ безпристрасная и основательная цензура служитъ столѣтїю ихъ вмѣстѣ и украшенїемъ и свѣтильникомъ: такїе то суть чрезвычайные и достойные вашего послѣдованїя, образцы; отрывки ихъ творенїй будучи разсѣяны по всей Риторики, и поставлены въ примѣры относительныхъ къ нимъ правилъ, статся можетъ породятъ въ молодыхъ дѣвицахъ похвальное желанїе узнать таковыя чрезвычайныя сочиненїя по короче, прочесть ихъ, перечитать ихъ съ новымъ удовольствїемъ, съ новымъ жаромъ: но для чего дѣвицамъ, а особливо тѣмъ, которыя чувствуютъ въ себѣ нѣкоторыя способности, простираться въ удовольствїи своемъ не далѣе чтенїя, для чего имъ не ступать по слѣдамъ знаменитыхъ сихъ наставниковъ? ждать ли намъ того, чтобъ глупой стыдъ, сынъ страннаго предразсудка, исключалъ изъ общества Литтераторовъ, тѣхъ самыхъ сочленовъ, которые бы наиболѣе

могли его прославить? не ужели намъ не удастся видѣть болѣе ни Дасье, ни Дезулїеръ? не ужели женщинамъ не позволительно быть болѣе здравомыслящими, прїятными и умными женщинами?

Нѣкоторые думаютъ что таковая разстройка въ умахъ другихъ обязано своимъ зломъ Молїеровой Комедїи: *Ученыя женщины.* Я увѣренъ что цѣль сего Автора совершенно противна такому мнѣнїю. Молїеръ хотѣлъ осмѣять несносную сторону Педантизма, и остановить поспѣшной ходъ сего порока, которой было по каналу людей простирался и на самихъ женщинъ. Могъ ли онъ предвидѣть чтобъ къ его комедїи придумали чудное заключенїе, что женщинамъ будто не позволительно имѣть дарованїй, и имѣвши, ихъ обработывать? мнѣ кажется, можно бы было вывести то же самое и о мужчинахъ: но благодаря Бога, смѣшныя лица Триссотинїя и Вадїя ни укого еще не отбили охоты къ наукамъ. Надобно надеяться что жребїй просвѣщенїя падетъ когда либо и на женщинъ, и что они нѣкогда узнаютъ сколько изящныя науки, не только не есть порча прелестей ихъ, но еще и споспѣшествуютъ порожденїю и направленїю ихъ къ совершенству.

Со всемъ тѣмъ цѣль моей Риторики двоякая: естьли кто пожелаетъ ею пользоваться для однаго токмо чтенїя, я помѣстилъ въ ней Авторовъ, удобнѣйшихъ для образованїя вкуса, и для при-

несенія удовольствія полезнѣйшими предметами. Естьли же кто дерзнетъ на стезю изящныхъ наукъ, я представляю достойныхъ и именами означенныхъ, путеводителей.

Самое обильное воображеніе, самой творческой духъ, требуетъ образца. Волтеръ, котораго превосходной умъ и безпредѣльныя почти дарованія, суть предметомъ всеобщаго удивленія и зависти, самъ говоритъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ своихъ сочиненій: „Чтобъ здѣлаться образцомъ другихъ, надобно сначала самому заимствовать отъ великихъ „ образцовъ — „

Таковое благоразумное мнѣніе относится ко всѣмъ тѣмъ кои имѣютъ довольно твердости духа чтобъ одобрить его собственнымъ своимъ опытомъ

Впрочемъ отметая обыкновенную форму предувѣдомленій, гдѣ Авторъ съ жалкимъ тономъ и подъ гнусно-поддѣланную скромность, проситъ, стоя на колѣнахъ передъ Публикою, о ея благосклонности, не забывая между тѣмъ разхваливать себя самымъ безстыднѣйшимъ образомъ, чистосердечно признаюсь моимъ читательницамъ, что я ласкаюсь ввести ихъ въ такой партеръ, которой, пестротою цвѣтовъ его, одни обворожительнаго для глазъ, блеска, другія, самаго сладкаго и бальзамическаго запаха, не иначе какъ чрезвычайное принесетъ имъ удовольствіе; и поелику я въ своей Ри-

торикѣ не слишкомъ словоохотливъ, и сообразно съ мнѣнїемъ Квинтиліана, предпочиталъ плѣнительные и полезные уроки, въ примѣрахъ заключающїеся, безплодной и отвратительной сухости наставленїй, я надеженъ что читательницы не много будутъ въ ней затрудняемы, и что Соиныхъ моихъ перьевъ ни кто не примѣтитъ за перьями Павлиными, которыми я старался себя убрать.

Касательно до моего предмета, скажу, что я за излишнее щиталъ входить въ дальнѣйшїя подробности, или поддѣлываться подъ важной и дидактической тонъ ученаго но скучнаго Ритора. Избави меня, Господи! отъ способностей могущихъ произвести новыхъ *Армантъ и Филаминтъ*! *)

Естьли, противъ чаянїя моего, найдутся до того странной разборчивости люди, что будутъ негодовать на безпрестанную, находящуюся въ моей Риторикѣ, перемесь духовнаго и свѣтскаго содержанїя, отрывковъ сочиненїй, которыхъ я помѣщалъ одни подлѣ другихъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованїй, я сошлюсь на такъ называемую книгу: Разсужденїе о Наукахъ Г. Роллена, и на извѣстное всѣмъ сочиненїе Г. Бугура, у которыхъ такое мнимое неудобство ни кому не кололо глазъ; но ежели строгїе Аристархи, недовольные первымъ

---

*) Ученыя женщины, въ Молїеровой того же имени Комедїи.

моимъ оправданїемъ, нападутъ на меня придирками своими, примѣтивши подлѣ пѣсенки огромную тираду прекрасныхъ стиховъ, отвѣтъ мой будетъ вмѣстѣ съ Г. Руссо:

Что гордый василёкъ,
И низенькой цвѣтокъ,
Одинъ со трепетомъ подъ травкой укрываясь,
Другой красой своей надмѣнно величаясь;
Во правахъ всякъ своихъ; одинъ другому равенъ.

Я бы могъ еще въ такомъ случаѣ попросить ихъ заглянутъ на заглавїе моей книги, такъ же и то припомнить что она писана для дѣвицъ.

Какъ бы то ни было, я напередъ себя утѣшаю въ томъ, что безпристрастїе каждаго довольно будетъ моимъ до того сильнымъ желанїемъ принести другимъ пользу, что въ дерзости моего покушенїя, благодарность или неудовольствїе ко мнѣ прїятнѣйшей части общества, предоставлено было произволу жребїя.

Содержанie.

РИТОРИКА
въ пользу
молодыхъ дѣвицъ.

Книга Первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Опредѣленіе Риторики.

Риторика есть наука о словесности, или риторика есть наука, преподающая намъ правила говорить о всякой вещи приличнымъ образомъ. Нѣкоторой остроумной писатель прекрасно опредѣлилъ ее въ слѣдующихъ стихахъ:

Искусно, съ страстїю, красиво представлять,
Въ жару, въ восторгахъ чтобъ ступать натурѣ
въ слѣдъ;
То чисту, тонку быть, то живу или сильну,
Или отрывисту, иль болѣе обильну;
Чтобъ тронуть, научить и чтобъ увеселять.

И такъ слогъ долженъ быть непремѣнно согласованъ съ предметомъ. Величїе и слава Божїя, геройскїе подвиги, торжества, побѣды, низпроверженїе царствъ, перемѣны случающїяся въ государствахъ, и прочее, должны быть выражены громко, пышно, величественно. Простымъ вещамъ, какъ напримѣръ: прїятности и удовольствїю сельской жизни, описанїю ручейковъ, долинъ, луговъ, полей, приличенъ слогъ простой или по крайней мѣрѣ умѣренной. Вещи нѣжныя должны быть выражены нѣжно; страшныя вещи требуютъ, чтобъ краски, ихъ изображающїя, были самыя ужасныя:

Змѣй злобной, скаредной, чудовище ужасно,
Искуствомъ снято бывъ съ природы, насъ плѣняетъ.
Г. Боало.

Искуство тогда токмо нравится, когда оно основывается на природѣ и когда въ усовершенствованїи оной ей подражаетъ; оно

убѣждаетъ и научаетъ насъ (что можно здѣсь положить почти за одно) тогда, когда по волѣ управляетъ чувствами нашими; иными словами: когда умѣетъ насъ плѣнить, и не можетъ тронуть, не убѣждая и не плѣняя нашего сердца. Хотя сїи три части необходимы Риторикѣ, замѣтьте однакожъ, что можно трогать не убѣждая: что самое всегда почти случается, когда великїе стихотворцы и искусные Ораторы съ жаромъ описываютъ волненїе сильныхъ страстей: они возбуждаютъ, восхищаютъ, приводятъ насъ въ состраданїе къ тѣмъ, кои сдѣлались оныхъ жертвою; но сколько бы ни старались искуствомъ своимъ оправдать ихъ, никогда въ томъ успѣть не могутъ; чего однакоже они и не предпринимаютъ. Они стараются токмо, чтобъ языкъ страстей былъ какъ можно естественнѣе. Такъ точно въ Расиновой Трагедїи, когда Федра открывается Ипполиту въ пагубной своей къ нему любви, и уменьшаетъ сверьхъ естественнымъ почти искуствомъ ужасъ своего преступленїя, притворно, осуждая самую себя, неспорно всѣ о ней соболѣзнуютъ, но никто не бываетъ

обольщенъ ея благовиднымъ оправданїемъ. Такъ же читая или видя въ представленїи нещастную Заиру, немогу не пожалѣть и не пролить о ней нѣсколько капель слезъ, хотя въ тоже самое время обвиняю ея порочную любовь къ тирану и нечестивцу, къ гонителю ея братьевъ, къ изтребителю ея сѣмейства, ко врагу закона ея; ето происходитъ, какъ я думаю, отъ того, что какъ страсти имѣютъ источникомъ своимъ развращенную натуру: то естественная склонность увлекаетъ насъ какъ будто сверьхъ нашего произвола, и заставлетъ пожалѣть о слабостяхъ, которымъ мы сами легко подвергнуться можемъ.

Равнымъ образомъ можно убѣждать не трогая. Сколько очевидныхъ и ясно доказанныхъ истиннъ, которыя озаряютъ и разпространяютъ разумъ, ни мало не возбуждая сердца; но впрочемъ не рѣдко случается, что при открытїи етихъ до одного лишь разума касающихся истиннъ, сердце наше бываетъ сильно тронуто, и чувствуетъ въ себѣ нѣкоторой родъ сладостной утѣхи, которую, какъ кажется, нельзя промѣнять ни на ка-

кое удовольствіе: что самое удается иногда испытать упражняющимся въ Математикѣ и другихъ умственныхъ наукахъ. Радость, каковою восхищенъ былъ Архимедъ, когда открывшимся ему средствомъ могъ узнать сколько въ Гіероновой золотой коронѣ примѣшано серебра, долженствовала быть чрезвычайно сильна, когда онъ вдругъ выскочилъ изъ бани, и забывшись, что былъ не одѣтъ, въ безпамятствѣ побѣжалъ въ лабораторію свою, крича по улицамъ: *нашелъ*, *нашелъ*. Не менѣе былъ обрадованъ и Пиѳагоръ, открывъ важное свойство прямоугольнаго тріугольника; онъ въ знакъ благодарности принесъ въ жертву богамъ сто воловъ. Народъ смѣялся, и называлъ таковыя сильныя доказательства ихъ любви къ истиннѣ, дурачествомъ; но народныя сужденія не суть еще сужденія здраваго ума.

Истинна бываетъ одинакова; въ какомъ бы видѣ она ни представлялась, она всегда достойна нашего вниманія и благоговѣнія. Но естьли истинна грубая и ни чемъ не прикрашенная могла привести сихъ знаменитыхъ Философовъ въ возхищеніе, то какихъ впе-

чатлѣній не произведутъ въ умѣ и сердцѣ нашемъ искусные Ораторы, представляя ее одѣтою всѣми возвышающими пріятность ея прелестями! и такъ Ораторы должны къ одной лишъ истиннѣ прилѣпляться; естьли же кто изъ нихъ употребивъ во зло дарованія свои, распещряетъ цвѣтами истинны какую либо ложь: то таковой безпорядокъ произходитъ отъ нихъ самихъ, и ни мало не должно его приписывать Краснорѣчію.

Въ Риторикѣ первое и главнѣйшее правило состоитъ въ томъ, чтобъ наблюдать всевозможную благопристойность, и чтобъ со тщаніемъ разбирать, что приличествуетъ времени, мѣсту, лицамъ, различнымъ обстоятельствамъ. Такая-то рѣчь нравится въ правленіи Монархическомъ, которая бы могла быть обругана въ Республиканскомъ правленіи. На каѳедрахъ и въ приказныхъ мѣстахъ требуется слогъ сильной и исполненной остроумныхъ изреченій; цвѣтной слогъ приличествуетъ предметамъ легкой словесности; судья въ судебномъ мѣстѣ говоритъ съ силою и важностію; цвѣты и украшеніе онъ презираетъ; благороднѣйшая простота

образуетъ его краснорѣчїе; военачальникъ передъ воинствомъ своимъ обьясняется въ словахъ живыхъ и краткихъ, исполненныхъ жаромъ, и удобныхъ ко внушенїю мужества и довѣренности. Слогъ ровной и самой простой, выдумки острыя но натуральныя: простосердечныя, нѣжныя и разборчивыя шутки, благоразумная забавность, прїятная непринужденность, вотъ въ чемъ состоитъ красота разговоровъ: выраженїя же изученныя, перїодическїе обороты, насильныя украшенїя, смѣлыя риторическїя фигуры, были бы въ нихъ смѣшны, и драли сердце. Кто даже въ разговорахъ своихъ старается быть ораторомъ, тотъ глупъ. Мы иногда бываемъ въ такомъ положенїи, въ которомъ, умѣя молчать, замѣняемъ лучшее краснорѣчїе; выразительный взглядъ, къ стати сдѣланное тѣлодвиженїе, стоятъ иногда гораздо болѣе всѣхъ рѣчей.

Языкъ страстей силенъ и увеличителенъ, безпорядоченъ и безъ связи: здѣсь то красивой безпорядокъ есть дѣйствїе искуства: порядокъ мало приличествуетъ сильнымъ, порывистымъ движенїямъ.

Наконецъ, можно сказать, что красноречїе умѣетъ ко всему принорабливаться, и принимать тоны соотвѣтственные всякому положенїю.

Впрочемъ цѣль вообще всѣхъ рѣчей та, чтобъ или научить, или тронуть; но хотимъ ли мы кого научить или тронуть, необходимо надобно сначала понравиться: въ етомъ-то состоитъ главнѣйшая пружина, которою приводится въ дѣйствїе вся машина ума и сердца человѣческаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О частяхъ Риторики.

Риторы, какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ временъ, раздѣляли Риторику на столько частей, на сколько кому было угодно: что до насъ, мы пользуяся тѣмъ же правомъ, раздѣлимъ ее, для лучшей удобности, на четыре части.

Во первыхъ, надобно искать и найти пристойные къ убѣжденїю другаго *доводы*; что называется *Изобрѣтенїемъ*.

Во вторыхъ, но доводы сіи въ одну громаду снесенные, собранные безъ разборчивости, и предложенные на удачу, безъ выбора и вкуса, не имѣя ни малѣйшаго слѣда къ наставленію, обременили бы токмо разумъ: по чему надобно ихъ привести въ нѣкоторой родъ методическаго порядка, и расположить по частямъ справедливой и правильной рѣчи; что и называемъ мы *Расположеніемъ*.

Въ третьихъ, должно выразить сіи доводы съ украшеніемъ и умомъ, дать имъ красивой и удобной къ приведенію въ ужасъ и удивленіе, оборотъ, употребить въ пользу свою фигуры, произходящія отъ самого предмета, двигать страстьми, тронуть сердце; все ето относится *къ Изряженности*, (*Украшенію*).

Въ четвертыхъ, напослѣдокъ, естьли желательно, чтобъ хорошая рѣчь произвела всѣ таковыя дѣйствія, надобно стараться произнесть ее съ пріятностію и силою: что называется *краснорѣчіемъ тѣлодвиженія и голоса*.

Обратимся къ изобрѣтенію, которое есть не иное что, какъ искуство находить

убѣдительные доводы. Чтобъ поступить согласно съ обыкновенiемъ, и чтобъ сказать что нибудь о сей части Риторики, необходимо надобно слегка коснуться главнѣйшихъ риторическихъ мѣстъ.

ГЛАВА ТРЕТIЯ.

О внутреннихъ Риторическихъ мѣстахъ.

Мѣста Риторическiя можно уподобить Арсеналамъ, доставляющимъ краснорѣчiю потребныя для него оружiя; они суть общественные источники, изъ которыхъ можно почерпать для всякаго предмета приличные доводы: сiе въ обыкновенiе вошедшее правило имѣетъ свою выгоду; великiе Ораторы считаютъ за стыдъ ими пользоваться, посредственные же съ удовольствiемъ ищутъ сего пособiя. Что же до васъ, любезныя читательницы, совѣтъ мой вамъ, не пренебрегать съ лишкомъ таковыхъ пособiй. Часто нить эта можетъ служить разуму надежнѣйшимъ въ семъ лавиринѳѣ путеводителемъ. Скажите мнѣ, для чего, когда вы

разсуждаете о какомъ предметѣ, не спросить вамъ у самихъ себя: какое я предпрїяла намѣренїе? я намѣрена воздать хвалу человѣку отличному. Что дѣлаетъ человѣка отличнымъ? пороки или добродѣтели, превышающїя его отъ обыкновенныхъ другихъ людей. Этотъ человѣкъ, о которомъ я вознамѣрилась говорить, имѣлъ ли ихъ? разсмотримъ въ подробности жизнь его. Здѣсь показалъ онъ мужественную воздержность; обыкновенная душа сдѣлала бы тому противное: тамъ благоразумїе и способность удивительныя; сїе избранное имъ средство произвело дѣйствїе ни кѣмъ неожидаемое: и такъ далѣе. Тѣ, кои притворнымъ образомъ презираютъ риторическїя мѣста, не рѣдко принуждены бываютъ почерпать изъ нихъ: и часто, не зная о томъ сами, одолжены имъ бываютъ всѣмъ, что въ нихъ есть лучшее. Мѣста риторическїя бываютъ или внутреннїя, произходящїя отъ самаго предмета, или наружныя, которыя не во все будучи чужды предмета, имѣютъ съ нимъ одно лишь косвенное и непримѣтное сношенїе. Главныя риторическїя мѣста (по тому что мы всевозможное прило-

жимъ старанїе не говорить о нихъ въ подробность) суть: Опредѣленїе, Изчисленїе частей, Подобїе, Различїе и Обстоятельства.

ОТДѢЛЕНIЕ ПЕРВОЕ.

О Опредѣленїи.

Опредѣленїемъ называемъ мы рѣчь, которая съ удобностїю можетъ объяснить подлинное свойство вещи, или лучше, представить вещь такою, какова она есть, и дать о ней ясное, чистое, справедливое и отличительное понятїе. Искуство состоитъ здѣсь въ томъ, чтобъ необходимо нужныя черты, которыя каждой опредѣляемой нами вещи открываютъ свойства или принадлежности, были соблюдены въ точности, и чтобъ не утверждаться или не ссылаться на пустыя и не служащїя ни малѣйшею пользою предмету, обстоятельства.

Г. Аббатъ Мори, въ одной изъ витїйственныхъ своихъ рѣчей, одобренныхъ удивленїемъ цѣлой Европы, такъ опредѣляетъ Государя:

„ Что такое Государь? помазанникъ Бо„жїй, щитъ слабаго, бичь злобнаго, судїя

„мнѣнія, учитель нравовъ; человѣкъ, кото-
„раго обширность должностей соотвѣт-
„ствуетъ обширности его власти, которой
„отдаетъ передъ Богомъ отчетъ за весь
„порученной ему народъ, и соучаствуетъ
„добродѣтельми своими во всѣхъ воздавае-
„мыхъ великимъ людямъ, почестяхъ; чело-
„вѣкъ, которой освящаетъ себя собствен-
„нымъ своимъ благополучїемъ, учинивъ под-
„данныхъ своихъ довольными и щастливыми;
„человѣкъ, котораго дѣянія суть примѣры,
„слова благотворенія, самые взгляды на-
„гражденїе; человѣкъ, которой для того ток-
„мо возвышенъ передъ другими, чтобъ удоб-
„нѣе могъ видѣть изъ дали нещастливыхъ;
„онъ есть, наконецъ, отличная жертва обще-
„ственнаго блага, которому провидѣнїе Бо-
„жїе поставило сѣмействомъ — Государство,
„свидѣтелемъ — Вселенную, судьею — вѣки.

Г. Флешье разсуждая о такъ называе-
момъ нами разумѣ, совѣтуетъ намъ не тще-
славиться имъ, опредѣляя его въ надгробномъ
своемъ словѣ къ г. Монтозїе, такъ:

„И подлинно, въ чемъ состоитъ тотъ
„умъ, которымъ люди столько величаются?

„естьли мы разсмотримъ его по природѣ,
„то увидимъ, что онъ не иное что какъ
„огонь, котораго сила болѣзнїю и другими
„обстоятельствами умаляется чувствитель-
„нымъ образомъ; онъ есть нѣжное сложенїе,
„которое разстроивается; удачное сообра-
„зованїе органовъ, которыя ослабляются;
„соборище и нѣкоторое движенїе жизнен-
„ныхъ духовъ, которые изтощаются и раз-
„сѣиваются: онъ есть живѣйшая и прони-
„цательнѣйшая часть души, которая ста-
„новится тяжелою, и какъ кажется, ста-
„рѣетъ вмѣстѣ съ тѣломъ: онъ есть остро-
„та разсудка, которая выдыхается и ко-
„торая тѣмъ скорѣе можетъ изнуриться,
„чемъ она нѣжнѣе и чище. Естьли же мы
„его по Богѣ разсмотримъ, онъ есть часть
„насъ самихъ, болѣе любопытствующая не-
„жели свѣдущая, которая въ мысляхъ своихъ
„заблуждается: онъ есть могущество гор-
„деливое, часто совершенно противное сми-
„ренїю и простодушїю христїанскому, и
„которое оставляя иногда истинну для
„лжи, только того не вѣдаетъ, что бы
„надлежало знать, а знаетъ то, чего бы

„знать не должно. Слѣдовательно такимъ „имуществомъ, каковъ разумъ, люди тще-„славиться не могутъ.“

Въ баснѣ Дамона и Хлои какое живое, чрезвычайное опредѣленіе любви!

Однажды говорилъ Дамонъ прекрасной Хлоѣ:
Ахъ! естьлибъ ты какъ я узнала нѣчто злое,
Что столько нравится, и такъ насъ восхищаетъ:
Ни съ чемъ бы ты его не вздумала сравнить;
Позволь, чтобъ я тебѣ о немъ могъ сообщить;
Не бойся ничего, въ томъ другъ твой увѣряетъ;
Тебя обманывать и въ умъ мнѣ не входило,
И какъ обидѣть то, что столько нѣжно, мило!
Пастушка милая прервавши его тутъ:
Скажи пожалуй мнѣ, а какъ то зло зовутъ?
Любовь. Пріятной звукъ. Да какъ ее узнаешъ?
Примѣтна чемъ она? что чувствуютъ отъ ней?
Мученье, но его ни какъ не промѣняешъ
На всѣ веселости и щастія царей:
Когдажъ случится быть въ лѣсу глухомъ иль въ полѣ,
То въ нѣжныхъ чувствіяхъ себя не помнишь болѣ.
У рѣчкиль сидючи, когда въ нее глядишъ?
Ты видишъ не себя, но образъ только зришъ,
Которой кажется какъ тѣнь вездѣ за нами,
Ко остальному же мы будто не съ глазами.
Чтобъ лучше изьяснить, онъ житель..... онъ пастухъ;
Его пріятной видъ, объ немъ малѣйшій слухъ,

Приводитъ сердце въ грусть и нудитъ воздыхать.
Не знаешъ хоть по чемъ, однакоже вздыхаешъ;
Боишся зрѣть его, хотя того желаешъ.
Тутъ Хлоя не могла восторгъ свой удержать:
Такъ ты объ етомъ злѣ мнѣ столько разъ твердилъ?
Оно не ново мнѣ; я съ мѣсяцъ его знаю.
Дамонъ съ ушей до ногъ восторгъ, довольство былъ,
Какъ снова начала она: я примѣчаю
Что точно такова я къ милому Пантею.
Тотъ съ горя и стыда чуть живъ стоялъ предъ нею.
Каковъ Дамонъ, такихъ на свѣтѣ тьма людей.
Но ахъ! нещастливъ тотъ, кто столько себя любитъ,
Что ради своего онъ щастье ближнихъ губитъ!

Загадки и Логогрифы относятся къ опредѣленію, и отличаются между собою одною лишъ скрытною своею внѣшностію. Въ Загадкѣ опредѣляется вещь по существеннымъ ея свойственностямъ; въ Логогрифахъ же опредѣляютъ ее по числу буквъ ея названія, и по собранію всѣхъ находящихся въ ней словъ: какъ въ Загадкахъ такъ и въ Логогрифахъ должно отгадывать. Опредѣленіе требуетъ основательнаго разсужденія и глубокаго вниманія къ предмету, которой

должен изображен быть свойственными и отличительными от всякаго другаго предмета, красками.

Платон определил однажды человека безперым и о двух ногах животным; Дiоген, который, имея случай в чем либо оскорбить Платона, никогда не упускал его, побежал немедленно в кухню, поймавши ощипал каплуна, и вбросив его в Академiю: *Вот Платонов человек!* вскричал он. Выдумка его справедлива; Платоново определенiе более приличествовало сему ощипанному животному, нежели человеку.

Есть другаго рода определенiе, в котором не требуется такого строгаго и точнаго наблюденiя; оно известно нам под именем описанiя; мы будем говорить о нем в статье о Фигурах.

ОТДЕЛЕНIЕ ВТОРОЕ.

О изчисленiи частей.

Изчисленiе частей состоит в переборке различных приличествующих одной вещи обстоятельств. Приступим к примерам.

Г. Фенелонъ прекрасно изчислилъ всѣ окружающія Плутоновъ престолъ чудовища.

„ Къ подножію престола привержена блѣд-„ная и вся пожирающая смерть, вооруженная „ острою косою, которую безпрестанно изо-„щряла. Окрестъ ея летали мрачныя заботы, „ лютыя недовѣренія, облїянныя кровїю и по-„ крытыя ранами мести, неправедное ненави-„ дѣнїе, грызущее само себя сребролюбїе; тер-„ зающее себя собственными руками отчая-„ нїе, кровожаждущая и ни малѣйшей не обрѣ-„ тающая себѣ пользы отъ содѣваемыхъ ею „ золъ измѣна; лїющая окрестъ себя смерто-„ носный ядъ, и въ невозможности вредить „ неистово вращающаяся зависть, изрыва-„ющее само себѣ безконечную пропасть не-„честїе, которое безъ всякаго упованїя въ „ оную низвергается, мерзостнѣйшїя мечта-„ нїя, и ужасные, представляющїе собой мер-„ твыхъ, ради устрашенїя живыхъ, призра-„ ки; страшныя сновидѣнїя, и столь же лю-„ тыя, какъ и самые мучительные сны, без-„ сонїя: всѣ сїи пагубныя страшилища, окру-„ жая грознаго Плутона, обитаемые имъ чер-„ тоги наполняли.“

Г. Херасковъ въ Поемѣ своей, Владимиръ возрожденный, въ безсмертномъ памятникѣ его славы, представляетъ прекрасной и достойной сравненія съ ужасною картиною Ада, Г. Фенелона, примѣръ изчисленія частей.

Ему глубокая въ туманѣ бездна зрима,
Обширностью своей она не измѣрима;
Кругомъ великаго пространства изваянъ
Зіяетъ пламенемъ горящій Океянъ;
Изъ мрака вѣчнаго сложились тверды своды,
Погибшихъ навсегда лишающи свободы;
Тамъ нѣкій тусклый свѣтъ простерся по земли,
Подобный зареву свѣтящему въ дали,
Но темный оный свѣтъ не зрѣніе прельщаетъ,
Лишъ только ужасы Геенски освѣщаетъ.
Отчаяніе тамъ терзающе власы
Клянетъ текущіе въ мученіяхъ часы;
Тамъ скука царствуетъ склонивъ чело въ колѣни,
По всюду царствуютъ тоскующія тѣни,
И грѣшнымъ ихъ грѣховъ изображаютъ ядъ.
Грызенье совѣсти лютѣйшій самый адъ!
Тамъ дышущая грусть, одушевленны страхи,
Тамъ въ вихряхъ грѣшники вращаются какъ прахи;
Со пламеннымъ бичемъ ужасна месть видна,
Зміями хищными увита въ кругъ она,

Подобны молнїямъ повсюду взоры мещетъ;
Весь воздухъ стонетъ вкругъ, земля подъ ней трепещетъ;
Какъ черная смола въ ней кровь, въ ней кровь кипитъ,
Все кроетъ смертный сонъ, но мщенїе не спитъ;
Чревато злобами, и день и нощь страдаетъ,
Рожденно зло отъ ней золъ тысячи раждаетъ;
Изчадїя сїи, разсыпавшись какъ градъ,
По безднѣ рѣются и грѣшниковъ разятъ.
Не дремлющи во вѣкъ, во вѣкъ они не праздны;
Мученья грѣшникамъ изобрѣтаютъ разны.

Г. Руссо прекрасно изчислилъ различныя человѣческїя состоянїя:

Смертной въ жизни представляетъ
Зеркало тоски и бѣдъ;
Лишъ родится, онъ рыдаетъ,
Какъ бы скорьбь предузнаетъ.

Слезы въ юности всечасно
Безъ причины отрокъ льетъ;
Тамъ учитель занапрасно
Бѣднаго младенца бьетъ.

Пылка юность повергаетъ
Въ пущїя бѣды его;
Онъ любовницъ избираетъ,
И не мыслитъ ни чего.

Лишъ онъ взросъ, другая лишность
Кратка вѣка часть займетъ:
Честь, богатство, слава, пышность,
Духъ колеблетъ и мятетъ.

Старика всякъ презираетъ;
Крѣпость жизни потерявъ,
Мучится онъ и страдаетъ,
Дряхлъ, задумчивъ и не здравъ.

Начало Телемакова странствованія.

„Калипса объ отшествіи Улиссовѣ неу-„тѣшимо сокрушалася. Въ толикой горести „безсмертіе свое почитала злощастіемъ. „Уже вертепа своего не оглашала пѣсньми; „Нифмы, служебницы ея, бесѣдовать съ „нею не дерзали. Часто уединялась на цвѣ-„тущіе луга, ими же вѣчная весна островъ „ея окружала; но сіи прекрасныя мѣста ни „мало печали не утоляя, производили ток-„мо плачевное воспоминаніе объ Улиссѣ, съ „которымъ она гуляла на нихъ многократ-„но. Часто орошая слезами брегъ морскій, „пребывала на немъ не подвижна и въ ту „страну обращенна, гдѣ корабль Улиссовъ, „разсѣкая волны, отъ очей ея скрылся. Но „се внезапу зритъ сокрушеннаго бурею ко-

„рабля члены, раздробленныя гребцовъ ска-
„мьи, весла разметанныя по песку, корми-
„ло, щоглу и верьви пловущія ко брегу. По-
„томъ усматриваетъ вдали двухъ человѣкъ,
„изъ коихъ единъ казался старъ, другій
„хотя и младъ, но Улиссу подобенъ.“

Замѣтьте, съ какимъ искуствомъ сочинитель, сочтя различные признаки Калипсиной горести, кладетъ вамъ передъ глаза всѣ сіи нещастные остатки разбитаго корабля, всѣ части его, разметанныя по волнамъ: естьли бы Фенелонъ сказалъ просто, что Калипса увидѣла разбитой бурею корабль, скажите мнѣ, гдѣбъ была та красота и пріятность, какую мы теперь находимъ въ преудивительномъ семъ изчисленіи?

Г. Ломоносовъ въ одной изъ похвальныхъ своихъ рѣчей въ прекрасномъ и безлестномъ видѣ представляетъ намъ обожаемую народомъ своимъ любезную Монархиню, Елисавету Петровну.

„Коль многоразличными празднующихъ
„видами духъ бы нашъ возвеселился, когда
„бы мы себѣ чувствами представили, что
„во градѣхъ крѣпче миромъ нежели стѣна-

„ми огражденныхъ, въ селахъ плодородїемъ „благословенныхъ, при моряхъ отъ военной „бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изо„билїемъ протекающихъ между веселящи„мися брегами, въ поляхъ довольствомъ и „безопасностїю украшенныхъ, на горахъ „верьхи свои благополучїемъ выше вознося„щихъ и на холмахъ радостїю препоясан„ныхъ, разные обитатели разными образы, „разные чины разнымъ великолѣпїемъ, раз„ныя племена разными языками едину пре„возносятъ, о единой веселятся, единою „Всемилостивѣйшею своею Самодержицею „хвалятся! Тамъ со благоговѣнїемъ предстоя „Олтарю Господню чинъ священный, съ „куренїемъ благоуханїй возвышаетъ молит„венные гласы и сердце свое къ Богу о по„крывающей и украшающей церковь его въ „тишинѣ глубокой. Индѣ при радостномъ „звукѣ мирнаго оружїя достигаютъ до обла„ковъ торжественные плески Россїйскаго во„инства, показующаго свое усердїе къ бла„гополучной и щедрой своей Государынѣ. „Тамъ сошедшись на праздничное пирше„ство градоначальники и граждане въ лю-

„бовной бесѣдѣ воспоминаютъ труды Пе-
„тровы, совершаемые нынѣ бодростїю Ав-
„густѣйшей его дщери; индѣ по прошествїи
„плодоноснаго лѣта, при полныхъ житни-
„цахъ, ликуя скачутъ земледѣльцы, и про-
„стымъ, но усерднымъ пѣнїемъ покровитель-
„ницу свою величаютъ. Тамъ плаватели по-
„коясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ ра-
„дости волненїе воспоминаютъ, и сугубымъ
„веселїемъ день сей препровождаютъ; индѣ
„по пространнымъ полямъ Азїйскимъ разъ-
„ѣзжая степные обитатели, хитрымъ ис-
„куствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ,
„и показуютъ, коль они готовы устремить
„ихъ на враговъ своея повелительницы."

Мы не можемъ предписать ни какихъ другихъ правилъ на изчисленїе, кромѣ того, чтобъ не входить въ пустыя, низкїя и скучныя подробности, какїя, по замѣчанїямъ нѣкоторыхъ Французскихъ Авторовъ, попадаются въ Рассиновой Комедїи: *Челобитчики.*

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О Подобіи.

Подобіе состоитъ въ приличномъ объясненіи сходства двухъ сравниваемыхъ между собою предметовъ.

ПРИМѢРЫ.

Въ странствованіи Телемаковомъ, Телемакъ говоритъ самъ:

„Едва я рекъ сіе, почувствовалъ горе„сти моей услажденіе, и что упоенное на„глою страстію сердце мое весь почти „попрало стыдъ; послѣ же ощутилъ себя „въ бездну раскаяній погруженна. Во время „сего обуреванія страстей моихъ бѣгалъ я „сѣмо и овамо заблуждаясь по священной „рощѣ, подобно уязвленной ловцемъ лани, „которая, мчась сквозь дремучій лѣсъ, ищетъ „утоленія боли своей; но пронзившая ре„бро ея стрѣла всюду слѣдуя съ нею по „всюду носитъ и смертельной убійцы ея „ударъ. Тако бѣгалъ я всуе тщась забыть „самаго себя, и ни что раны сердца моего „не исцѣляло.“

Въ семъ же самомъ сочиненіи молодой Идамантъ, будучи нещастною жертвою безразсуднаго желанія отца своего Идоменея, сравнивается съ Лиліею подкошенною остріемъ плуга.

„Какъ прекрасный средь нивы сельный „кринъ остріемъ рала въ корнѣ своемъ по„сѣченный, томится и не стоитъ уже на „стеблѣ; хотя и не лишенъ еще нѣжныя „бѣлизны, ни обольщающаго взора блеска, „но не питаемый къ тому землею жизнь „свою окончаваетъ: такъ сынъ Идоменеевъ „аки младый и нѣжный цвѣтъ немилосердо „пожатъ въ юности.“

Сравненіе находящееся въ первомъ Давыдовомъ Псалмѣ по величеству мыслей своихъ и по разительности ихъ истинны, достойно заслуживаетъ отъ всѣхъ удивленіе.

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ ступать,
И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
Въ единомъ мѣстѣ засѣдать.

Но мысль и волю подвергаетъ
Закону Божїю во всемъ,
И точно оный наблюдаетъ,
Во всемъ теченїи своемъ.

Какъ древо онъ распространится,
Что близъ текущихъ водъ растетъ;
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не отпадетъ.

Онъ узритъ слѣдствїя поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

Г. Херасковъ, въ поемѣ своей Россїадѣ такъ говоритъ о Адашевѣ:

Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣтущи лѣта,
Являлся при дворѣ какъ нѣкая планета,
Вступающа въ круги отъ неизвѣстныхъ мѣстъ,
И рѣдко зримая среди высокихъ звѣздъ.
Придворные его съ досадой угнѣтали,
Но внутренно его сердцами почитали.
Адашевъ щастїя степени презиралъ,
Мїрскїя пышности ногами попиралъ;
Обманамъ былъ врагомъ, ласкательствомъ гнушался,
Величествомъ души, не саномъ украшался;

Превыше былъ страстей и честностію полнъ.
Какъ камень по средѣ кипящихъ бурныхъ волнъ,
Борея не боясь стоитъ неколебимо,
И волны о него біяся идутъ мимо:
Адашевъ тако твердъ между пороковъ былъ,
Отъ міра удаленъ, отечество любилъ.

Въ Енеидѣ, пѣснѣ четвертой:

Чудится вождь Троянъ великолѣпью града,
Гдѣ прежде кущъ былъ рядъ, тамъ зданія громада;
Чудится вратъ красѣ и башенъ высотѣ,
И улицъ камнями усшланныхъ чистотѣ,
Безперерывному работающихъ шуму,
Которыхъ упразднялъ и руки трудъ и думу.
Иные стѣны, твердь, ихъ жительства, кладутъ,
Другіе къ облакамъ верьхъ крѣпости ведутъ,
Катаютъ по земли потребны для строенья,
Или подъемлютъ вверьхъ огромные каменья.
Здѣсь ровъ, гдѣ каждаго быть храминѣ, ведомъ;
Тамъ зиждутъ пристань, тамъ для зрѣлищъ пышный домъ;
Изсѣчены изъ горъ матерыхъ камнемъ дикимъ,
Влекутъ столбы красу театромъ превеликимъ.
Такъ пчелы, въ лѣтній день, какъ солнце возтечетъ,
И трудолубье ихъ изъ улій извлечетъ,
Подъ чистымъ воздухомъ, пріятно растворенымъ,
Летаютъ, по лугамъ цвѣтами изпещреннымъ,

И члены бременятъ корыстїю свои;
Жужжатъ со старыми тамъ юные рои;
Одни въ влагалищахъ медъ тиская сдавляютъ,
Другїя нектаромъ ихъ новымъ добавляютъ.
Тѣ съ поля общниковъ повстрѣтивши своихъ,
Отъ прїобрѣтенїй облегчеваютъ ихъ,
Иль праведной шумя противу трутней бранью,
Напрасной не даютъ имъ пользоваться данью.
Кипитъ работа ихъ, не тщетенъ трудъ и потъ;
Далеко въ воздухѣ благоухаетъ сотъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О Различїи.

Различїе есть не иное что какъ родъ нѣкоторой противности, встрѣчающейся въ двухъ сравниваемыхъ предметахъ, сравнивая либо два предмета въ одно время различествующїе; либо настоящее состоянїе (или положенїе) одного предмета съ его прошедшимъ состоянїемъ.

ПРИМѢРЫ.

Пророкъ Іеремїя описываетъ сильнымъ и трогательнымъ образомъ ужасное опусто-

шенїе Iерусалима, до сего великолѣпнѣйшаго и славнѣйшаго города.

„Ка́ко сѣ́де еди́нъ градъ умно́женный „людьмѝ; бысть я́ко вдови́ца, умно́женный „во языцѣхъ, владяй странами, бысть подъ „да́нїю.

„Пла́чя плакася въ нощи, и слезы его „на ланитѣхъ его, и нѣсть утѣшаяй его „отъ всѣхъ любящихъ его; вси дружащїися „съ нимъ отвергошася его, быша ему вразѝ....

„Ка́ко омрачи во гнѣвѣ своемъ Господь „дщерь Сїоню, све́рже съ небесѐ на землю „славу Израилеву, и не помянѐ подножїя „ногу свое́я въ день гнѣва и ярости свое́я . .

„Путїѐ Сїони рыдаютъ, яко нѣсть „ходящихъ по нихъ въ праздникъ: вся „врата его разоре́на, жрецы его воздыха- „ютъ, дѣвицы его ведомы, и самъ огорче- „ва́емъ въ себѣ.

„Быша стужа́ющїи ему во главу̀, и вра- „зѝ его угобзи́шася, яко Господъ смири его „за множество нече́стїя его: младенцы его „отъидоша плѣне́ни предъ лицемъ сту- „жающаго.

„И отъяся отъ дщери Сіонь вся лѣпо-
„та ея̀: быша князи яко о́вни не имущіи
„па́жити, и хожда́ху не съ крѣпостію
„предъ лицемъ гонящаго.

„Помянѐ Іерусалимъ дни смире́нія своего,
„и отриновеній своихъ: вся вожделѣнія
„своя, яже имѣяше отъ дней первыхъ, егда̀
„падоша людіе его въ ру́цѣ стужающаго,
„и не бѣ̀ помогающаго ему: ви́дѣвше врази
„его посмѣяшася о преселеніи его.

„Грѣхо́мъ согрѣши Іерусалимъ, того ра-
„ди въ мятежъ бысть: вси сла́вящіи его,
„смири́ша ѝ: ви́дѣша бо срамъ его, сей же
„стенящь обратися вспять . . . .

„Всѝ людіе его воздыхающе, ищутъ
„хлѣ́ба: даша вожделѣнная своя запищу,
„еже бы обратити ду́шу; вижд̀ь, Господь, и
„призри, яко быхъ безче́стенъ . . . .

„Виждь Господи, яко скорблю̀, утроба
„моя смятеся во мнѣ, и перврашися сердце
„мое, яко горести испо́лнихся, отъ внѣ̀
„обезча́ди менѐ мечь, яко сме́рть въ дому . . .

„Виждь Господи и призри, кого еси
„истреби́лъ си́це; еда снѣдятъ жены̀ плодъ
„утробы своея; отребле́ніе сотвори поваръ,

„избіютъ ли младенцевъ ссущихъ сосцы̀;
„убіеши ли во святыни Господни жреца и
„пророка?

„Успо́ша на исходищахъ о́трокъ и
„ста́рецъ: дѣви́цы мои и ю́ностны мои отъ-
„идоша въ плѣнъ, мечемъ и гладомъ избилъ
„еси, въ день гнѣва твоего сварилъ еси,
„не пощадѣлъ.

„Призвалъ еси яко день пра́здника при-
„шествія моя о́крестъ, и не бысть въ день
„гнѣва Господня уцѣлѣвшій и оставшійся,
„яко сотворихъ возмощѝ и умножихъ вра-
„зѝ моя вся.

Г. Ломоносовъ, какъ искренной доброже-
латель нашъ, совѣтуя намъ упражняться
въ наукахъ, такъ живо представляетъ въ е-
томъ прекрасномъ сравненіи выгоду и удо-
вольствіе просвѣщенія, что прочетши его
не льзя кажется не плѣниться науками.

„Представте въ мысляхъ вашихъ, ка-
„кая находится разность между просвѣщен-
„нымъ Европейцомъ и въ степи скитающим-
„ся Американцомъ. Представте, что одинъ
„человѣкъ не многія нужнѣйшія въ жизни
„вещи, всегда поедъ нимъ обращающіяся,

„только назвать умѣетъ; другой не токмо „всего, что земля, воздухъ, и воды раждаютъ, не токмо всего, что искуство произвело чрезъ многіе вѣки, имена, свойства „и достоинства языкомъ изъясняетъ; но и „чувствамъ нашимъ отнюдъ неподверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ. Одинъ выше числа перстовъ своихъ въ счотъ произходить не умѣетъ: другой не токмо чрезъ величину тягость безъ „вѣсу, черезъ тягость величину безъ мѣры „познаваетъ, не токмо на земли неприступныхъ вещей разстояніе изъ далека показать можетъ; но и небесныхъ свѣтилъ „ужасныя отдаленія, обширную огромность, „быстротекущее движеніе и на всякое „мгновеніе ока перемѣнное положеніе опредѣляетъ. Одинъ, думая, что за лѣсомъ, въ „которомъ онъ родился, небо съ землею соединилось, страшнаго звѣря, или большое „дерево за Божество толь малаго своего „міра почитаетъ; другой, представляя себѣ „великое пространство, хитрое строеніе „и красоту всея твари, съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣйною любо-

„ вїю почитаетЪ Создателеву безконечную „ премудрость и силу. Поставте человѣка, „ листвїемЪ и сырою звѣриною кожею едва „ наготу свою прикрывающаго, при одѣян„номЪ златотканными одеждами, и укра„шенномЪ блистанїемЪ драгоцѣнныхЪ камней. „ Поставте за востроватымЪ камнемЪ тонкое „ дерево со многимЪ потомЪ едва претираю„щаго, при употребляющемЪ сильныя и хи„тросложенныя махины, кЪ движенїю ужас„ныхЪ тягостей, кЪ ускоренїю долговремен„ныхЪ дѣлЪ, и кЪ точному измѣренїю и раздѣ„ленїю величины, вѣсу и времяни. Воззрите „ мысленными очами вашими на пловущаго „ черезЪ малую рѣку на связанномЪ тростни„кѣ, и на стремящагося по морской пучинѣ „ на великомЪ кораблѣ, надежными орудїями „ укрѣпленномЪ, силою вѣтра противЪ его же „ самаго бѣгущемЪ, и вмѣсто вождя камень по „ водамЪ имѣющемЪ: не ясно ли вы видите, „ что одинЪ почти выше смертныхЪ жребїя „ поставленЪ, другой едва только отЪ без„словесныхЪ животныхЪ разнится; одинЪ „ яснаго познанїя прїятнымЪ сїянїемЪ уве„селяется, другой во мрачной ночи невѣ-

„жества едва бытїе свое видитъ? Толь „великую приноситъ ученїе пользу! толь „свѣтлыми лучами просвѣщаетъ человѣчес„кїй разумъ; толь прїятно есть красоты „его наслажденїе!

Прекрасная рѣчь парламентскаго Президента Потье де Бланъ-Мени, въ шестой пѣсни Генрїады:

Но надъ Монархомъ васъ судьями кто поставилъ?
Невѣрны пастыри, граждане недостойны!
О! какъ отличны вы отъ первыхъ Христїанъ,
Которые, презрѣвъ безчувственныхъ боговъ,
Служащимъ симъ Богамъ Монархамъ покорялись;
Безъ ропота на казнь смертельную ступали,
И тамъ мучителей своихъ благословляли;
Они единые прямые Христїане,
Иныхъ не знаю я; они вкушали смерть
За жизнь своихъ Царей, а вы своихъ разите.

Въ трагедїи Альзирѣ, Заморъ такимъ образомъ сравниваетъ Альварово милосердїе съ варварствомъ Гусмана и Испанцовъ:

Заморъ, Альвару.

Ахъ! естьлибъ твой народъ отъ злобы удалился,
И благостей твоихъ хоть искрой озарился,

Повѣрь, что нынѣ имъ попранный сей предѣлъ
Подъ иго бы его съ охотою летѣлъ;
Но сколько духъ твой щедръ и сколько честность знаетъ,
Такъ варварство его природу устрашаетъ.

Вотъ еще примѣръ Различія, примѣръ по красотѣ слога своего, и по важности его напоминовенія, относительно къ людямъ малодушнымъ и излишно занятымъ внѣшною красотою, чрезвычайной.

Какъ солнце утромъ въ день весенній,
Или какъ кедръ младый, зеленый,
Блистала ты въ своихъ красахъ!
Теперь ты плѣнъ... горсть сѣрой пыли!

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

О *Обстоятельствахъ*.

Обстоятельства весьма часто бываютъ употребляемы Риторами; они по замѣчаніямъ славнаго Лонгина, чрезвычайно полезны для слога высокаго; они представляютъ живыя, трогательныя описанія; они показываютъ вещи въ подлинныхъ и не закрытыхъ ихъ видахъ. Сколько таковыхъ дѣйствій, которыя отъ того, что мы не разсматривали со внима-

нїемъ всѣхъ ихъ обстоятельствъ, казались намъ героическими или злодѣйственными!

Медея, зажигая Креузины Палаты, умерщвляя и раздирая собственныхъ дѣтей своихъ, въ глазахъ родителя ихъ Язона, по справедливости достойна быть признана за нечувствительную женщину, за звѣрскую мать; но снѣдающая ея горесть и отчаянїе, сильная ея любовь къ измѣннику, которому она доставила золотое руно, для котораго покинула своего родителя и отечество, для котораго пожертвовала честїю своею, умертвила родныхъ братьевъ своихъ Пеллїада и Абсиртея; стыдъ, видя себѣ предпочтенною свою соперницу, движенїе любви, ненависти, боязни, ревности и гнѣва, которыя рвутъ и гложутъ сердце ея; всѣ таковыя обстоятельства лице вещи перемѣняютъ. Злодѣянїя ея минувшїя изглаживаютъ, кажется, настоящїя ея злодѣянїя, (естьли только одно преступленїе можетъ изгладить другое.)

Орестъ, поднимая убивственную руку на свою мать, кажется, не простителенъ въ своемъ злодѣянїи; но она сама обагрена

кровїю Агамемнона. Орестъ сдѣлался злодѣемъ по одной лишь горячей къ родителю любви; онъ отмщаетъ за отца, кому? матери. Но что! у язычниковъ кто отмщевалъ за отца, тому ничего непростительнаго не было.

Прогнея, поражая мечемъ младшаго своего сына Ифиса, кажется, таковымъ своимъ поступкомъ возмутила природу; но нестерпимая обида, оказанная безчеловѣчнымъ Тереемъ любезной ея сестрѣ Филомелѣ, родителю ея Пандїону, и ей самой, тревожитъ ее сильно, и заставляетъ смотрѣть на всѣ другїе предметы закрытыми глазами: въ Ифисѣ видитъ она уже не своего сына, но сына Tepeeвa. Безмолвїе сестры ея, чувствительнѣе для нее вопля и рыданїй сего младенца, кричитъ ей о отмщенїи! сїя то Филомела умерщвляетъ Ифиса рукою его матери: разбираемое таковымъ образомъ преступленїе ея, заслуживаетъ еще нѣкоторое извиненїе; но Овидїй искусно прибавленными къ нему обстоятельствами, представляетъ оное злодѣянїе во всемъ его ужасѣ. Это невинное дитя, ни мало не думая о

приближающемся его нещастіи, входитъ въ покои своей матери, привѣтствуетъ ее съ обыкновеннымъ своимъ веселымъ видомъ, подходитъ къ ней, простираетъ ей свои рученки, бросается къ ней на шею, обнимаетъ ее, осыпаетъ ее поцѣлуями, и оказываетъ ей по обыкновенію дѣтскому тысячу различныхъ ласковостей. Прогнея не можетъ выдержать трогательнаго сего зрѣлища, она смягчается, ручьи слезъ текутъ изъ глазъ ея, гнѣвъ ея утихаетъ, бѣшенство ея отходитъ; перевѣсъ ея сердца былъ болѣе на сторонѣ жалости. На что ей было призывать свою жестокость?

Съ другой стороны самоубійство у язычниковъ было такой высокой цѣны, что они смотрѣли на него какъ на дѣяніе заслуживающее мѣсто въ лѣтописяхъ героизма, и достойное боготворенія; впрочемъ Неронъ доведенной до крайности, преслѣдуемой побѣдоноснымъ и мщеніемъ на него подвигнутымъ воинствомъ, признанной всѣми врагомъ Сената и своего народа, и какъ таковой осужденной къ самымъ жестокимъ и постыднымъ наказаніямъ; Неронъ ,котораго

окровавленныя тѣни Агриппины, Британника, Бурра, Сенеки, Корбулона, Арріи, Пета и столькихъ еще другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ Римлянъ, тревожатъ безпрестанно: можно ли назвать героемъ Нерона, (я говорю въ системѣ язычниковъ) когда скрываяся отъ угрожаемаго ему срама, для прекращенія мерзостной своей жизни, не имѣя довольно смѣлости въ своей собственной рукѣ, онъ прибѣгаетъ къ рукѣ ему не знакомаго, и когда въ такомъ ужасномъ положеніи соболѣзнуетъ о однихъ лишъ музыкальныхъ орудіяхъ, на которыхъ онъ, по его мнѣнію, игралъ съ такою пріятностію? Въ етихъ представленныхъ примѣрахъ ясно можно видѣть, сколько обстоятельства служатъ къ изображенію или обьясненію свойствъ вещей, и ето самое подтвердимъ приличными къ тому примѣрами.

Филоктетъ къ Телемаку.

„Какъ! вѣщалъ я, отторгнуть человѣка „отъ отечества, человѣка, единаго токмо „за всю Грецію отмстить могущаго, и „спящаго оставить потомъ въ сей страш„ной пустынѣ! (ибо во время сна моего

„Греки удалились.) Вообразижъ, коль велико „было мое удивленіе, колико пролилъ я по „пробужденіи моемъ слезъ, когда увидѣлъ „по волнамъ пловущіе корабли. Увы! озираясь по всюду на семъ страшномъ и диикомъ островѣ, ничего не обрѣталъ кромѣ „горести.

„И подлинно не было тамъ ни пристанища, ни торговли, ни страннопріимства, „ниже людей волею прибывающихъ. Едины злополучные, вверженные туда бурею „нѣкогда являлися, и отъ кораблекрушенія „токмо можно было уповать тамо сообщества. Но и самые сіи нещастливцы не „дерзали взять меня съ собою: боялись бо „гнѣва Боговъ и Грековъ. Тако цѣлыя десять лѣтъ претерпѣвая скорьбѣ и гладъ, „питалъ я снѣдающую меня язву; уже и „надежда самая въ сердцѣ моемъ угасла."

Сколько бѣдствіе и страданія его разтравляемы были ужасами сего столь страшнаго уединенія!

Въ Псалмѣ 64мъ, Царь Пророкъ, кажется, показываетъ намъ въ Авессаломѣ неблагодарность грѣшниковъ.

„Яко, еще бы врагъ поносилъ мѝ, пре-
„терпѣлъ быхъ убо: и аще бы ненавидяй
„мя на мя велерѣчевалъ, укрылбыхся отъ
„него. Ты же человѣче равнодушне, вла-
„дыко мой и знаемый мой. Иже купно на-
„слаждался еси со мною брашенъ: въ дому
„Божіи ходихомъ единомышленіемъ. Да
„пріидетъ же смерть на ня, и да снидутъ
„во адъ живи: яко лукавство въ жилищахъ
„ихъ, посредѣ ихъ."

Въ Енеидѣ, Дидона измѣряетъ неблаго-дарность троянскаго Героя по оказаннымъ его великимъ къ нему милостямъ, и чрезвычайную холодность его по пламенной своей къ нему любви.

Почто измѣнника мнѣ вьявъ не ненавидѣть?
Чѣмъ болѣе меня ужъ можетъ онъ обидѣть?
Вздохнулъ ли онъ, когда рыдала я стеня?
Примолвилъ ли мнѣ что? взглянулъ ли на меня?
Зря муку, зря моей къ себѣ любови пламень,
Заплакалъ ли хоть разъ безчувственный сей камень?
Изъ множества досадъ которою начать,
И коею, увы, мнѣ жалобу кончать?
Ни Ира днесь, ни Зевсъ, отъ высоты престола,
На мерзости его не привикаютъ дола;

Безпечные даютъ порокамъ въ людяхъ рость:
Нѣтъ вѣрности нигдѣ; превозмогаетъ злость.
Сего изверженна на брегъ нашъ, нища, нага,
Прїяла всякаго въ участїе я блага;
Разсыпанны суда въ пристанище внесла;
Спутниковъ его отъ пагубы спасла:
Безумная!... за то какая мнѣ отплата?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О наружныхъ риторическихъ мѣстахъ.

Естьлибъ я писалъ для тѣхъ, которые опредѣляютъ себя въ духовное званїе, или для тѣхъ, которые желаютъ занять мѣсто въ судѣ, я бы представилъ первымъ вмѣсто всѣхъ риторическихъ мѣстъ, священное писанїе, Преданїе, Церковную Исторїю, Житїе святыхъ мужей и проч. а вторымъ, Законы, различныхъ земель обычаи, древнїе судейскїе приговоры, приказы, и проч. Но поелику я вознамѣрился сочинить ету Риторику для Дѣвицъ, въ которыхъ я полагаю

быть уму, разсужденїю и нѣкоторому вкусу къ словесной наукѣ, то и заключаю всѣ наружныя риторическїя мѣста въ одномъ лишь подражанїи.

О Подражанїи.

Можно сказать, что подражанїе состоитъ въ искусномъ и непримѣтномъ обкрадыванїи древнихъ и новыхъ Авторовъ, не будучи однако же гнуснымъ переписчикомъ и не имѣя за собою мерзскаго порока присвоивать чужїя мысли или мѣста сочиненїй.

Хорошїе Авторы снабжаютъ васъ мыслями и выраженїями. Естьли вы заимствуете мысли, обогатите ихъ, усовершенствуйте ихъ, естьли можете, и особливо старайтесь ихъ представить въ новыхъ и вамъ однимъ принадлежащихъ выраженїяхъ, естьли же вамъ понравились выраженїя, употребите ихъ на израженїе другихъ мыслей, которыя бы были ваши и которыя бы въ красотѣ и изящности ни мало не уступали подражаемому вами Автору. Есть еще другаго рода подражанїе, гораздо употреби-

тельнѣе, и въ которое входитъ болѣе искуства. Оное бываетъ тогда, когда мы заимствуемъ Авторское дарованïе, слогъ его и карактеръ, и когда входимъ въ него такъ, что не льзя ни какъ почти различить подражателя отъ подлинника, не находя впрочемъ ни одного такого мѣста, которое бы было выписано изъ другаго. Замѣтьте между тѣмъ, милыя мои читательницы, что въ какомъ бы родѣ вы ни подражали, всегда старайтесь превышать образцовъ вашихъ, по крайней мѣрѣ, сравняться съ ними; будьте оригинальны въ самомъ подражанïи. Такъ точно славной французской сатирикъ Г. Боало въ иныхъ мѣстахъ своего сочиненïя не только ни въ чемъ не уступаетъ великому Горацïю и Ювеналу, тѣмъ славнымъ учителямъ, по стезѣ которыхъ и самъ вошелъ въ храмъ безсмертïя, но еще иногда и выпереживалъ ихъ, (какъ замѣчаютъ нѣкоторые французскïе писатели).

Но чтобъ не ходить намъ по мрачному и трудному сему пути ощупью, представимъ нѣкоторые примѣры подражанïя.

Горацїй, говоря о смерти, сказалъ:

„Смерть равно стучится какъ въ великолѣпные царскїе чертоги, такъ и въ мирныя крестьянскїя хижины.

Смотрите, съ какою прїятностїю, съ какимъ благородствомъ, съ какою высокостїю выражаетъ сїю самую мысль въ нѣкоторомъ мѣстѣ своего сочиненїя, Малербъ.

Съ суровой смертїю ни что не льзя сравнить,
Когда ея кто умоляетъ,
Злодѣйка уши затыкаетъ,
И оставляетъ насъ кричать, терзаться, выть.

Бѣднякъ въ своей избѣ соломою покрытой,
Законъ ея со страхомъ чтитъ,
И стража, что брежетъ дворъ царскїй знаменитой,
Отъ ней Царя не защититъ.

Горацїй такъ говоритъ о богатствѣ:

„Деньги, подобно многомощному Государю, надѣляютъ насъ всѣми житейскими выгодами; съ ними находимъ мы богатую невѣсту; они доставляютъ намъ въ свѣтѣ почтенїе, друзей, родъ, и даже красоту тѣмъ, которые ее ни когда не имѣли. Имѣй набитой червонцами карманъ, сладкое витїйвство потечетъ изъ устъ твоихъ, прїятности будутъ стараться украсить тебя.

Боало естьли не превзошелъ Горацїя въ подражанїи своемъ, то по крайней мѣрѣ столько же прекрасно исчисляетъ выгоды богатства.

Кто богатъ, съ тѣмъ все есть; съ нимъ — съ мѣдной головою,
Онъ свѣтомъ всѣмъ почтенъ ученїя звѣздою;
Съ нимъ ловокъ онъ, хорошъ, имѣетъ важной чинъ,
Достоинъ, честенъ, храбръ, отечества онъ сынъ;
Любимъ отъ знатныхъ онъ, любимъ онъ красотами:
Онъ лишъ какъ мякишомъ владѣетъ ихъ сердцами.
Мерзавцу золото и видъ даетъ иной;
Но все становится ужасно съ нищетой.

Въ тридцать шестомъ Псалмѣ:

Я мужа нечестива зрѣлъ,
Какъ кедръ высоко вознесенна,
Что вѣтьви въ облакахъ имѣлъ,
Земля была имъ утѣсненна,
Далеко корень простиралъ,
И воздухъ грозно колебалъ!

Пришелъ его незапный рокъ,
Сраженъ ужасной силой гнѣва!
Поверженъ, сброшенъ кедръ высокъ,
Не видно больше горда древа!
Забвенно мѣсто, гдѣ стоялъ,
И бурны вѣтры презиралъ.

Г. Рассинъ въ трагедіи своей Эсѳирѣ:

Какъ Бога чтимаго я зрѣла нечестивца;
Подобно кедру бывъ высокъ и сановитъ,
Онъ дерзостный свой лобъ скрывалъ подъ небесами,
Казалось, громомъ онъ по волѣ управлялъ;
Сраженныхъ имъ враговъ ногами попиралъ:
Пришелъ напасти часъ, онъ — обращенъ въ горсть праха.

Г. Руссо въ такомъ совершенствѣ подражалъ Мароту въ нѣкоторыхъ его Посланіяхъ, что къ удовольствію многихъ знающихъ и вкусъ имѣющихъ людей, онъ превзошелъ его въ собственномъ его слогѣ.

Сихъ примѣровъ довольно, чтобъ показать, какимъ образомъ подражать можно. Разсмотримъ теперь, кого можемъ мы выбрать надежнѣйшими своими путеводителями въ сбивчивой стезѣ краснорѣчія.

Г. Боссюетъ по справедливости признанъ орломъ краснорѣчія. Коль пареніе его высоко! какое благородство мыслей! какая сила выраженій! Есть Ораторы, которыхъ краснорѣчіе чище, болѣе изукрашено, болѣе обработано, болѣе однообразно; но ни кто не можетъ съ нимъ равняться въ изящности.

Славнѣйшіе по немъ, г. Фенелонъ, соперникъ его, но нѣсколько ему уступающій; г. Флешье, столько извѣстной прекрасными надгробными своими рѣчьми, и пріятною нѣжностію своего слога; г. Маскаронъ, Епископъ Туллійскій; Отецъ Бурдалу, котораго гармонической и трогательной слогъ плѣняетъ вмѣстѣ ухо, разумъ и сердце; Отецъ Шемине, къ нещастію пожатой смертію въ весеннихъ дняхъ своей жизни; Отецъ Ла Рю; г. Массиліонъ, котораго публика, по долгомъ и нетерпѣливомъ своемъ желаніи, видитъ наконецъ подлинныя сочиненія выданныя въ свѣтъ, и проч.

Въ судебномъ краснорѣчіи, Господа Патрю, ле Метръ, ле Норманъ, и столько еще другихъ, служащихъ и по днесь украшеніемъ и славою французкихъ судебныхъ мѣстъ.

Господа Корнелій, Рассинъ, Кребиліонъ, Волтеръ, безъ всякаго сомнѣнія занимаютъ отличнѣйшія мѣста между трагическими Поетами. Не имѣя намѣренія оцѣнивать дарованій сихъ четырехъ божественныхъ Авторовъ, я довольствуюсь удивленіемъ, ко-

торое каждой изъ нихъ по свойственному ему природному дарованію и вкусу заслуживаетъ, не дѣлая впрочемъ ни какого между ими сравненія, опасаясь тѣмъ оскорбить или истинну, или общее мнѣніе. Сверьхъ же того иные изъ нихъ уже умерли, другіе же еще въ живыхъ, то можно ли мнѣ ихъ сравнивать съ наблюденіемъ точности и не подвергаяся попреку? Господа Кампистронъ, де ла Фоссъ и Дюше, такъ же имѣютъ особенныя красоты, достойныя подражанія. Можно увѣрить, я думаю, не обижая ни живыхъ ни мертвыхъ, что въ комическомъ родѣ ни кого не только ровнаго но и близкаго не было Моліеру: Реньяръ, Данкуръ, Детушъ слѣдуютъ но немъ; впрочемъ нѣтъ изключенія и тѣмъ, о которыхъ мы не упоминаемъ.

Г. Руссо довелъ лирическую Поезію до высочайшей степени совершенства, и какъ кажется, выше которой не могла она подняться: можно читать прежде его Малерба, Ракана, Годдо, ла Мотта и другихъ, но прочитавъ Руссо, ихъ ужъ читать не надобно. Изъ поемъ епическихъ мы имѣемъ

одну лишь Генрїаду, естьли не причислять къ сему роду сочиненїя Телемака.

Въ шутливой и легкой Поезїи; въ Басняхъ, Сатирахъ, Письмахъ, Стансахъ, Идилїяхъ, Епиграммахъ, Рондахъ, Балладахъ, Мадригаллахъ, Епиталаммахъ, Трїолетахъ, Пѣсняхъ, г. Руссо, г. Фонтенель, Маркизъ де ла Фарръ, Аббатъ Шолье, г. Вуатюръ, Госпожи Дезулїеръ, Гжи. Вилледїе, г. Волтеръ и другїе.

Но что сказать о знаменитомъ г. Боало Деспро, о семъ великомъ наставникѣ во всѣхъ родахъ стихотворенїя; и о славномъ г. ла Фонтене, у котораго всѣ сочиненїя преисполнены умомъ, отличнымъ вкусомъ, остротою, нѣжностїю и самою не принужденною и плѣнительною простотою? естьлибъ всѣ новѣйшихъ временъ Авторы превзошли столько древнихъ, каждой въ своемъ родѣ, сколько успѣлъ ла Фонтенъ въ своемъ, то важной запросъ о преимуществѣ древнихъ или новыхъ Авторовъ легко бы было разрѣшить.

Въ писменномъ слогѣ нѣтъ у насъ лучшаго образца какъ Гжа. Севиньи. Она мать

пріятностей и чувствЪ, перо ея божественно. Какіе живые и удачные замыслы! какое блестящее и преобильное воображеніе! какая веселость! какая пылкость! какая пріятность вЪ ея издѣвкахЪ! какая основательность вЪ ея разсужденіяхЪ! какая истинна вЪ ея мысляхЪ! Все одушевлено, все описано вЪ живѣ, все, о чемЪ она говоритЪ, у насЪ передЪ глазами. Я не думаю, чтобЪ можно было вЪ ея родѣ написать что либо совершеннѣе. Не доволно еще того, что вЪ письмахЪ ея блеститЪ вЪ самыхЪ привлекательныхЪ и изукрашенныхЪ убранствахЪ, разумЪ, она еще показываетЪ вЪ нихЪ чувства благороднѣйшаго, великодушнѣйшаго и нѣжнѣйшаго сердца. Сочиненія ея могутЪ служить училищемЪ разума и чувствованія. По нихЪ то можно образоваться кЪ жизни угодной Богу и кЪ жизни полезной обществу. Одно нравоученіе етой неподражаемой женщины можетЪ замѣнить проповѣдь Г. Бурдалу; маловажнѣйшее ея разсужденіе о дѣлахЪ государственныхЪ и о пронырствахЪ Двора стоитЪ цѣлаго сочиненія политическаго. СЪ какою пользою умѣла она

употребить свое чтенїе! Съ какою тонкою разборчивостїю помѣстила его въ письмахъ своихъ! Философїя, изящныя науки, нравоученїе, самое Богословїе, все плѣняетъ, все занимаетъ, все выходящее изъ отдѣлки рукъ ея, украшается. Разсудокъ у нее восхищаетъ, онъ руководствуемъ чувствованїемъ. Не всѣ достойны читать и наслаждаться ея сочиненїемъ; тѣ, которымъ она только нравится, и которые могутъ ее читать безъ нѣкотораго рода сладости, безъ восхищенїя, безъ удивленїя, не ощущая тысячи различныхъ удовольствїй, тѣ не могутъ слишкомъ хвалиться своимъ вкусомъ; естьли бы я пожелалъ имѣть точное понятїе о вкусѣ какого либо человѣка, я бы спросилъ его, что онъ чувствовалъ, читая творенїя Гжи. Севиньи.

Нѣкоторые дерзостные критики опорочиваютъ частыя изъявленїя сей, блистающей на всякой почти страницѣ ея писемъ, и выраженной самыми сильными и страстными словами, чрезвычайной ея нѣжности къ дочери. Что до меня, я никогда не соглашусь съ мнѣнїемъ сихъ критиковъ, и

считаю таковыхъ судей или за строгихъ и не знающихъ пріятности и силы чувствованій, Стоиковъ, или за людей испорченнаго вкуса. Признаюсь, что такая горячая любовь безпримѣрна, и что мы получаемъ ее таковою не отъ природы; но я не менѣе того представляю себѣ всю силу и всю обширность сей матерней любви. Сердце, каковое имѣла Гжа. Севиньи, не иначе могло любить какъ страстно, и столько же должно было возвышено быть надъ сферою обыкновенныхъ чувствованій, сколько умъ ея былъ свыше другихъ умовъ. Одни лишь великіе люди знаютъ цѣну чувствительной души, обыкновенные же люди не выходя изъ круга хладночувствія, совершенно несправедливы, когда не терпятъ въ другихъ таковыхъ чрезвычайныхъ и имъ ни мало не свойственныхъ, чувствъ. Эта мнимая погрѣшность ея писемъ есть самое то, что служитъ живымъ и натуральнымъ образованіемъ ея слога, и дѣлаетъ его столько пріятнымъ. Сердце всегда краснорѣчиво; естьли бы Гжа. Севиньи любила дочь свою по примѣру обыкновенныхъ родителей,

письма бы ея были холодны; въ нихъ бы важнѣйшее лицо занималъ разумъ: но разумъ можетъ нравиться одному лишь разуму, съ сердцемъ же кромѣ сердца ни кто говорить не можетъ.

Буатюръ пріятенъ, шутливъ, ловокъ; онъ довольно искусно умѣетъ сплесть похвалу, но предосудителенъ излишною своею привязанностію къ остроумію.

Бурсольтъ писалъ совершенно чистымъ, выправленнымъ и пріятнымъ слогомъ; къ тому же въ иныхъ его письмахъ виденъ и умъ.

Мнѣ кажется что я упомянулъ объ однихъ лишь хорошихъ и образцовыхъ Авторахъ; но еще не всѣхъ ихъ изчислилъ.

Вотъ въ чемъ состоятъ мѣста риторическія, о которыхъ столько кричатъ Риторы, и въ которыхъ они полагаютъ быть всему краснорѣчію, вмѣсто того что подлинные его источники суть разумъ, или еще болѣе, сердце.

Покажемъ теперь въ чемъ состоитъ механизмъ сихъ риторическихъ мѣстъ.

Ораторъ мало-обильной, которому собственное его воображеніе не довольно для

обработыванія избраннаго имъ предмета, приступитъ къ нему съ точнымъ его опредѣленіемъ и раздѣленіемъ, потомъ станетъ разбирать, смотря по побудившей причинѣ его говорить, находящееся сходствіе или несходствіе между предлагаемымъ дѣйствіемъ и другими имѣющими съ нимъ сношеніе. Онъ настоитъ въ составляющихъ существо сего дѣйствія обстоятельствахъ, и проч.

Относительно къ слогу, естьли какой удостоенной почтенія Авторъ, трудился надъ тѣмъ же самымъ предметомъ, онъ его избираетъ своимъ руководителемъ, старается занять отъ него лучшее, и какъ можетъ лишь лучше; но никогда сочинитель съ скуднымъ природнымъ дарованіемъ не будетъ хорошимъ подражателемъ.

Такъ точно молодой Риторъ, не имѣющій еще довольно собственныхъ свѣденій, и не навыкшій къ священному писанію и къ книгамъ святыхъ Отцовъ, прибѣгаетъ къ такъ называемой книгѣ: *Библіотека Проповѣдниковъ*; онъ находитъ въ етомъ публичномъ магазинѣ снадобья свои и орудія въ готовности, съ означенными именами

сочинителей, и которые могутъ ему служить образцами.

Какъ бы то ни было, мѣста риторическія можно по справедливости признать самою скучною и безполезною частію Риторики. Разумной человѣкъ удачно разположившій умственной планъ своему предмету, и безъ помощи сихъ мѣстъ, открываетъ приличныя для него принадлежности, части и обстоятельства: впрочемъ способъ етотъ можетъ инымъ служить съ пользою. Щастливы тѣ, которые довольно надѣлены умомъ, чтобъ не гоняться за таковыми пособіями.

Книга Вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О Расположенiи.

Надобно знать что для рѣчи не довольно еще чтобъ прибрать, помощiю изобрѣтенiя, самыя основательныя и убѣдительныя причины; красота и сила ея не столько обязаны етимъ причинамъ, сколько нѣкоторому порядочному, натуральному и правильному во всѣхъ ея составляющихъ частяхъ, расположенiю. Вездѣ долженъ быть порядокъ; безпорядокъ столько же нетерпимъ въ рѣчи, сколько и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Какъ бы прекрасны, какъ бы живы ни были ваши мысли, естьли нѣтъ въ нихъ той соразмѣрности, какую требуетъ и какую внушаетъ природа, ничто не можетъ изъ нее произойти кромѣ отвратительной смѣси, или безобраз-

наго, внушающаго къ себѣ отвращенїе и неудовольствїе тѣла. Рѣчь можно въ семъ смыслѣ уподобить зданїю; причина, доказательства суть матерїалы: вообразите себѣ, что всѣ сїи матерїалы разметаны въ безпорядкѣ, навалены другъ на другѣ; каменья и отесанныя бревна, золото и мраморъ смѣшаны вмѣстѣ; такой странной и нескладной подборъ всякому покажется непрїятнымъ. И къ окончанїю сравненїя можно сказать, что какъ одно лишь хитрое и правильное сложенїе матерїаловъ составляетъ благовидное зданїе; такъ и искусное расположенїе всѣхъ частей рѣчи составляетъ красивое слово.

Сїи части рѣчи суть: Вступленїе, заключающее въ себѣ Предложенїе, потомъ Повѣствованїе, Доводъ, заключающїй въ себѣ Опроверженїе; наконецъ, окончанїе рѣчи или Заключенїе.

Таковое расположенїе изобрѣтено и предписано самою природою; наука снабжаетъ его токмо своею помощїю. Естественной порядокъ требуетъ во первыхъ, чтобъ Ораторъ начиналъ снискивать благосклонность

и вниманіе своихъ слушателей такимъ вступленіемъ, которымъ бы могъ подать высокую или пріятную мысль о своемъ предметѣ, и собственно о самомъ себѣ: во вторыхъ чтобъ представляемая его рѣчь была ясна, красива и ласкова: въ третьихъ, чтобъ все сказываемое имъ въ рѣчи было подтверждаемо хорошими и основательными доказательствами; чтобъ онъ опровергалъ всѣ, могущія ему быть противуположены, доводы; чтобъ онъ объяснялъ заранѣя представляющіяся ему впереди главныя затрудненія; въ четвертыхъ, чтобъ наполнилъ остальную часть своей рѣчи самыми живѣйшими и трогательнѣйшими фигурами, дабы чрезъ то усовершенствовать свое сочиненіе и достигнуть цѣли, которая въ томъ состоитъ, чтобъ слушателей своихъ тронуть или увѣрить. Теперь посмотримъ, въ чемъ заключаются обязанности Вступленія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О Вступленіи.

Вступленіе для витійственной рѣчи то же самое, что для тѣла человѣческаго голова. Вступленіе есть самая видная и самая ощупительная часть: его слушаютъ съ большею прилѣжностію, оно привлекаетъ или отвлекаетъ слушателей. Часто, естьли Вступленіе витійственно, слушатели въ такое приходятъ ослѣпленіе, что погрѣшности въ другихъ частяхъ рѣчи ни кѣмъ не бываютъ замѣчены; естьли же оно худо, то какъ бы остальное сочиненіе ни было прекрасно, Ораторъ принятъ всѣми съ неудовольствіемъ; столь сильны первыя впечатленія; столь непреодолимы первыя сужденія человѣческія!

Вступленіе вообще должно быть просто и скромно; Ораторъ начиная говорить уничиженнымъ и почтительнымъ образомъ, можетъ мало по малу вкрадываться въ разумъ своихъ слушателей, и послѣ того здѣлаться совершеннымъ ихъ властелиномъ. Буйной же Ораторъ, наступая съ громомъ и

молнїей, возмущаетъ противъ себя раздраженнаго слушателя. Ни въ чемъ не льзя успѣть насилїемъ. Человѣкъ съ природы болѣе склоненъ къ слабымъ и бѣднымъ людямъ, нежели къ людямъ богатымъ и сильнымъ. По самой етой причинѣ онъ гораздо благосклоннѣе слушаетъ того Оратора, которой представляетъ себя въ скромномъ и уничиженномъ видѣ, нежели которой появляется съ надежнымъ и торжественнымъ лицемъ. Робость перваго лаская самолюбїе слушателей, примѣтнымъ образомъ показываетъ имъ ихъ преимущество.

По смерти Ахилесовой, Аяксъ утверждалъ, что оружїя сего Героя ему принадлежали. Улиссъ вступилъ съ нимъ въ прѣнїе; какъ тотъ такъ и другой представили свои требованїя въ присудствїи всѣхъ союзныхъ князей. Аяксъ, храброй воинъ, но худой Ораторъ, наговорилъ все, что только могло привести его слушателей въ неудовольствїе; онъ разгорячается, кричитъ, упрекаетъ ихъ, какъ кажется, въ оказанныхъ своихъ имъ заслугахъ, въ ихъ несправедливости, въ ихъ неблагодарности.

„Всесильные Боги! возопилъ онъ, мы „судимся въ виду флота, и меня осмѣлились „равнять съ Улиссомъ! Но трусъ сей могъ „ли противоборствовать Гектору, когда „надменный Троянинъ приближался къ ко„раблямъ нашимъ съ зажженными факелами? „Я остановилъ сего ужаснаго врага и про„гналъ его; вы мнѣ одолжены сохраненіемъ „флота ....“ Таковая вспыльчивая рѣчь свойственна одному лишь грубому и звѣронравному Аяксу: но я не думаю чтобъ онъ могъ ею изтребовать у судей желаемыхъ имъ оружій.

Улиссъ гораздо уступалъ Аяксу въ мужествѣ и смѣлости, но въ замѣну оныхъ ни кого не было изъ Грековъ ему ровнаго въ хитрости и краснословіи; принявъ на себя уничиженной видъ, онъ начинаетъ говорить со всевозможною ласковостію, изъявляетъ слушателямъ своимъ глубочайшее почтеніе, совершенную преданность къ общественному дѣлу, и къ учиненной Греками потерѣ, душевное сострадание.

„Знаменитые Греки! говорилъ онъ, „естьли бы ваши, а вмѣстѣ съ ними и мои

„желанія были внемлемы, сіи оружія не бы-
„ли бы предметомъ толь горестнаго прѣ-
„нія; ты обладалъ бы ими многоцѣнный
„Ахиллъ, и мы бы наслаждались благопо-
„лучіемъ обладать самаго тебя. Но когда
„суровый рокъ похитилъ у насъ сего Полу-
„бога (продолжалъ онъ, притворно отирая
„свои слезы), то кто по справедливости
„большее имѣетъ право въ оружіяхъ вели-
„каго Ахилла, естьли не тотъ кто доста-
„вилъ Грекамъ сего непобѣдимаго воина?“

Мы видимъ сравненіемъ етихъ двухъ примѣровъ, въ чемъ состоитъ исскуство Вступленія: но сіе воздержаніе, сіе хладнокровіе, сіи столь кроткія и столь искусно согласованныя страсти, приличествуютъ не всякому предмету. Бываютъ такія обстоятельства, въ которыхъ душевныя чувствованія, выражаемыя громко и съ стремленіемъ, производятъ совершенно удачныя дѣйствія.

И такъ Вступленіе бываетъ двухъ родовъ; одно порывисто, другое же скромно: порывистое служитъ для страстей сильныхъ и для чрезвычайныхъ произшествій. Ораторъ волнуемой мятежными мыслями

вдругъ начинаетъ громомъ, и занимаетъ слушателей своихъ сильнымъ и неожидаемымъ изступленiемъ.

ПРИМѢРЫ.

Калипса, не могши утолить жестокаго своего противъ Телемака гнѣва, такъ начинаетъ говорить съ нимъ:

„Таколь, о Юноша дерзновенный! при„шелъ ты на островъ мой, спасаясь толь „праведно уготованнаго тебѣ Нептуномъ по„топленiя и мщенiя разгнѣванныхъ боговъ? „Не пачель ради того пришелъ на сей ни „единому изъ смертныхъ неприступный „островъ, чтобъ презрѣть власть мою, и „купно любовъ, которою тебя почтила? „Боги Олимпа и Стига! вонмите мольбѣ „нещастныя богини! сокрушите сего вѣро„ломца, неблагодарнаго злочестивца! О да „претерпишъ ты, злѣйшiй и криварнѣйшiй „отца своего, да претерпишъ мученiя дол„жайшiя и лютѣйшiя мукъ Улиссовыхъ! „Нѣтъ; да не узриши во вѣкъ отечества „твоего, сей бѣдной и презрѣнной Итаки, „юже не устыдился предпочесть безсмер-

„тїю; иль паче зря ее отдалеча да погиб-
„нешъ посредѣ моря, и трупъ твой, ставъ
„игралищемъ вѣтровъ, извержен будетъ, ли-
„шенный погребенїя, на пески сего брега.
„Да увидятъ его очи мои вранами терза-
„ема; узритъ такожде и возлюбленная
„твоя: узритъ, и разтерзается тѣмъ серд-
„це ея, и ея отчаянїе будетъ мнѣ въ слад-
„чайшую отраду."

Начало Молоховой рѣчи, въ Мильтоновомъ потерянномъ раѣ:

„Вооружимся; обьявимъ войну; поступимъ явною силою: оставимъ употребленїе коварства и подлоговъ: сей есть способъ слабыхъ.

Въ трагедїи Альзирѣ, Заморъ возбуждаетъ Американцовъ такимъ образомъ къ мщенїю:

Вы, въ коихъ рѣдкая отважность обитаетъ,
Тверда въ опасностяхъ, въ несчастьи возрастаетъ,
Друзья и спутники въ злощастїи моемъ,
Отмстимъ ли мы или безъ мести мы умремъ?
Отечества ли мы, Альзируль не избавимъ,
Гусманаль мерзску жизнь окончить не заставимъ,

Не найдемъ, не казнимъ губителя сего,
И не отмстимъ за тронъ погибшїй отъ него?
О боги слабые обширной свѣта части!
Вы предали ее боговъ враждебныхъ власти.
Шесть сотъ Гишпанцовъ здѣсь оружьемъ рукъ своихъ
Низвергли край мой, тронъ, вашъ храмъ и васъ самихъ.

Вступленїе сего рода должны мы употреблять со всевозможнымъ разсмотрѣнїемъ и осторожностїю, и какъ можно рѣже: опасно, естьли окончанїе рѣчи не будетъ соотвѣтствовать такому бурному движенїю; сверьхъ же того и не всегда еще нравятся слушателю таковой жаръ и пылкость. Одинъ умной человѣкъ прекрасно и справедливо сказалъ:

Забудемъ бѣшенство Ораторовъ мы тѣхъ,
Съ кинжаломъ что въ рукахъ являются въ народъ:
Отъ Римлянъ Крассъ снискалъ любовъ и уваженье
Поступкомъ искреннимъ, и кроткимъ, скромнымъ словомъ.

Вступленїе, или начало рѣчи скромное гораздо употребительнѣе; вотъ тому примѣры:

„По пришествіи моемъ въ Критъ отъ „осады Троянскія, не зналъ еще я, при- „знаюсь, великой науки царствованія. Вы „вѣдаете, возлюбленные други, какія зло- „получія лишили меня на великомъ ономъ „островѣ престола, ибо сказуете что бы- „ли въ Критѣ по моемъ оттоль отъѣздѣ. „Еще благополученъ есмь, когда лютѣйшіе „злобной фортуны удары, послужили къ „моему наученію, и къ содѣланію меня „умѣреннѣйшимъ!“

Въ трагедіи Заирѣ, вотъ какъ начинаетъ говорить Фатима съ Заирою:

Я новыхъ чувствій тѣхъ Заира зрѣть не мнила,
Которыя въ тебя страна сія вселила.
Надеждаль лестная, судьбыль щастливый знакъ,
Въ дни ясны претворилъ твоихъ печалей мракъ?
Съ покойствіемъ души цвѣтешъ ты красотою,
И блескъ очей твоихъ ужъ не покрытъ тоскою;
Не обращаешь ихъ къ странамъ прекраснымъ тѣмъ,
Въ которыхъ храбрый Галлъ сулилъ намъ быть вождемъ.

Всякой чувствуетъ, какое находится примѣтное различіе между симъ втораго

рода вступленїемъ и первымъ; сколько одно дерзско и пылко, столько другое на противъ того ласково и умѣренно. Этимъ послѣднимъ мы можемъ гораздо удобнѣе склонить на свою сторону слушателей. Аѳиняне прежде сего остерагаясь опасной примапчивости, во все изгнали ее изъ Ареопага. У Французовъ такъ же въ судебныхъ мѣстахъ излишныя учтивости не въ употребленїи, а говорятъ просто: я защищаю такого-то, противъ такого-то; прозьба моя въ томъ-то, и такъ далѣе; но впрочемъ всѣ ихъ тяжебныя дѣла пишутся хотя простымъ но натуральнымъ и чистымъ слогомъ.

Такъ какъ Предложенїе всегда почти заключается въ Вступленїи, я не намѣренъ о немъ говорить особенно.

Можно такъ же мимоходомъ замѣтить, что и Епическая Поема имѣетъ нѣкоторое особенно ей принадлежащее вступленїе. Сїе вступленїе, кромѣ предложенїя, заключаетъ въ себѣ въ такомъ же порядкѣ, Обращенїе.

Предложенїе предшествуетъ обращенїю, а обращенїе предшествуетъ вступленїю.

Примѣръ послужитъ намъ въ томъ яснымъ доказательствомъ.

Вступленіе Петріады.

Предложеніе.

Пою премудраго Россійскаго Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И Міръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Обращеніе.

Къ тебѣ я вопію, Премудрость безконечна,
Пролей свой лучь ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна,
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгѣ духъ,
Петра великаго гласить вселенной въ слухъ,
И показать, какъ онъ превыше человѣка
Понесъ труды для насъ неслыханны отъ вѣка;
Съ какимъ усердіемъ отечество любя,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.

Да на его примѣръ и на дѣла велики
Смотря весь смертныхъ родъ, смотря земны
Владыки,
Позваютъ, что Монархъ, и что отецъ прямой,
Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ
Герой.
Дабы Россійскій родъ во вѣки помнилъ твердо,
Колѣ, Небо! ты ему явилось милосердо.
Ты мысль мнѣ просвѣти; дѣлами Петръ
снабдитъ,
Велика Дщерь его щедротой оживитъ.

Начало Повѣствованія.

Уже освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ;
До Меотійскихъ Донъ свободно текъ валовъ,
Нося ужасной флотъ въ струяхъ къ пучинѣ
Черной,
Что созданъ въ скорости Петромъ неимовѣрной.
Уже великая . . . . . . и т. д.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О Повѣствованіи.

Простой Разсказъ, съ немногимъ украшеньемъ,
Лишь чистой истинны пріемлетъ гласъ.
Безъ крику и прикрасъ онъ дѣло представляетъ.
Извѣстно впрочемъ то, что онъ искуства сынъ.

Эти четыре стиха весьма хорошо изображаютъ свойство Повѣствованія; но я не знаю, показываютъ ли они всѣ его затрудненія. Ни одна часть рѣчи не подвержена такому преткновенію и труду какъ Повѣствованіе; его можно уподобить узскому и скользскому пути, по сторонамъ котораго находятся неизмѣримыя рытвины и бездны: естьли вы хоть мало уклонитесь въ ту или другую сторону, вы погибли.

По моему мнѣнію искусно разсказывать есть самое пріятнѣйшее дарованіе; но такъ же и самое рѣдкое, хотя впрочемъ каждой думаетъ имѣть его въ своемъ удѣлѣ, и каждой думаетъ имъ блистать. Столько удается намъ видѣть ежедневно

прескучныхъ разскажчиковъ! но болѣе всего несносны въ етой погрѣшности челобитчики и старики: любовники весьма часто наполняютъ свои разсказы необходимо нужными обстоятельствами для нихъ самихъ, и во все безполезными въ отношенiи къ другимъ: но они не заслуживаютъ такого строгаго взыску. Исторiя заблужденiй ихъ есть исторiя человѣческаго сердца, и не найдется ни одного человѣка, которой бы не принималъ въ немъ нѣкотораго участiя Но сколько бы мы взаимно избавили себя скуки въ разговорахъ и въ риторическихъ рѣчахъ, естьли бы увѣрились, что люди то только охотно слушаютъ, что имъ приноситъ удовольствiе, или что клонится къ собственной ихъ пользѣ! и что для етаго не довольно, чтобъ вещи сами по себѣ заслуживали вниманiе, надобно еще ихъ выразить забавнымъ и занимательнымъ образомъ. Вотъ важное затрудненiе!

Какого искуства, какой точности требуется, чтобъ избѣжать съ одной стороны слога однозвучнаго и ползающаго, газетнаго, или и самаго простаго и обыкновеннѣйшаго

Историческаго слога; съ другой же, надмѣрнихъ украшенїй, слишкомъ смѣлыхъ Фигуръ, отмѣнно пышныхъ выраженїй? Тотъ, кто хочетъ быть простъ, становится сухъ, голъ, безобразенъ; таковой только въ грязи ползаетъ: кто же думаетъ направить полетъ свой гораздо выше и изобразить живѣйшими красками, надмѣру воспаряетъ въ шуточно-надутливомъ слогѣ. Часто слишкомъ пылкое и слишкомъ непостоянное воображенїе заблуждается въ дедалѣ безконечныхъ отступленїй, изъ котораго не иначе можетъ выйти какъ съ помощїю постыднаго и грубаго перехожденїя; или отъ того, что не соразмѣрно приближилось къ Солнцу, нещастливымъ образомъ низвергается во глубину пропасти. Впрочемъ чтобъ быть просту, требуется искуства. Повѣствованїе есть дочь его; но отъ искуства требуется чтобъ скрывать собственную свою игру, чтобъ не скучать слушателямъ своимъ произшествїями непрїятными и возмутительными, и чтобъ настоять въ однихъ лишь поразительныхъ и занимательныхъ произшествїяхъ. Вотъ нѣкоторые отборные примѣры.

„Еліантъ, нареченный быти супругомъ „юныя Фолои, дщери рѣки Лирида: дѣва „сія обѣтованна была родителемъ тому, кто „избавитъ ее отъ крилатаго змія, рождша-„гося на брегахъ рѣки оныя, и по предска-„занію Оракула вскорѣ пожрать ее должен-„ствовавшаго. Сильною влекомый страстію „Еліантъ обрекся убить чудовище, и ис-„полнилъ; но не могъ вкусить плода своей „побѣды: ибо во время, когда Фолоя при-„готовляясь къ пріятному браку нетерпѣ-„ливо ожидала Еліанта, узнала, что онъ „Адрасту послѣдовалъ на брань, и что не-„милосердая Парка пресѣкла тамо дни его. „Непрестанными рыданіями оглошала она „окружающія рѣку лѣса и горы, утопала во „слезахъ, терзала прекрасныя свои власы, „престала свивати вѣнки изъ любимыхъ „ею цвѣтовъ, и укоряла въ несправедливо-„сти небо. Боги зря ее денно и нощно сле-„зящую, и приведенны крушеніемъ ея въ „жалость, скончали по моленію рѣки го-„ресть ея. Въ безмѣрномъ ея слезъ ліяніи „внезапно превращена она въ источникъ, „который втекая въ нѣдро рѣки, соединя-„етъ струи свои съ водами бога отца ея:

„но вода сего источника горька еще и до „нынѣ, злаки на брегахъ онаго никогда не „процвѣтаютъ, и нѣтъ тамо инаго приосѣ-„ненія, кромѣ унылыхъ токмо кипарисовъ.

Письма Персидскія славнаго Монтески, по чрезвычайному въ нихъ остроумію и по красотѣ слога своего всегда будутъ читаемы съ величайшимъ удовольствіемъ.

Письмо отъ Рика къ Ивену.

„Папа есть владыка надъ Христіаны: „ето древній истуканъ, коему благоуханія „по обычаю возкуряются. Нѣкогда стра-„шенъ онъ былъ и самымъ Монархамъ: ибо „столь же легко низлагалъ ихъ съ престо-„ла, якоже и блистательнѣйшіе наши Сул-„таны низвергаютъ Царей Имеретскихъ и „Грузинскихъ. Но теперь его уже не стра-„шатся. Онъ нарицаетъ себя преемникомъ „одного перваго изъ Христіанъ, коего свя-„тымъ Петромъ именуютъ, и сіе наслѣдіе „по истиннѣ есть богатѣйшее: ибо онъ „обладаетъ безчисленными сокровищами и „обширными странами.

,,Епископы суть законники ему под-
,,властные, и подъ его могуществомъ двѣ
,,весьма различныя отправляютъ должно-
,,сти. Когда бываютъ они на соборищѣ,
,,тогда такъ какъ и самъ Папа, постано-
,,вляютъ члены вѣры. Находясь же въ особ-
,,ности, не имѣютъ они другаго дѣла, кромѣ
,,что разрѣшать отъ законоисполненія. Ибо
,,ты знаешь, что Христіанская вѣра обре-
,,менена безконечнымъ множествомъ претру-
,,днѣйшихъ правилъ: и какъ по тому раз-
,,суждено, что не столь легко исполнять
,,должности свои, нежели имѣть Еписко-
,,повъ отъ того разрѣшающихъ, то и вос-
,,пріяли сіе послѣднее пособіе ради общена-
,,родной пользы; такъ что естьли кто не
,,захочетъ хранить Рамозана, естьли не
,,захочетъ кто подчиниться обрядамъ брач-
,,нымъ; ежель захочетъ кто нарушить обѣ-
,,ты свои; ежель захочетъ кто посягнуть
,,въ законопротивный бракъ, и даже естьли
,,захочетъ кто уклониться иногда присяги
,,своей: всѣ таковые прибѣгаютъ къ Епископу
,,или Папѣ, которые тотчасъ на все имъ и раз-
,,рѣшаютъ . . . . . . Я слышалъ, что въ

„Гишпаніи и Португаліи есть такіе Дерви-
„ши, кои вовсе шутокъ не любятъ, и „жгутъ людей какъ солому. Ежели кто „попадется въ ихъ руки, блаженъ тотъ, „который всегда молился Богу, перебирая „перстами маленькіе деревянные пронизки, „который носилъ на себѣ два суконныхъ „лоскутка на двухъ лентахъ привязанные, „и который когда либо былъ въ области „называемой Галлиція! инако же погибель „его была бы неизбѣжна. Когда бы онъ „всѣми страшными клятвами клялся, что „онъ православный, не согласились бы то-„гда въ качествахъ его православія, и со-„жглибъ какъ Еретика: или какой бы онъ „ни дѣлалъ толкъ на случай предлежащій, „ни къ чемубъ сіе не послужило, и прежде „нежели бы помыслили выслушать его о-„правданія, превращенъ бы уже былъ въ пе-„пелъ; и т. д.

Въ Рассиновой Трагедіи Федрѣ, Тераменъ, наперстникъ Иполитовъ, такимъ образомъ пересказываетъ Федрѣ о плачевной Иполитовой кончинѣ:

Лишь выступили мы за градъ изъ стѣнъ
Трезенскихъ,
Печальные стражи во кругъ его текли,
И горесть такъ какъ онъ въ молчанїи влекли,
Микенскїй путь его наполненъ былъ тоскою,
Вождями правилъ онъ коней своей рукою,
Коней строптивыхъ сихъ, что были до сего,
Послушливы всегда велѣнїямъ его.
Склоненная глава, и очи возмущенны,
Съ плачевной мыслью быть являлись соглашенны.
Тогда ужасный вопль изшелъ на насъ изъ волнъ,
Весь воздухъ возмутилъ, и воздухъ сталъ имъ
полнъ:
Земля изъ чреслъ своихъ подобно восклицала,
И гласу глубины стоная отвѣчала.
Злой трепетъ застужалъ въ насъ кровь во злы часы:
Отъ страха, конскихъ гривъ вздымалися власы.
Воздвиглась на хребтѣ текущїя долины
Кипящая гора, изъ водныя средины.
Валъ ближится, бїетъ, разитъ ломаясь въ брегъ,
И въ пѣнѣ на брега чудовище изъвергъ.
Широкое чело рогами воруженно,
И желтой коркою все тѣло покровенно.
Дичайшїй былъ то волъ, прегрозный былъ то
змѣй,
Онъ хвостъ вїющїйся, вїяся влекъ землей.
Дрожали берега, его пречуднымъ ревомъ,
И небо на него гнушаясь зрѣло съ гнѣвомъ.

Земля пугалась имЪ, испорченЪ воздухЪ сталЪ,
И валЪ, что несЪ его, со страхомЪ вспять бѣжалЪ.
Безплодну храбрость всѣ вЪ часЪ оный оставляли,
И вЪ храмѣ близкомЪ тутЪ убѣжища искали.
Лишь прибылЪ ИполитЪ, достойный сынЪ твой смѣлЪ,
Хватаетъ лукЪ, здержавЪ коней, и ищетЪ стрѣлЪ.
СтрѣлилЪ вЪ нево, рука не здѣлала обману,
И учинилЪ ему вЪ боку глубоку рану;
ВЪ свирѣпствѣ, боль ево безпамятна бросалЪ,
Бросаясь онЪ взревѣлЪ; и предЪ конями палЪ.
Валяясь пламенну гортань имЪ разверзаетЪ,
ИхЪ кровью и огнемЪ и дымомЪ покрываетЪ;
ИхЪ трепетЪ поразилЪ, летятЪ во оный часЪ,
КакЪ необузданны: невнятенЪ сталЪ имЪ гласЪ.
Кровавы вЪ ихЪ устахЪ желѣзо мочатЪ пѣны,
И тщетно подаютЪ, здержать ихЪ, силу члены.
ВѣщаютЪ, что еще былЪ видимЪ нѣкій богЪ,
И гналЪ коней, чтобЪ Князь здержати ихЪ не могЪ.
На камни набѣжавЪ, они низверглись сЪ страхомЪ,
Ось преломилася, великимЪ симЪ размахомЪ,
И колесница вся летѣла по кускамЪ.
Смятенный ИполитЪ падетЪ тутЪ вЪ вожди самЪ.
Не гнѣвайся! сей видЪ, вина мнѣ мукЪ сердечныхЪ,
Мнѣ будетЪ, Государь, источникомЪ слезЪ вѣчныхЪ.

Я зрѣлъ увы! я зрѣлъ, что онъ отъ тѣхъ коней,
Которыхъ самъ питалъ, влачимъ въ бѣдѣ былъ сей.
Взываетъ ихъ; но гласъ ево ихъ устрашаетъ.
Бѣгутъ. Влаченїе все тѣло изъязвляетъ.
Весь долъ, нашъ скорьбный вопль, въ отзывахъ разглашалъ,
Впослѣдокъ яростный скокъ конскїй утихалъ.
Въ близи старинныхъ сихъ гробовъ остановились,
Гдѣ праотцевъ его тѣла царей сокрылись.
Я съ стономъ бѣгъ къ нему, и стража вся туды.
Его дражайша кровь казала намъ слѣды.
Сталъ камень ею мокръ, игольными кустами
Удержанъ кровной знакъ, въ нихъ зримъ былъ со власами;
Прибѣгъ, возвалъ его, онъ руку подаетъ,
Отворитъ лишь глаза, опять скрываетъ свѣтъ:
Отъемлетъ, говоритъ, мой небо вѣкъ безвредной;
О другъ мой! не оставь Арисїи ты бѣдной!
Когда родитель мой узнаетъ что я правъ,
И будетъ сожалѣть ложь правдой почитавъ;
Смягчить, пролиту кровь, тѣнь жалобы гласящу,
Скажи, чтобъ онъ имѣлъ къ ней мысль уже не мстящу,
И возвратилъ бы ей . . . . . симъ словомъ вѣкъ скончалъ.
Я тѣло лишь ево беззрачно удержалъ,

Плачевный видъ чемъ гнѣвъ боговъ явленъ
жестоко,
И что ужъ и твое узнать не можетъ око.
Тогда боязненна приходитъ Арисія.
Пришла бѣгущая отъ гнѣва твоего,
Пріяти отъ боговъ въ супружество ево.
Приближилася, зритъ траву дымящусь красну,
И зритъ ево, о видъ, видъ лютый оку страстну!
Обезображенна, лишенна живота.
Не хочетъ, чтобъ ее увѣрила мысль та.
Возлюбленнаго зря уже не узнаваетъ,
И зря ево еще о князѣ вопрошаетъ.
Увѣрясь наконецъ, что то предъ нею онъ,
Взоръ мещетъ на боговъ, пуская тяжкій
стонъ,
И охладѣвъ, когда почти бездушна стала,
Къ ногамъ любовника въ безсиліи упала.
Исмена тутъ при ней, Исмена слезы льетъ,
И въ жизнь ее, стеня, иль паче въ скорьбь
зоветъ.

Чтобъ сказать что сердце отворилось чувствамъ любви, какой придуманъ остроумнѣйшій вымыселъ, какой искусной и притомъ натуральной избранъ образъ повѣствованія, какая красота слога употреблена въ одной изъ извѣстныхъ Анакреонтовыхъ сказокъ!

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза,
Внезапно постучался
У двери Купидонъ,
Прïятной перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.
Кто тамъ стучится смѣло?
Со гнѣвомъ я вскричалъ;
Согрѣй обмерзло тѣло:
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.
Чего ты устрашился?
Я мальчикъ, чутъ дышу,
Я ночью заблудился,
Обмокъ, и весь дрожу.
Тогда мнѣ жалко стало,
Я свѣчку засвѣтилъ,
Не медливши ни мало
Къ себѣ его пустилъ.
Увидѣлъ что крылами
Онъ машетъ за спиной,
Колчанъ набитъ стрѣлами,
Лукъ стянутъ тетивой;
Жалѣя о нещастьѣ
Огонь я разложилъ,
И при такомъ ненастьѣ
Къ камину посадилъ.

Я теплыми руками
Холодны руки мялЪ,
И крылья и сЪ кудрями
До суха выжималЪ.
ОнЪ чуть лишь ободрился,
КаковЪ-то, молвилЪ, лукЪ
ВЪ дожжѣ чать повредился;
И сЪ словомЪ стрѣлилЪ вдругЪ.
ТутЪ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла,
И сильно уязвила
КакЪ злобная пчела.
ОнЪ громко разсмѣялся
И тотЪ часЪ заплясалЪ.
Чего ты испугался?
СЪ насмѣшкою сказалЪ:
Мой лукЪ еще годится,
И цѣлЪ и сЪ тетивой;
Ты будешЪ вѣкЪ крушиться
Отнынь, хозяинЪ мой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О Доводѣ.

Съ отважной поступью Доводъ въ предметахъ
важныхъ
Идетъ, любовь неся, иль зависть на челѣ.
Подъ дланїю его цвѣты родятся пестры;
Онъ силою *причинъ* влечетъ къ себѣ сердца:
Великимъ, *страстнымъ* онъ по волѣ управляетъ,
Съ Аѳинской солїю безъ ѣдкости разитъ;
Онъ вызываетъ тѣнь, и чрезъ моря вѣщаетъ,
Съ предметомъ сходственно, прїемлетъ разный
тонъ.

Здѣсь-то предлежитъ обширное поле, на которомъ Ораторъ показываетъ все свое искуство и дарованїе; здѣсь-то убѣжденїе помощїю непреодолимаго и всесильнаго очарованїя разрушаетъ всѣ, предразсудкомъ противъ него поставленныя, преграды, и торжествуетъ надъ самыми упорными сердцами. Основательныя причины, поразительныя мысли, сильныя выраженїя, все употребляется въ дѣйство для воспаленїя или утушенїя огня страстей. Доводъ не доволенъ тѣмъ, чтобъ доказать сухимъ хотя

впрочемъ непреоборимымъ образомъ, сумнительную или оспориваемую истинну; онъ оставляетъ Логикѣ ентимену и силлогизмъ; онъ употребляетъ въ пользу свою другія оружія, которыя, чемъ кротчае, тѣмъ ужаснѣе: часто не увѣряя мятежнаго ума изъ однаго токмо пренебреженія, онъ проницаетъ побѣдоносными своими стрѣлами внутрь сердца, которое само собою снабжаетъ его всѣми удобными, для довершенія его побѣды, причинами. Такъ точно нѣкогда Римской Императоръ Галба, не могши оправдаться въ доносимомъ на него преступленіи, вывелъ передъ собраніе малолѣтныхъ дѣтей своихъ, которыхъ смерть его учинила бы сиротами, и таковымъ трогательнымъ зрѣлищемъ исторгнулъ у умиленныхъ своихъ судей отпущеніе, котораго никогда бы не могъ получить отъ правосудія.

Опроверженіе соединяется съ Доводомъ сцепленіемъ необходимо нужнымъ; не льзя справедливо доказать предложенія, не разрушая возстающихъ противъ него возраженій.

Ни что не можетъ быть сильнѣя и трогательнѣя сей Менторовой къ Телемаку рѣчи, которою онъ понуждаетъ его оставить столь опасной его добродѣтели Калипсинъ островъ.

„Коликаго, отвѣщалъ Менторъ, достоинъ ты сожалѣнія! Страсть свирѣпствуетъ надъ тобой до того, что ты ни мало не ощущаешъ ея люпости. Чаешъ быть спокоенъ, и просишъ смерти; дерзаешъ изрещи яко не побѣжденъ любовію, и не можешъ отторгнуться отъ возлюбленной тобою Нимфы. Ее токмо видишъ, едину ее слышишъ: ко всему прочему ни слуха не приклоняешъ, ни обращаешъ взора. Тако въ огневицѣ страждущій и уже лишенный ума человѣкъ увѣряетъ: я здравъ. О слѣпецъ злополучный! уже ты готовъ былъ отрещись ожидающей тебя Пенелопы; Улисса, коего узриши въ Итакѣ, гдѣже царствовати долженствуешъ; славы и высочайшаго жребія отъ боговъ тебѣ обѣтованнаго, по толь многихъ чудесѣхъ въ пользу твою сотворенныхъ: ты отрекся бы и всѣхъ сихъ благъ, дабы токмо срамную влачити жизнь

„съ Евхариссой. Еще ли скажешъ, яко лю-
„бовъ тебя не пригвождаетъ къ ней? и
„чтожъ сїе толико обуревающее твои чув-
„ства? почто желаешъ смерти? и почто съ
„толикимъ восторгомъ вѣщалъ ты предъ бо-
„гинею? Не обвиняю тебя во лжи, но о слѣ-
„потѣ твоей плачу. Бѣги, Телемакъ, бѣги!
„любовь единымъ бѣгствомъ побѣждается.
„Истинное противу козней сего сопостата
„мужество состоитъ во страхѣ и бѣгствѣ;
„но въ бѣгствѣ безъ колебанїя, и не дая себѣ
„времени ниже на мгновенїе вспять озирать-
„ся. Ты не забылъ всемѣрно тѣхъ попеченїй,
„каковы пренесъ я со дней твоего мла-
„денчества, и тѣхъ бѣдствїй, отъ коихъ
„ты слѣдуя токмо совѣтамъ моимъ спасся:
„тако вѣрь мнѣ, иль я отъ тебя удалюся.

„О когдабъ ты зналъ, коль болѣзненно мнѣ
„видѣтъ тебя стремящася ко своей погибе-
„ли! когдабъ ты зналъ, колико я скорбѣлъ
„духомъ во время моего боязненнаго съ то-
„бой безмолвїя! Производившая тебя на
„свѣтъ матерь толикихъ мукъ не претерпѣ-
„вала при разрѣшенїи. Но я молчалъ, прео-
„долѣвалъ свои страданїя, и ожидая твоего

„ко мнѣ обращенія, удерживалъ тяжкіе „стоны. О сынъ мой! сынъ возлюбленный! „даруй облегченіе удрученному сердцу моему! „возврати мнѣ драгоцѣннѣйшее самыя жизни: „возврати мнѣ Телемака, его же я лишился; „возврати себя самому себѣ! Ежели благора„зуміе преможетъ въ тебѣ надъ любовію, я „жити буду, и блаженна будетъ жизнь моя; „но когда любовь пресиля увлечетъ твой ра„зумъ, Менторъ жить уже не можетъ."

Чтобъ успѣть въ Доводѣ, должно хорошо знать вообще человѣческое сердце и различныя его обуревающія страсти; естьли мы знаемъ особенныя склонности тѣхъ людей, передъ которыми говоримъ, то таковое полезное обрѣтеніе надобно цѣнить высоко. Искусной Ораторъ не упуститъ чтобъ не помѣтить въ предметъ, наиболѣе ихъ привязывающій, и чтобъ не напасть на нихъ, какъ говорится, съ ихъ слабой стороны; на гордаго, блестящими почестьми; на скупаго, прелестьми богатства; на любовника, надеждою быть любимымъ; на злопамятнаго, жестокою сладостію мщенія; на вѣрнаго и усерднаго подданнаго, нѣжною его любовію

къ Государю, и такъ далѣе. Точно таковой оборотъ, будучи искусно употребленъ Егезиппомъ, возвратилъ Филоклеса ко двору Идоменееву скорѣе, нежели всѣ его примѣчанія въ полетѣ птицъ, многія разсматриванія внутренностей закланныхъ жертвъ, и отвѣты вопрошаемыхъ Филоклесомъ боговъ. Вотъ самая та Егезиппова рѣчь:

„Не ужель, вѣщалъ онъ, не ужель не ощущаешъ ты въ сердцѣ своемъ того удовольствія, чтобъ узрѣть паки ближнихъ и „друзей, толико жаждущихъ возвращенія „твоего, и коихъ едино упованіе, да обымутъ „тебя, неизрѣченною радостію восхищаетъ? „Исполненный страха Божія и любовію къ „должности твоей воспаленный, не ужели „вмѣняешъ ты ни во что службу твою „Государю, помощь во благихъ его намѣреніяхъ, и тщаніе сотворить толико людей блаженными? достоитъ ли толь дикому предаваться любомудрію, чтобъ „предпочитать себя единаго всему человѣческому роду, и собственное спокойствіе „любить паче блага согражданъ своихъ? „Всемѣрно всякъ возмнитъ, что ты не хо-

„щешь видѣть Царя по единой къ нему „ненависти. Пусть онъ и хотѣлъ тебѣ „содѣлать зло; но сїе по тому что не „зналъ тебя: хотѣлъ онъ погубить не сего „праведнаго, благосердаго, правдолюбиваго „Филоклеса; но со всѣмъ другаго человѣка „наказать желалъ. Днесь узнавъ тебя совер„шенно, и почитая таковымъ каковъ ты „есь, чувствуетъ все возраждающееся въ „сердцѣ его прежнее къ тебѣ дружество. „Ожидаетъ тебя; уже простираетъ къ те„бѣ руки свои на объятїе; дни и часы счи„таетъ въ сей нетерпѣливости. Можешъ „ли еще имѣть сердце толь окамѣненное, да „не умолимъ пребудешъ къ Царю и ко всѣмъ „любезнѣйшимъ другамъ твоимъ?“

Лузиньянъ сильною своею рѣчїю понуждая Заиру принять оставленной ею законъ свой, не занимается доказательствами о превосходствѣ Христїанства; но возбуждаетъ ее, разтрогиваетъ, смягчаетъ душу ее живыми и поразительными описанїями, которымъ она не въ силахъ была противиться.

Лузиньянъ къ Заирѣ.

О дщерь! послѣднихъ мукъ моихъ вина презлая,
Воспомни кровь въ тебѣ, воспомни кровь какая;
Царей то многихъ кровь, законъ хранившихъ мой;
Защитниковъ святынь отверженныхъ тобой;
Страдальцевъ кровь въ тебѣ . . . . О дщерь еще любезна!
Воспоминаній золъ причина мнѣ толь слезна;
Внемли, ты всѣхъ своихъ еще не знаешь бѣдъ;
Родившая тебя, лишь ты узрѣла свѣтъ,
Въ сіежъ мгновеніе была при мнѣ сраженна,
Рукой тѣхъ варваровъ кому ты покоренна!
Страдальцы братія твои погибши здѣсь
Съ верьху небесъ къ тебѣ простерли руки днесь.
Твой Богъ, предъ коимъ ты хуля явишъ измѣну,
Принялъ за грѣшныхъ насъ въ семъ мѣстѣ смерть презрѣнну,
Въ семъ мѣстѣ, гдѣ ему служилъ я столько разъ,
Гдѣ кровь его тебѣ чрезъ мой вѣщаетъ гласъ
Зри стѣны, храмъ сей зри, злодѣевъ достоянье,
О Богѣ праотцевъ вездѣ напоминанье:
На гробъ его воззри ты близъ чертоговъ сихъ:
Се холмъ, гдѣ жертвою ставъ мерзостей людскихъ,
Онъ вольно смерть пріялъ отъ беззаконна племя,
Тридневенъ мертвымъ бывъ, здѣсь свергъ онъ смерти бремя:
На каждомъ ты шагу въ священномъ мѣстѣ семъ
Срѣтаешъ знаменья о Господѣ твоемъ.

И болѣ здѣсь пребыть тебѣ все запрещаетъ;
Отецъ твой, честь твоя, самъ Богъ къ тебѣ
взываетъ.
Въ объятїяхъ моихъ трепещешъ, плачешъ ты;
На блѣдномъ зрю челѣ раскаянья черты;
Снизшедшей истиннѣ въ душѣ твоей внимаю:
Погибшу дщерь мою я паки обрѣтаю;
И отъ невѣрности мою избавя кровь,
Со славой щастье я мое возставлю вновь.

Всякой чувствуетъ, сколь глубокїя впечатлѣнїя должны производить таковыя рѣчи въ умѣ и сердцѣ нашемъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О Заключенїи.

Потребно болѣе прїятства въ заключеньи;
Оно восторгъ родитъ, изъ глазъ катитъ слезу;
Смиряетъ Кесаря, злодѣя поражаетъ,
И сильной краткостью съ собою насъ влечетъ.

Заключенїе, или окончанїе рѣчи, по справедливости можно назвать ораторскимъ оселкомъ; здѣсь-то долженъ онъ совершенно преодолѣть упорность недовѣрчивыхъ и предубѣжденїемъ исполненныхъ слушателей.

Цицеронъ, котораго всѣ признаютъ славнѣйшимъ Ораторомъ какъ древнихъ такъ и новыхъ временъ, былъ превосходенъ въ сей части витїйства; въ чемъ иногда онъ и самъ признается, съ сею столько приличествующею ему, когда онъ говоритъ о своемъ краснорѣчїи, надменною скромностїю.

Заключенїе особенное имѣетъ дѣйствїе на сердцѣ; оно его возбуждаетъ, оно приводитъ его въ сострาданїе, оно восхищаетъ его; оно по желанїю своему возбуждаетъ въ немъ радость, горесть, гнѣвъ, сострาданїе, неудовольствїе, печаль, страхъ, неустрашимость, нѣжность, желанїе; на конецъ, можно сказать, оно зажигаетъ его, смотря по разности предлагаемыхъ предметовъ, огнемъ различныхъ страстей.

Заключенїе есть нѣкоторой родъ раздробленїя рѣчи; въ немъ собираютъ, въ немъ вдругъ представляютъ глазамъ зрителей главнѣйшїе пункты, которые представлены порознь и гораздо обширнѣйшимъ образомъ въ цѣломъ составѣ рѣчи. Здѣсь протекаютъ ихъ съ чрезвычайною быстротою:

ихъ можно уподобить великому числу острыхъ иглъ, впускаемыхъ въ сердце и душу слушателей.

Въ потерянномъ Раѣ, Поемѣ Г. Мильтона, непримиримой Божїй врагъ, Сатана, такимъ образомъ поджигаетъ товарищей заговора своего къ мщенїю:

„Но что? потерявъ мѣсто сраженїя, „развѣ все мы погубили? непреклонная во„ля еще въ насъ осталась, горящее желанїе „ко отмщенїю, вѣчная ненависть и неукро„тимая бодрость? Побѣждены ли убо мы? „никакъ. Не взирая на гнѣвъ, не взирая на „всемогущество его, никогда онъ слабы той „имѣти не будетъ, что принудилъ меня пре„клонити предъ нимъ колѣна, и съ униже„нїемъ просити милости. Никогда не буду „признавати верьховнымъ того, котораго „царство сїя рука поколебать возмогла. То „была бы низкость, срамъ и безчестїе горшее, „нежели наше разбитїе. Должно ли, чтобъ „малая перемѣна отняла у насъ всю бо„дрость? взыщемъ свое утѣшенїе въ опредѣ„ленїяхъ судьбы. Наше существо безсмерт„но, наши оружїя всегда тѣже; а знанїе

„еще умножилось: убо можемъ съ большею „надеждою успѣха, или силою, или коварствомъ вѣчную продолжати войну съ великимъ сопостатомъ нашимъ, которой „нынѣ торжествуетъ, и едино-начальствомъ веселясь съ безпредѣльною властїю „царствуетъ на небеси.„

По среди таковыхъ ужасныхъ богохуленїй, и которыхъ одинъ лишь Дїяволъ могъ изблевать противъ своего Создателя, мы усматриваемъ съ чрезвычайнымъ удовольствїемъ невольное его признанїе въ Творческомъ всемогуществѣ, противъ котораго онъ возстаетъ, и тайную робость ужаснаго Его мщенїя.

Персей, сынъ Филиппов, обвинялъ младшаго своего брата передъ отцемъ своимъ въ томъ, что будто онъ съ сообщниками своими приходилъ ночью его умертвить. Таковой доносъ основанъ былъ на одной лишь Персеевой злобѣ, поддерживаемой нѣкоторыми благовидными для него наружностями, во все впрочемъ неосновательными. Димитрїя въ ту же минуту берутъ подъ

стражу, приводятъ предъ Государя, требуютъ отъ него оправданія; онъ выполняетъ его самимъ лучшимъ образомъ, и какъ лишь позволило ему тогдашнее его смятеніе; въ концѣ своего слова онъ помѣстилъ все что только сочелъ за лучшее, для испрошенія отцовскаго сострадания; онъ представляетъ ему, что вся его надежда въ его милости; что, естьли будетъ отъ него оставленъ, онъ увидитъ себя совершенно безпомощнымъ, беззащитнымъ, преданнаго злобѣ жестокаго и завистнаго брата своего, для котораго долженъ будетъ жертвовать своею невинностію.

„Какая бы была моя надежда, естьли „бы я не имѣлъ судьею моего родителя? „Увы! я не требую того, чтобъ онъ дѣ„лилъ насъ равно любовію своею, но по „крайней мѣрѣ нещастіе мое даетъ мнѣ „право въ его состраданіи; я прошу его, „чтобъ онъ сберегъ меня не для меня сама„го, но для себя. Безчеловѣчный мой братъ „требуетъ для мнимой своей безопасности „моей казни; но къ какимъ наглостямъ не „устремится онъ во время своего самона-

„чальства, когда уже съ етихъ поръ находитъ мою смерть столь справедливою, „для успокоенія ложнаго его противъ меня „подозрѣнія?"

Можетъ ли что быть еще прекраснѣе, благороднѣе и столько къ чести закона христіанскаго служащее, какъ заключеніе Трагедіи Альзиры, гдѣ Гусманъ, въ глазахъ похитителя своей любовницы и престола, въ глазахъ виновника наступающей его смерти, имѣя полную власть погубить Замора однимъ лишь суровымъ на него взглядомъ, вмѣсто вѣчныхъ заклеповъ и мщеній, обращается сими достойными человѣческаго сана словами:

Инымъ достоинствамъ хочу тебя учить,
Иной примѣръ тебѣ я долженъ здѣсь явить.

(*Альвару.*)

Отсрочена мнѣ смерть, посланна небесами,
Да предъ твоими днесь предстану я очами.
Летяща вонъ душа во смертной мнѣ судьбѣ
Сдержалася; но съ тѣмъ, чтобъ подражать тебѣ.
Умру, низпалъ покровъ, мнѣ новый лучь блистаетъ.
При краѣ дней себя Гусманъ лишь познаваетъ.

По самый оный часъ, когда иду во гробъ,
Томились смертные моихъ подъ игомъ злобъ;
Отмстилъ за землю Богъ; онъ святъ, и я собою
Не заплачу за кровь пролиту сей рукою.
Я щастьемъ былъ мраченъ, гробъ свѣтъ открылъ
уму;
Кѣмъ Богъ меня сразилъ, прощаю я тому.
Одинъ владѣю я, какъ сей владѣлъ страною,
Одинъ могу прощать; Заморъ, прощенъ ты мною.
Живи надменный врагъ, будь воленъ, знай, какой
Конецъ для Христіанъ, и оныхъ долгъ прямой.

(*Монтезу, бросающемуся къ его ногамъ, и Американцамъ.*)

Внемли, Монтезъ, и вы, бывъ жертвою моею:
Жестокость я покрылъ щедротою своею.
Внушите здѣсь царямъ, странамъ внушите симъ,
Что право Христіанъ давать законы имъ.

(*Замору.*)

Зри разность ты въ богахъ, предъ кѣмъ творимъ служенье:
Твои велятъ тебѣ убійство и отмщенье;
Мой Богъ въ тотъ часъ, когда Заморъ меня
разитъ,
Прощать и пожалѣть Замора мнѣ велитъ.

Можетъ ли когда либо наскучить видѣть, читать, изучать и удивляться

етимъ чрезвычайнымъ примѣрамъ, столько удобнымъ къ образованію вкуса, и къ насажденію въ землѣ, нарочно къ тому пріуготованной, сѣменъ, которыя къ нещастію слишкомъ мало налиты подлиннымъ краснорѣчіемъ?

Книга Третїя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О *Изряженности (или Украшенїи) и о частяхъ ея.*

Сїю то самую Изряженность можно по справедливости признать частїю существеннѣйшею и особенно наиболѣе принадлежащею къ краснорѣчїю; она то придаетъ другимъ всѣ ихъ достоинсцва и прїятности: безъ нея самыя основательныя, самыя порядочныя и лучшимъ образомъ связанныя разсужденїя, ни чего не заключаютъ въ себѣ кромѣ скучнаго и непрїятнаго; безъ нея самой разсудокъ возмущаетъ. Разсудка убѣгаютъ, укрываются отъ ужаснаго его взора; и хотя не рѣдко съ помощїю истинны и явственности онъ торжествуетъ, не смотря

на противоположенную ему скуку и отвращенїе, но со всѣмъ тѣмъ, раздраженной разумъ не иначе какъ съ великою упорностїю соглашается понесть его иго, и всѣми средствами старается его съ себя сбросить: но когда приманчивая Изряженность подаетъ ему руку помощи, ни что не можетъ ему противиться, все уступаетъ его прелестямъ; тронутыя сердца обращаются къ нему, умы плѣненные охотно за нимъ слѣдуютъ. Разумъ всегда бываетъ обманутъ сердцемъ, а сердце всегда обмануто миловидною Изряженностїю.

Изъ всѣхъ частей, Риторику составляющихъ, одна лишь Изряженность имѣетъ неоспоримыя права надъ сердцемъ; изобрѣтенїе обязано своимъ произхожденїемъ воображенїю; удачное разпоряженїе частей рѣчи есть произведенїе разборчивости, и точнаго и геометрическаго ума. Но естьли бы всѣ сїи представленныя нами примѣры Вступленїя, Подтвержденїя и Заключенїя не были украшены рукою Изряженности, мы бы увидѣли въ нихъ одну лишь сухость, томность, отвратительную и жалкую однообразность; они бы

были схожи на снабдѣнныя чувствами тѣла но которыя не имѣя души, остаются бездѣйственными: одна лишь Изряженность можетъ ихъ оживить, дать имъ силу, нервы, краску; Изряженность производитъ все.

Мечта, сїя сердецъ Царица,
Идетъ во слѣдъ за ней; вдыхаетъ сожалѣнье,
Смятенье, чувства, скорбь, отраду слезы лить.
(Волтеръ)

Доставлялъ ли когда одинъ разсудокъ сїе столь сладкое и утѣшительное удовольствїе? Что я говорю? Всегда ли полно въ состоянїи мы его чувствовать? Сердце гложимое завистїю, распаляемое гнѣвомъ, раздираемое любовїю и ревностїю, довольно ли имѣетъ надъ собою власти, чтобъ слушать съ кротостїю гласъ разсудка? Нѣтъ, тщетно бы силился онъ разсыпать мраки сїи: вѣтръ страстей загашаетъ въ собственныхъ рукахъ его свѣтильникъ; одной лишь Изряженности свойственно ихъ успокоить.

Изъ всего нами сказаннаго должно заключить, что Изряженность состоитъ въ украшенїи благородными мыслями и отборными выраженїями, изобрѣтенныхъ и нату-

рально разположенныхъ причинъ, и въ снабженіи ихъ пріятностями, и такимъ оборотомъ, которымъ бы съ удобностію можно было плѣнить разумъ и сердце. Главнѣйшія средства къ достиженію сего заключаются въ чистотѣ языка, которую дѣйствительно можно признать основаніемъ краснорѣчія, и которую краснорѣчіе всегда предполагаетъ также въ числѣ и стройности періодовъ, въ свойственности, въ удачномъ выборѣ слога, и въ здравомъ употребленіи риторическихъ Фигуръ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О чистотѣ языка.

Сія столь полезная для краснорѣчія чистота языка состоитъ въ томъ, чтобъ избѣгать всякаго низкаго, простонароднаго, неблагопристойнаго и необыкновеннаго выраженія; всегда употреблять приличныя реченія, не ставить вмѣсто одного слова другое, которое

бы въ израженіи желаемой нами вещи могло имѣть лучшее дѣйствіе: таковыя маловажныя небреженія бываютъ иногда гораздо пагубнѣе нежели мы себѣ воображаемъ. Но впрочемъ я не заставляю тѣмъ самимъ привязываться излишно къ точности, по примѣру тѣхъ хладнокровныхъ Грамматиковъ, которые слишкомъ угождая уху, непомѣрно строги къ красотамъ воображенія, запираются въ самой узкой сферѣ, и никогда не даютъ воли разуму.

Можно сказать о нихъ, что они не прилѣпляются къ чистотѣ, но заражены порокомъ упрямаго чистоязычія, за которымъ обыкновенно слѣдуютъ однообразность, безплодіе и изнеможеніе; сіе столь пагубное для пріятностей воображенія заблужденіе, лишаетъ насъ всѣхъ способовъ нравиться.

Не льзя нравиться читателю не будучи пріятнымъ. Но изъ всѣхъ находящихся въ рѣчи пороковъ, ничего не можетъ быть смѣшнѣе, и ничего не должны мы такъ оберегаться, какъ глупой привязанности къ притворно изковерканному нарѣчію, столько осмѣиванному Моліеромъ въ нѣкоторыхъ его

наизабавнѣйшихъ комедіяхъ, и которое, не смотря на всѣ старанія сего великаго Комика о его изкорененіи, всегда заражаетъ жителей уѣздныхъ городовъ, и въ самой Столицѣ торжествуетъ въ обществахъ щеголей и такъ называемыхъ людей модкаго ума.

Г. Боало въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ такъ же снабжаетъ насъ всѣми приличными чистому языку наставленіями:

Да будетъ соблюденъ языкъ въ твореньяхъ вашихъ,
И въ самыхъ крайностяхъ да будетъ онъ священъ.
Вотще прельщаете мой слухъ согласнымъ звономъ,
Коль рѣчь не собственна, иль оборотъ вашъ худъ.
Мой не пріемлетъ умъ въ убранствѣ Барбаризма,
И гордый Соллецизмъ противенъ мнѣ въ стихахъ:
Безъ чистоты въ словахъ божественной писатель,
Со всѣмъ его трудомъ, всегда худой творецъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О Періодахъ.

Період есть не иное что, какъ малая рѣчь, составленная изъ частей такимъ образомъ между собою связанныхъ, что смыслъ не прежде разкрывается какъ при концѣ. Вотъ тому примѣръ изъ Г. Ломоносова.

„Смотрѣть на роскошь преизобилующія „Натуры, когда она въ пріятные дни на„ступающаго лѣта, поля, лѣса и сады „нѣжною зеленью покрываетъ, и безчис„ленными родами цвѣтовъ украшаетъ; ко„гда текущія въ источникахъ и рѣкахъ яс„ныя воды въ тихомъ журчаніи къ морямъ „достигаютъ, и когда обремененную сѣмена„ми землю то любезное солнечное сіяніе „согрѣваетъ, то прохлаждаетъ дождя и „росы благорастворенная влажность; слу„шать тонкій шумъ трепещущихся ли„стовъ, и внимать сладкое пѣніе птицъ, „есть чудное и чувства и духъ восхищаю„щее увеселеніе.“

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О Частяхъ Періода.

Части составляющія період бываютъ двухъ родовъ: или члены, или отдѣленія.

Членъ есть предложеніе, заключающее въ себѣ самомъ нѣкоторой смыслъ, но смыслъ несовершенной, оставляющій читателей или слушателей въ недоумѣніи, и зависящій отъ другихъ частей періода.

ПРИМѢРЫ.

„Естьли закрывать глаза на разительныя доказательства Христіанства есть „престращное сумазбродство."

Вотъ членъ, которой и полонъ и довольно ясенъ, но со всѣмъ тѣмъ разумъ нашъ и ухо еще не удовольствованы: еще не видно, чѣмъ занято разсужденіе, и къ чему оно намѣревается насъ привести. Надобно непремѣнно, для дополненія смысла, прибавить къ нему сей послѣдующій членъ:

„То гораздо еще безумнѣе быть о таковомъ ученіи увѣрену, и жить какъ будто „мы о несправедливости его не сомнѣвались.

Вотъ оконченной періодъ; вотъ смыслъ полной.

Отдѣленіе есть часть члена, заключащая такъ же въ себѣ нѣкоторой смыслъ, и которое по самой этой причинѣ можно бы было назвать членомъ, естьли бы оно было одно; но которое будучи уже присоединено къ различнымъ другимъ частямъ, имѣющимъ общую цѣль, споспѣшествуетъ какъ бы съ общаго съ ними согласія къ порожденію такъ называемаго Члена. Точно почти такимъ же образомъ, какимъ въ тѣлѣ человѣческомъ членъ произходитъ отъ сообщенія мускуловъ, нервовъ, жилъ, біющихся жилъ, хрящей, костей, мяса и кожи.

ПРИМѢРЫ
(выбранные изъ стихотворенія Гжи. Дезуліеръ.)

Первое Отдѣленіе.

Ты, коего совѣты мудры
Хотятъ печаль мою смягчить;

Второе Отдѣленіе.

Ты, бѣдства коего, увы! равны съ моимъ;

Третіе Отдѣленіе.

Ты, разумъ чей постигъ сердецъ движенье нѣжныхъ,

Четвертое Отдѣленіе.

И похищенье зрѣлъ, при свѣтлости небесъ,
Любовницы младой, любезной.

Не ясно ли что и однаго бы изъ сихъ отдѣленій было довольно къ составленію члена? со всѣмъ тѣмъ членъ округляется здѣсь всѣми четырьмя отдѣленіями, по тому что всѣ они клонятся къ одному концу, которой заключается въ семъ послѣдующемъ членѣ:

Селимедонъ, воззри на слабость ты мою,
Какъ знающій любви могущество и силу.

Вотъ еще два примѣра: одинъ изъ нихъ приведенъ изъ сочиненій Г. Державина.

Когда тебя не мучатъ страсти,
Которы трудно усмирить;
Когда не хощешь вышней власти
И первою въ вельможахъ быть;
Когда не мстишь, и совѣсть права
Не алчетъ злата и сребра:
Какого же, коль тѣломъ здрава,
Еще желаешь ты добра?

Другой же представляетъ намъ одна изъ Одъ г. Ломоносова. Въ одночленномъ періодѣ члены обыкновенно дѣлятся двоякимъ образомъ, или первой членъ, такъ какъ видно изъ предъидущихъ примѣровъ, дѣлится на отдѣленіе, или второй. Но встрѣчаются иногда въ нѣкоторыхъ Авторахъ одночленные періоды, чрезвычайной краткости, и которые могутъ переобразоваться въ длинные вставкою союзовъ. Въ примѣръ чему представимъ сіе мѣсто изъ Г. Ломоносова:

Уже врата отверзло лѣто.
Натура ставитъ общій пиръ.
Земля и сердце въ насъ нагрѣто.
Колеблетъ вѣтьви тихъ зефиръ,
Объемлетъ мягкій лугъ крылами,
Крутится чистый токъ полями.
Брега питаетъ тучный илъ.
Листы и цвѣтъ покрылись медомъ.
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ.
Поспѣшно красный вождь свѣтилъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О различныхъ родахъ Періодовъ.

Періоды бываютъ дву-членные, трехъ-членные и четверо-членные: вотъ для лучшаго уразумѣнія, особенно каждому, примѣры.

Періоды дву-членные.

(Г. Флешье, въ Надгробномъ словѣ великому Тюренну.)

„Герой сей столько же былъ удивителенъ, когда здравоумнымъ и вмѣстѣ мужественнымъ отступомъ спасалъ остатки разбитаго воинства при Маріендалѣ, какъ и во время чудныхъ и щастливыхъ своихъ подвиговъ противъ войскъ Имперскихъ и Баварскихъ.

Въ одной изъ Одъ г. Ломоносова:

Какъ лютый мразъ весну прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ,
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ;
Вселѣнну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами краситъ вновь;
Такъ нынѣ милость и любовь
И свѣтлый дщери взоръ Петровой
Насъ жизнью оживляетъ новой.

Періодъ трехъ-членный.

(Г. Боссюетъ, въ надгробномъ словѣ Великому Конде)

„Трижды порывался юный побѣдитель „(Великій Конде) сломить сихъ неустрашимыхъ ратниковъ (пѣхотное Испанское войско), и трижды былъ отражаемъ прехрабрымъ Графомъ Дефонтеномъ, который, „заставляя себя носить по солдатскимъ рядамъ на носилкахъ, показывалъ, не смотря „на дряхлость и старость лѣтъ своихъ, что „мужественная душа всегда господствуетъ „надъ тѣломъ, ею оживляемымъ.„

Періодъ Четыре-членный.

(Изъ похвальнаго слова, Г. Ломоносова, Петру Великому.)

„Чудилось прежде безчисленное народа „множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ Московскихъ, когда „нашъ Герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего Царскаго „Дому, при знатныхъ чинахъ Россійскаго „Государства, и при знатномъ собраніи

„Дворянства, то радующихся, то поврежденія здравія его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; „копая рвы и взводя землю на раскаты, „какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, „какъ Государь; всѣмъ давая примѣръ, какъ „премудрый учитель и просвѣтитель; но „вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, „когда съ начала на малыхъ водахъ Московскихъ, потомъ на большой ширинѣ озера „Ростовскаго и Кубанскаго, наконецъ въ „пространствѣ бѣлаго моря, увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился „на время изъ своего Государства, и сокрывъ „величество своея особы между простыми „работниками, въ чужой землѣ корабельному „дѣлу обучаться не погнушался.„

Вся тайна періода заключается въ нѣкотораго рода частичкахъ, которыя, естьли токмо позволителенъ таковой образъ выраженія, могутъ въ немъ быть признаны за хрящи или за связующія различныя члены верьви, и по которымъ смыслъ раскрывается не прежде, какъ съ совершеннымъ окончаніемъ

перїодическаго оборота. Сїи нарѣчїя суть, на примѣръ: хотя впрочемъ; но чемъ болѣе, тѣмъ менѣе; не только, но еще, и проч. Не безполезно будетъ, я думаю, для молодыхъ и не навыкшихъ къ перу людей, чтобъ они нарѣчїя сїи сдѣлали архивою своихъ потребъ: однимъ лишь великимъ и опытнымъ Писателямъ свойственно пренебрегать таковыя пособїя, и вертѣть однимъ шаромъ перїодическимъ, не обнаруживая понуждающихъ шара къ таковому дѣйствїю, скрытныхъ пружинъ *).

*) Не безполезно будетъ объявить всѣмъ читателямъ этой Риторики, что Авторъ ея уведомляя, что тайна перїода заключается въ частичкахъ, называемыхъ Грамматиками союзами, и думая, что они несравненно удобнѣйшимъ образомъ могутъ объяснять предлагаемыя мысли, можетъ не малое число молодыхъ и неопытныхъ людей, или затруднить въ ихъ понятїи, или породить въ нихъ принужденныя и ложныя разсужденїя. Основательность этихъ словъ всякой можетъ видѣть въ предъидущихъ двухъ, приведенныхъ къ одно-членному и четыре-членному перїоду, примѣрахъ, гдѣ слово *когда* въ одномъ изъ нихъ не производитъ ни какого раздѣленїя смысла; въ другомъ же напротивъ того, дѣлитъ на одинъ перїодъ больше. И съ внимательнымъ изысканїемъ тому причины, всякой узнаетъ, что это отъ того происходитъ, что слово *когда* взято въ различныхъ его знаменованїяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О теченіи слога.

Всѣ пріятности, всѣ красоты періода заключаются въ теченіи слога, которое есть не иное что какъ нѣкоторая плѣняющая уши, сладостная и величественная гармонія, и происходитъ отъ правильнаго выбора и отъ щастливаго расположенія терминовъ. Выраженія самыя пышныя, самыя сильныя не всегда могутъ подобрать или составить пріятное крутовращеніе слова; чтобъ совершенно успѣть въ семъ гармоническомъ согласіи, то потребны къ тому природное дарованіе, вкусъ и ухо тонкое и вѣрное.

Можно еще къ сему замѣчанію и то добавить, что при связкѣ простыхъ идей, не надлежитъ излишно заботиться, по предложеннымъ ли правиламъ оны связуются; но о томъ токмо, производитъ ли связь ихъ натуральныя и съ разумомъ сходныя мысли.

Изъ всего мною сказаннаго можно вывести, что идеи свои отмежать надобно не столько таковыми частичками, сколько здравымъ умомъ и разсужденіемъ, пріобрѣтаемыми навыкомъ къ умствованію и чтеніемъ; а безъ того, въ противномъ случаѣ, мы часто можемъ не дополнять свои идеи, и слѣдовательно, не вразумительнымъ образомъ объяснять то, чего и сами не ясно видимъ.

(Замѣч. перевод.)

Имѣйте вѣрное въ размѣрѣ звуковъ ухо.

Боало.

Ухо самое вѣрное должно было замѣтить къ совершенному его удивленїю и порадованїю сей многочисленной размѣръ звуковъ (cadence) во всѣхъ представленныхъ мною примѣрахъ; и смѣло могу въ томъ настоять, что естьли кто до того грубъ, чтобъ ихъ не чувствовать, тотъ, по словамъ Цицерона, долженъ быть непремѣнно безъ ушей, тотъ ничего не имѣетъ сходнаго съ человѣкомъ.

Гармонїя особенно должна стараться о прїятности конца перїода, потому что по совершенномъ окончанїи смысла слушатель, котораго вниманїе не могло противиться сему быстростремящемуся потоку краснорѣчїя, гораздо лучше можетъ разсуждать и подать свое мнѣнїе, когда потокъ сей наконецъ остановился, и далъ ему время на размышленїе.

Начало перїода такъ же требуетъ великаго искуства, дабы тѣмъ самимъ возбудить вниманїе слушателя.

Середина должна быть порядочно связана, не долга, безъ всякихъ двоесмыслїй, безъ парантезовъ (вмѣстительныхъ), которыя водятъ слушателевъ умъ по пространствамъ двухъ изъ разныхъ центровъ описанныхъ круговъ, и безъ всякихъ, могущихъ вниманїе затруднить и привести въ утомленїе, околичностей.

Всего болѣе надобно стараться, чтобъ не было стеченїя между собою гласныхъ, потому что они другъ съ другомъ ударяясь составляютъ чрезвычайно непрїятную дребедень.

Вообще перїодической слогъ долженъ быть чистъ, выправленъ, ясенъ, украшенъ, прїятенъ, текучь, строенъ; безъ всякой грубости, безъ словъ суровыхъ, оскорбительныхъ, неприличныхъ, неупотребительныхъ: короче сказать, должно имѣть къ языку всевозможное уваженїе, и не жертвовать имъ ни для возвышенїя мыслей, ни для ложнаго блеска, прикрашеннаго нѣсколько гармоническимъ тономъ, которымъ легко могутъ быть обольщены писатели, излишно занимающїеся красотою слога, и слѣдовательно, погрѣшить противъ сего мѣста Ри-

торики. Надобно, чтоб періодъ былъ соразмѣрной долготы; естьли періодъ слишкомъ коротокъ, онъ не въ состояніи вмѣстить должной гармоніи, смыслъ не будетъ въ немъ довольно выдержанъ и не можетъ довольно занять вниманіе слушателя: естьли же онъ очень длиненъ, разумъ человѣческой столько ограниченной, не въ состояніи будетъ всего его обнять вдругъ, и упуститъ всѣ почти его красоты. Стараться не дѣлать стиховъ въ прозѣ, такъ же избѣгать частаго употребленія Риѳмъ и Епитетовъ (словъ прилагательныхъ). Поезія же съ своей стороны не терпитъ прозаическихъ реченій; можно ихъ назвать двумя различными расправами, которыя имѣютъ свои исключительныя права и границы.

Ораторическія рѣчи чрезвычайно хорошо начинать величественнымъ четыре-членнымъ періодомъ. Цицеронъ испыталъ однажды самымъ пріятнымъ для него образомъ, какую власть имѣла гармонія надъ прилѣжными и чувствительными слушателями: сей неподражаемой Ораторъ превозносилъ въ одной изъ витійственныхъ своихъ рѣчей Ве-

ликаго Помпея; едва онъ проговорилъ свой періодъ, какъ всѣ слушатели, будучи приведены въ нѣкоторой родъ изступленія, громогласно начали его хвалить, и прервали своими восклицаніями, радостными криками и сильнымъ всеобщимъ рукоплесканіемъ, не соотвѣтствовавшими ни мало величеству того мѣста. Изумленной, и столько же порадованной дѣйствіемъ своего краснорѣчія Ораторъ, не прежде могъ начать говорить прерванную рѣчь, какъ давши время удивленію своихъ слушателей совершенно себя обнаружить и надовольствоваться. Этотъ же самой Цицеронъ защищалъ однажды въ судебномъ мѣстѣ Лигарія; дѣло состояло въ томъ, чтобъ склонить Кесаря къ прощенію сего преступника. Никто бы кромѣ Цицерона не дерзнулъ на таковое предпріятіе. Кесарь держалъ уже въ рукѣ своей ко осужденію приговоръ, и не хотѣлъ даже слушать Оратора; но наконецъ на то согласился, говоря: послушаемъ Цицерона, я въ своемъ намѣреніи твердъ, его слова опредѣленія моего не премѣнятъ. Цицеронъ началъ говорить и краснорѣчіе его, при помощи ис-

кусныхъ и сильно-напорственныхъ доводовъ, превозмогло твердость Кесаря. Онъ не отрицалъ злодѣянія, онъ не опровергалъ виновника, но онъ столько умѣлъ воспользоваться природною Кесаревою склонностію къ милосердію, что тронутый Диктаторъ, выпустивши изъ рукъ своихъ письменной приговоръ, вскричалъ: *твой верхъ Цицеронъ, Кесаръ не въ силахъ тебѣ противиться.*

Мнѣ кажется, что намъ не часто удается видѣть таковыхъ чрезвычайныхъ, и столько славныхъ для самихъ Ораторовъ произшествій. Но не уже ли тому виною слушатели? Не уже ли они не чувствуютъ пріятностей краснорѣчія? или въ наши времена во все вкуса не стало? Вотъ обыкновенной ропотъ поруганныхъ Ораторовъ; но основателенъ ли онъ? сомнѣваюсь. Публика, какъ прежде сего, такъ и нынѣ ничего бы столько не желала, какъ чтобъ превознести хвалами и быть тронутою: но сколь рѣдки Цицероны!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О слогахЪ.

СлогомЪ вЪ обыкновенїе вошло называть самый тотЪ образЪ, которымЪ каждый обЪясняетЪ свои мысли: отЪ того и происходитЪ, что говорятЪ о всякомЪ АвторѢ, что онЪ имѢетЪ особенной ему слогЪ, по которому не можно его не узнать; отЪ того произходитЪ, что столько людей сЪ нѢкоторымЪ тщеславїемЪ думаютЪ угадывать на вѢрное всѢхЪ неизвѢстныхЪ имЪ по имяни АвторовЪ: смѢшное и не меньше опасное предразсужденїе, которое часто вводило сихЪ сумазбродныхЪ ЕдиповЪ вЪ заблужденїе, столько пагубное для ложно-отгаданныхЪ АвторовЪ.

ТакЪ какЪ всякаго рода обЪясненїе приличествуетЪ не болѢе какЪ тремЪ разборамЪ матерїй; первой простой, второй нѢсколько возвышенной, третїй высокой или изящной: можно обратно сказать, что и слоги бываютЪ трехЪ разборовЪ; простаго, умѢреннаго или средняго, и изящнаго; а то самое, что называютЪ слогомЪ особенно принадлежа-

щимъ Автору, есть не иное что какъ оттѣнка сихъ трехъ различныхъ родовъ слога, до безконечности перемѣняющаяся; или самое употребленіе Автора этихъ трехъ родовъ слога, въ трехъ различныхъ, относящихся къ имъ матеріяхъ.

Доброта слога состоитъ вообще въ ясности и свойственности. Слогъ долженъ быть ясенъ. Пишутъ не для того чтобъ никто понять не могъ. Тѣ которые съ удовольствіемъ погружаются во мракѣ, имѣютъ въ полной своей власти и всегда готовое пособіе, оно есть молчаніе. Удивительно, что есть много такого страннаго вкуса Писателей, которые уважаютъ сочиненія свои по мѣрѣ ихъ отступленія отъ вразумительности и ясности; и что еще чуднѣе, находятъ себѣ глупыхъ и суевѣрныхъ читателей, столько восхищенныхъ этими прекрасными вещьми, которыхъ они не понимаютъ, да и понять никакъ не могутъ. Но, по словамъ Г. Боало, глупецъ находитъ часто въ почитателяхъ своихъ несравненно большихъ ему глупцовъ.

Слишкомъ кудрявыя реченія, пустыя, утонченныя, наполненныя принужденностію и изученою нѣжностію, мысли; словомъ сказать, все что имѣетъ видъ скрытности, внушаетъ въ невѣжъ и людей ограниченныхъ умомъ не знаю какое-то почтеніе: глаза ихъ обольщенныя ложнымъ блескомъ приманчиваго бренчанія, добровольно закрыты отъ поражающаго ихъ въ этомъ родѣ сочиненій, подлиннаго смѣшнаго, и отворяются, чтобъ насладиться зрѣніемъ существа разсудка и мечтательныхъ красотъ, находящихся дѣйствительно не въ сочиненіяхъ, но въ разстроенномъ ихъ воображеніи: все что свыше сферы ихъ разумѣнія, для нихъ безцѣнно. Какая смѣшная крайность униженія!

Здраваго и основательнаго ума человѣкъ когда пишетъ, то пишетъ съ тѣмъ, чтобъ всякой могъ его понять; и когда читаетъ произведенія другихъ, не торопится въ изъявленіи имъ своего удивленія или неудовольствія; онъ хочетъ знать, прежде нежели осуждать или хвалить; онъ углубляется, разсматриваетъ его въ тонкость; дѣлаетъ надъ нимъ различныя изыски: подобно тѣмъ

благоразумнымъ Сенонянамъ, которые, будучи приведены въ нѣкоторой родъ почтительнаго страха, присутствіемъ важныхъ и ими за боговъ принятыхъ, Римскихъ Сенаторовъ, не хотѣли, не узнавши напередъ основательнымъ образомъ свойствъ ихъ, воздавать имъ божескихъ почестей. Плачевный и душу раздирающій опытъ, отъ котораго бы важныя сіи судьи уволили ихъ охотно! Слогъ долженъ приличествовать разсужденному предмѣту. Не всякой предмѣтъ, какъ сказано было выше сего, согласуется со всякимъ родомъ слога. Смѣшно бы было, естьли бы кто выдумалъ прославлять на Гомеровой лирѣ работу муравья; и укореняющееся нынѣ обыкновеніе, хвалить въ простонародныхъ пѣсняхъ великихъ мужей и героевъ, кажется для меня великою неблагопристойностію. Въ выборѣ слоговъ долженъ быть надежнѣйшимъ нашимъ наставникомъ здравой умъ и разсужденіе. Дѣйствительно краснорѣчивой Ораторъ умѣетъ говорить о маловажныхъ вещахъ съ простотою, умомъ, съ наполненой простодушіемъ нѣжностію; о вещахъ умѣренныхъ съ пріятностію, краснорѣчіемъ, чи-

стотою; о вещахъ высокихъ, съ пышностїю и величественностїю: здѣсь онъ тугъ и отрывистъ; тамъ нѣсколько обильнѣе и полночисленнѣе. Онъ преклоняетъ иногда на свою сторону слушателя, то остроумною, откровенною и скромною внѣшностїю, которая его невѣроятнымъ образомъ къ себѣ привязываетъ; то удивляетъ его; восхищаетъ его величественностїю своихъ чувствованїй, благородствомъ мыслей своихъ, превосходствомъ своихъ выраженїй; всегда въ готовности принаровить свое краснорѣчїе, представить новыя зрѣлища, украсить мѣсто явленїя новыми декорацїями, смотря на разноту мѣстъ, времяни и лицъ. Величавъ и важенъ, радостенъ и забавенъ, остръ и язвителенъ, кротокъ и благопривѣтливъ, печаленъ и сумраченъ, живъ и веселъ; Ораторъ настоящїй Хамелеонъ.

Мы отличили три рода слоговъ. Станемъ теперь разсуждать о нихъ въ подробности, и начнемъ съ слога высокаго или изящнаго.

Высокой или изящной слогъ.

Изящнымъ слогомъ называемъ мы тотъ слогъ, который высокими и величественными мыслями, сильными и обильными израженїями, бѣглыми и порывистыми движенїями, благородными и красивыми картинами, возноситъ душу выше чувствъ, и наполняетъ ее нѣкотораго рода изступленїемъ, смѣшеннымъ съ удовольствїемъ, почтенїемъ, изумленїемъ и удивленїемъ: вотъ тому примѣры:

Книга великаго Пророка Iсаїи безъ изключенїя преисполнена самыми явственными примѣрами слога изящнаго; свидѣтельствуюсь симъ приведеннымъ мною изъ 34 главы, мѣсто

„Приступи́те язы́цы, и услы́шите кня́„зи: да̀ слышитъ земля, и живущїя на ней, „вселенная, и людїе иже на ней. За не „ярость Господня на вся языки, и гнѣвъ „его на число ихъ, еже погубити ихъ, и „предати я на закланїе; и язвенїи ихъ по„вергнутся, и мертвецы, и взыдетъ ихъ „смрадъ, и намокнутъ кровїю горы ихъ: и „истаютъ вся силы небесныя, и свїется не-

„бо аки свитокъ, и вся звѣзды спадутъ яко „листвïе съ лозы: и яко же спадаетъ листвïе смоковницы.„

Въ потерянномъ Раѣ, Поэмѣ Г. Мильтона, Молохъ, одно изъ ужаснѣйшихъ произведенïй ада, Молохъ, будучи не въ силахъ укротить порывистыхъ, сильныхъ движенïй бѣшенства и отчаянïя, и окруженной подобными ему мятежными духами, оскверняетъ языкъ свой таковымъ неутолимымъ своимъ противъ Всемогущаго гнѣвомъ:

„Но пока будемъ соглашаться о мѣрахъ „недостойныхъ насъ, должны ли тьмы ду„ховъ вооруженныхъ, ожидающихъ токмо „мановенïя на приступъ, здѣсь пребывати „безъ дѣйствïя и во изгнанïи изъ истинна„го ихъ отечества? Должны ли, чтобъ ду„хи небесные имѣли себѣ жилище сïю без„честную и мрачную пещеру, гдѣ насъ за„ключилъ жестокïй, царствующïй отъ на„шей слабости? Нѣтъ; употребимъ пламень „и фурïи адскïя: пройдемъ всѣ совокупно „насилïемъ до горъ вѣчныхъ. Устроимъ „изъ собственныхъ мученïй оружïя проти„ву нашего тирана. Да услышитъ онъ ад-

„скій громъ, посрамляющій молнію въ ру-
„кахъ его; поставимъ противу блистаній
„его огнь блѣдный, поядающій насъ; пока-
„жемъ явную ярость; пустимъ ужасъ ме-
„жду его Ангеловъ; да возтрепещетъ, видя
„престолъ свой покрытый симъ жупеломъ
„и пламенемъ, который уготовалъ онъ про-
„тиву насъ.„

Таковыя ужасной изящности и пыш-
наго богохуленія слова чрезвычайно при-
стойно вложены въ уста Демона, бранію и
кровопійствомъ дышущаго.

Г. Флешье, подобно высокопарной Пин-
даровой лирѣ, возносится къ высотамъ не-
беснымъ, и скрывается далеко отъ глазъ
обыкновеннаго красно-словія. Какія изящ-
ныя мысли! какія пышныя израженія! какія
привлекательныя и разительныя картины!
какая сила, на примѣръ, и вмѣстѣ какое
несравненное величество въ семъ извлеченіи
изъ Надгробнаго Слова великому Тюренну!

„Уже трепеталъ въ шатрахъ своихъ
„смятенный и разстроенный врагъ. Уже для
„спасенія своего устремлялся въ ущели-
„ны горъ сей орелъ, коего дерзновенный по-

„летъ сначала устрашалъ наши области.
„Сїи молнїи изъ жерлъ мѣдяныхъ, изобрѣ-
„тенныя адомъ для изтребленїя человѣковъ,
„гремѣли со всѣхъ сторонъ для ускоренїя и
„споспѣшествованїя онаго отступленїя; и
„Францїя въ изумленїи ожидала успѣха сего
„предпрїятїя, которому, по всѣмъ прави-
„ламъ воинскимъ, надлежало неминуемо
„сбыться.

„Увы! мы вѣдали все, чего могли на-
„дѣяться; а не помышляли о томъ, чего
„надлежало устрашаться. Предвѣденїе все-
„могущее не дало провидѣть намъ потерю,
„превосходящую несравненно потерю самой
„битвы. Предположена была погибель жи-
„вота, въ изкупленїи котораго всякой бы
„охотно собою жертвовалъ. О Богъ ужас-
„ный, но праведный въ Твоихъ совѣтахъ и
„судьбахъ о чадахъ человѣческихъ! Ты раз-
„полагаешь и побѣдителями и побѣдами!
„Ты, чтобъ заставить выполнять Твои
„предписанїя, чтобъ привести въ трепетъ
„передъ судомъ Твоимъ, Ты сильною своею
„рукою низвергаешь колоссы, собственнымъ
„Твоимъ могуществомъ воздвигнутые. Ты

„избираешь въ дань Твоему безпредѣльному „величїю великїя жертвы; и поражаешь, по „произволу своему, тѣ знаменитыя главы, „которыя Ты толико-кратно увѣнчавалъ.

„Не ожидайте, почтенные слушатели, „чтобы я открылъ вамъ трогательное позо„рище; чтобы представилъ сего великаго „мужа, простертаго на его собственныхъ „трофеяхъ; чтобы явилъ вамъ сїе тѣло „блѣдное и окровавленное, близь котораго „еще дымится молнїя, его сразившая; что„бы заставилъ вопїять кровь его, подобно „крови Авелевой, и чтобъ выставилъ пе„редъ вами плачевныя картины закона и „сѣтующаго отечества. — —

„Съ трудомъ могу я продолжать рѣчь „мою. Я въ совершенномъ изнеможенїи ду„ха, государи мои: Тюреннъ умираетъ, все „приходитъ въ смятенїе, щастїе колеблет„ся, побѣда утомляется, удаляется миръ, „добрыя намѣренїя союзниковъ ослабѣваютъ, „ратники угнѣтены горестїю и возбуждены „мщенїемъ; все бранное поле въ недоумѣнїи. „Оруженосцы, недугами и ранами изучен„ные, не о себѣ, но о учиненной имъ поте-

„рѣ помышляютъ. Умирающіе и въ часу „своего предсмертія, родители посылаютъ „дѣтей своихъ плакать о смерти ихъ началь„ника. Воинство, покрытое мрачнымъ одѣя„ніемъ печали, упражняется въ отданіи „ему послѣдняго долга погребенія, и Слава, „разносящая по вселенной чрезвычайныя про„изшествія, наполняетъ всю Европу гремя„щею молвою о жизни сего мужа, и печаль„нымъ своимъ сожалѣніемъ о его смерти.

Въ Рассиновой Трагедіи, Есѳирѣ, какъ удачно выдержанъ характеръ священнаго писанія!

Мардохей Есѳирѣ.

Ни малой помощи Творецъ отъ насъ не ждетъ;
Возстанутъ на Него пусть царства всѣ земныя,
Онъ словомъ разоритъ совѣты ихъ презлыя:
Въ сердца неистовыхъ вселитъ ужасный страхъ;
Речетъ — и всѣ они преобратятся въ прахъ.
Отъ гласа Творческа земля и твердь трепещутъ,
И воды спѣшно вспять струи свои восплещутъ:
А слабы смертные, въ которыхъ гордость зримъ,
Какъ тлѣнно былїе изчезнутъ передъ Нимъ.

Сонетъ славнаго де Барро, писанной имъ при послѣднемъ своемъ въ грѣхахъ признаніи, чрезвычайно величественъ:

Великїй Богъ! Твой судъ полнъ истинны святой,
Ты любишь къ намъ всегда являться благосклоннымъ;
Но я такъ много зла творилъ въ вѣкъ краткїй свой,
И столько чту себя злодѣемъ беззаконнымъ,
Что благость мнѣ Твоя не можетъ въ вѣкъ простить,
Тѣмъ справедливости законъ не нарушая.
Такъ, Господи! Твой долгъ мнѣ казнь опредѣлить,
Уже я трепещу, удара ожидая.
Такъ — удовлетвори Ты праведно желанье,
Низвергни громъ, рази, карай меня сто кратъ,
И бранїю за брань воздай мнѣ въ наказанье,
Слезами раздражись текущими съ ланитъ,
Въ погибели моей я гнѣвъ Твой обожаю,
Но гдѣ Твой страшный громъ, Владыко! возгремитъ?
Кровь Искупителя тамъ всюду обрѣтаю.

Но съ какимъ Авкторомъ древнихъ или новыхъ временъ сравню я божественнаго Давыда? Въ чьихъ Творенїяхъ искать мнѣ столь разительныхъ примѣровъ высокости, какими преисполнены всѣ мѣста Священнаго Писанїя? Что можетъ, наконецъ, превосходнѣе быть сего въ семнадцатомъ Давыдовомъ Псалмѣ чрезвычайнаго описанїя величества Божїя?

Смутясь въ день горести глубокой,
Я къ Богу моему воззвалъ:
Услышалъ гласъ съ горы высокой,
И въ храмѣ скорбный вопль мой внялъ.

Земля, тряхнувшись, встрепетала.
Подвиглись крѣпкихъ горъ сердца,
Холмовъ вершина задрожала,
Отъ гнѣва Божїя лица.

Дымъ въ ярости Его курился,
И отъ разгнѣванныхъ устенъ
Внезапно огнь воспламенился,
И угль отъ взора сталъ возженъ.

Спускался небомъ Онъ держимый,
Стоящъ на мрачныхъ облакахъ,
Летѣлъ, возшедъ на Херувимы,
Летѣлъ на вѣтренныхъ крылахъ.

Въ кругахъ скрываясь помраченныхъ,
Поставилъ тьму себѣ въ закровъ,
Содѣлалъ сѣнь изъ водъ сгущенныхъ,
И кровъ изъ темныхъ облаковъ.

От̑ блеску взора растворился
Пред̑ Ним̑ внезапно мрак̑ густой,
Угль огненный и град̑ спустился,
Разсыпавшись из̑ тучи той.

И возгремѣл̑ с̑ небес̑ Зиждитель,
И вышнїй глас̑ свой страшный дал̑:
Грозя противным̑ Вседержитель,
Во гнѣвѣ небо колебал̑.

Гремящи стрѣлы посылая,
Врагов̑ смятенных̑ разогнал̑,
И молнїи усугубляя,
Их̑ ополченный строй смѣшал̑.

Вдруг̑ сонмы многих̑ вод̑ явились,
От̑ запрещенья уст̑ Твоих̑,
Начала свѣта вдруг̑ открылись,
Когда дохнул̑ Твой гнѣв̑ на них̑.

Прїяв̑ меня с̑ высот̑ рукою,
Ты из̑ глубоких̑ вод̑ извлек̑;
И грянув̑ страшною грозою,
Изъял̑ от̑ сильных̑ человѣк̑.

О примѣрных̑ в̑ высоком̑ слогѣ Авкторах̑ говорено было выше; относительно же до Поэмы Жан̑-Баптиста Руссо, мож-

но еще добавить, что всѣ его, какъ духовныя такъ и свѣтскія Оды, могутъ служить совершенными образцами изящности: мнѣ кажется, что надлежитъ выключить изъ нихъ одну лишь Оду ко вдовѣ, и нѣсколько другихъ, чрезвычайныхъ въ своемъ родѣ, но которыя по наполненнымъ въ нихъ нѣжнымъ и пріятнымъ чувствованіямъ относятся болѣе къ умѣренному, нежели къ изящному слогу.

Такъ какъ изящность служитъ для предметовъ высокихъ, ее не льзя пристойнѣе употреблять какъ въ Епической и Лирической Поэзіи, въ Трагедіяхъ, въ похвальныхъ рѣчахъ, въ надгробныхъ словахъ, въ проповѣдяхъ, и въ нѣкоторыхъ не весьма обыкновенныхъ защитительныхъ рѣчахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О простомъ слогѣ.

Простой слогъ подражаетъ слогу простыхъ разговоровъ, непріятель всякихъ излишне блестящихъ украшеній; онъ старается убѣгать всего того, что отзывается великолѣпіемъ и роскошью: невинныя и чисто убранныя пріятности ему сопутствуютъ, но съ простотою и даже съ нѣкоторымъ видомъ пріятнаго небреженія; они по всюду расточаютъ смѣхи, игры, веселіе, Аттическую соль, (остроту) и нѣжность. Слогъ сей имѣетъ предъ другими великое преимущество; искуство, занимающее въ немъ главнѣйшее лице, никогда не показывается въ обнаженіи; оно укрывается и оставляетъ слѣды одной лишь Натурѣ свойственные. Самый скромный разумъ, читая или слыша сего слога рѣчь, не сомнѣвается, чтобъ и онъ не въ состояніи былъ такую же написать. Что можетъ по видимому быть легче, какъ подражать обыкновенному образу простыхъ разговоровъ? Полагаешь за вѣрное въ томъ успѣть; въ такой увѣренности принимаешь-

ся за работу, думаешь, дѣйствуешь, мучишься, ломаешь голову; тысяча не предвидѣнныхъ затруднѣній вдругъ появляются; ужасаешься, съ досадою бросаешь начатое, наконецъ, невольнымъ образомъ признаешься въ непомѣрномъ съ силами своими предпріятіи; удивительнаго требуется искуства, чтобъ не выходить изъ натуральнаго слога. Слогъ сей принимаетъ тонкія и нѣжныя мысли, бѣглыя и основательныя разсужденія, отрывистыя и остроумныя правила; однимъ словомъ, онъ способенъ къ тысячамъ различныхъ пріятностей: это прозрачной, кристальныхъ водъ источникъ, протекающихъ съ томнымъ журчанїемъ по изпещренным тысячами и тысячами цвѣтовъ, лугамъ, которыхъ сладостной, бальзамической запахъ распространяется по воздуху, померанцовыя, миртовыя разцвѣтшія дерева, вѣнчаютъ его брега преплетшимися своими вѣтвями; птицы близь его услаждаютъ слухъ денно и ночно стройными своими голосами.

Простой слогъ требуетъ бо́льшей точности предъ слогами изящными, и въ чи-

стотѣ и ясности изражения мыслей, строжайшаго наблюдения; потому что слушатель, находясь въ спокойномъ положении, удобно можетъ замѣтить самыя даже маловажнѣйшия погрѣшности, упущенныя имъ въ изящномъ слогѣ по причинѣ безпредѣльнаго своего восхищения.

Священное Писание представляетъ всякаго рода слоговъ чрезвычайные примѣры, изъ которыхъ всегда у меня въ мысляхъ одно превосходнѣйшее мѣсто въ Евангелистѣ Лукѣ, какъ то: повѣсть, которая, по разительной своей истиннѣ, и по натуральнымъ, чистымъ, яснымъ и не испещреннымъ фигурами и другими изученными прикрасами, терминамъ, по краткости периодовъ (что такъ же составляетъ одно изъ достоинствъ слога простаго), по плѣнительной простотѣ цѣлаго, достойно вложена въ уста нашего Господа.

„Человѣкъ нѣкій бѣ богатъ, и облачашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни свѣтло. Нищь же бѣ нѣкто именемъ Лазарь, иже лежаше предъ враты его гноенъ, и желаше насытитися отъ крупицъ падаю-

„щихъ отъ трапе́зы бога́таго: но и псѝ
„приходя́ще облиза́ху гно́й его̀. Бысть же
„у́мре́ти ни́щему, и унесе́ну бы́ти Ангелы
„на ло́но Авраа́мле: у́мре же и бога́тый, и
„погребо́ша его̀. И во а́дѣ возве́дъ о́чи сво̀и,
„сы́й въ му́кахъ, узрѣ Авраа́ма издале́ча, и
„Ла́заря на ло́нѣ его̀: и то́й возгла́шь, речѐ,
„Отче Авраа́ме, поми́луй мя̀, и послѝ Ла́-
„заря, да омо́читъ коне́цъ пе́рста своего̀
„въ водѣ, и устуди́тъ языкъ мо́й: яко
„стражду̀ во пла́мени се́мъ. Речѐ же Авра-
„а́мъ: ча́до, помянѝ, я́ко воспрі́ялъ есѝ бла-
„га́я тво́я въ живо́тѣ твое́мъ, и Ла́зарь
„та́кожде злая: ны́нѣ же здѣ утѣша́ется,
„ты́ же стра́ждеши.

Персидскія письма писаны простымъ, легкимъ и забавнымъ слогомъ, въ которомъ столько Писателей, противъ ихъ чаянія, оставались всегда почти слабыми подражателями. Какая натуральность, какой умъ, какая тонкость въ семъ прекрасномъ отъ Рива къ Реди, письмѣ!

„Чудную нахожу я у Французовъ вѣ-
„тренность въ модахъ. Не запомнятъ они
„даже того, какъ нынѣшнимъ еще лѣтомъ

„одѣвалися; а еще меньше знаютъ какъ одѣ-
„ваться станутъ въ наступающую зиму;
„особливо жъ, не можно кажется и повѣ-
„рить, чего то стоитъ мужу, чтобъ на-
„рядить жену свою по модѣ.

„Тщетенъ бы былъ трудъ мой, есть-
„ли бъ я сталъ тебѣ одѣянія и уборы ихъ
„въ точность описывать. Новая мода, мгно-
„венно постигнувъ оный, разрушилабъ въ
„конецъ все мое сочиненіе, такъ какъ и
„самые труды рукодѣльниковъ, и прежде
„нежели бъ получилъ ты письмо мое, все
„бы уже перемѣнилося.

„Женщина, отлучающаяся изъ Парижа
„на полгода только въ деревню, возвращает-
„ся оттоль такъ староманерна, какъ буд-
„тобъ прожила она тамъ тридцать лѣтъ.
„Сынъ даже не познаетъ образа матери сво-
„ей: одежда, въ которой она написана, ка-
„жется ему толь странною, что онъ мнитъ,
„будто портретъ какую нибудь Американ-
„ку представляетъ, или что живописецъ
„захотѣлъ изобразить нѣчто изъ головы
„своей.

„Иногда головные уборы нечувстви-
„тельно возвышаются, и мгновенно по томъ
„наставшая перемѣна унижаетъ ихъ. Нѣ-
„когда безмѣрная ихъ высота постановляла
„лицо женское въ самой ея срединѣ; а въ
„другое время ступени ногъ ея мѣсто сїе
„занимали: ибо каблуки таковое составляли
„подстолпїе, которое содержало ихъ на
„воздухѣ. Кто бы могъ повѣрить? Архи-
„текторы часто принуждены бываютъ то
„возвышать двери, то понижать или раз-
„ширять ихъ, принаравливая всегда къ то-
„му, каковой убранствы женскїя требовали
„въ томъ перемѣны: и правила искуства
„ихъ покорены бываютъ симъ вѣтренно-
„стямъ. Иногда видятъ на лицахъ ихъ
„несмѣтное число мушекъ, а на другой
„день всѣ оныя изчезаютъ. Прежде имѣли
„женщины и станъ и зубы, а теперь о
„томъ и не спрашивай. Въ семъ толико
„перемѣнчивомъ народѣ, чтобъ ни говорили
„злоязычники, дочери находятъ себя соз-
„данныхъ иначе нежели ихъ матери.

Г. Дюфрени, которой въ сочиненїяхъ
„своихъ разсѣялъ великое множество то

важныхъ нравственныхъ истиннъ, то остроумнѣйшихъ и легкихъ издѣвокъ надъ предразсудками или слабостями человѣческими, Авкторъ, которой умѣлъ заставить себя любить и стараго и малаго, и степеннаго и перелетнаго характера людей, представляетъ намъ нѣкоторое мѣсто, достойное быть помѣщено какъ въ примѣръ простаго слога, такъ и въ свидѣтельство нами сказаннаго. Онъ говоритъ о замужствѣ. —

„Трудно написать такими красками, или представить въ такомъ видѣ бракъ, который бы былъ по глазамъ всякаго. Люди, ни мало въ немъ не участвующїе, съ удовольствїемъ пожелаютъ видѣть Комическое его описанїе. О проклятый насмѣшникъ! скажетъ этотъ пасмурно-лицой мужъ! когдабъ ты побылъ на моемъ мѣстѣ, ручаюсь, что простыла бы твоя охота къ издѣвкамъ. Естьли же мнѣ взять тонъ угрюмаго, мрачнаго Моралиста о неудобностяхъ женидьбы: то люди, желавшїе обязаться супружествомъ, будутъ жаловаться на меня, что я намѣренъ отвести ихъ отъ такаго прелестнаго состоянїя. Какимъ же языкомъ мнѣ остает-

ся о немъ говорить? Я нахожусь въ превеликомъ затрудненіи.

„Какой-то живописецъ писалъ одному молодому человѣку картину брака: я хочу, чтобъ онъ сопровождаемъ былъ всѣми прелестями, говорилъ ему страстной любовникъ. Не забудь только, ради Бога, что бракъ долженъ быть красивѣе самаго Адониса: надобно его написать, въ рукахъ съ пламенникомъ, которой бы ярчае горѣлъ пламенника Амурова. Короче сказать, положи въ ней всю силу воображенія твоего: я обѣщаюсь заплатить за твою картину, по мѣрѣ миловидности ея предмета. Художникъ, знавшій щедрую его руку, всѣми силами старался ему угодить, и принесъ къ нему картину на канунѣ его брака. Картина молодому нашему любовнику не показалась: въ этомъ изображеніи, говорилъ онъ, не достаетъ какого-то веселаго вида, какой-то красоты, какихъ-то прелестей, лучше сказать, я совсѣмъ другихъ мыслей о бракѣ: ты его написалъ посредственной красоты, ты посредственно будешь и награжденъ.

Живописецъ, въ которомъ столько же было присутствія духа, сколько дарованій въ живописи, скорѣе положилъ рѣшеніе дѣлу.

Вы не безъ причины, говорилъ онъ, не довольны красотою моей картины, она еще не высохла; лице это тускло; и чтобъ говорить съ вами откровенно, я пишу такими красками, о которыхъ въ первыхъ дняхъ ни какъ не льзя судить: я вамъ принесу эту картину, спустя нѣсколько мѣсяцовъ, и тогда вы расплатитесь со мною, смотря по ея достоинствамъ: я ручаюсь, что она въ глазахъ вашихъ будетъ совсѣмъ другою картиною. Прощайте, сударь, я крайней надобности въ деньгахъ не имѣю.

Художникъ унесъ работу свою: молодой любовникъ нашъ два дня спустя обвѣнчался; и уже протекло нѣсколько мѣсяцовъ какъ не показывался художникъ. Наконецъ, онъ принесъ картину: новобрачной нашъ увидя ея изумился; ты далъ мнѣ слово, говорилъ онъ ему, что время усовершенствуетъ твою живопись; какая отмѣна! мнѣ кажется я не узнаю ее болѣе: я удивляюсь дѣйствію времени надъ твоими красками,

и еще болѣе удивляюсь искуству твоему; но впрочемъ скажу тебѣ откровенно, что лице это кажется для меня черезъ чуръ весело, глаза эти слишкомъ живы; потому что брачное пламя должно уступить въ яркости, въ блистательности, пламени Амура, брачное пламя должно быть несравненно постояннѣе; сверьхъ того положенїе данной ему тобою осанки слишкомъ веселовидно, слишкомъ вольно, и ты далъ ей видъ нѣкоторой игривости, ни мало не соотвѣтствующей свойствамъ. . . . Словомъ сказать, писавши картину, ты былъ занятъ другими мыслями. Ладно, сударь, отвѣчалъ ему художникъ, что я предвидѣлъ, то и сбылось; бракъ не столько привлекателенъ теперь въ мысляхъ вашихъ, сколько на моей картинѣ; три мѣсяца назадъ было совсѣмъ тому противное: повѣрьте мнѣ, сударь, не картина моя, но мысли ваши перемѣнились: вы тогда любовникомъ были, а теперь сдѣлались супругомъ.

Я разумѣю тебя, прервалъ супругъ, бросимъ наше прѣнїе къ сторонѣ; прїятность

картины твоей превосходитъ всякое воображеніе, справедливость требуетъ, чтобъ плата перевѣсила самую лестную твою надежду: вотъ кошелекъ, которымъ ты будешь безъ сомнѣнія доволенъ. Нѣтъ сударь, - возразилъ онъ, я вамъ ее не оставлю, я вознамѣрился написать вамъ другую, которая бы могла равно быть по вкусу любовника и супруга, и вы въ ней увидите вѣнецъ живописи. И подлинно, художникъ написалъ другую картину, въ которой онъ съ такимъ искуствомъ умѣлъ воспользоваться нѣкоторыми правилами Оптики и Перспективы, что изображеніе брака, для всѣхъ смотрѣвшихъ на него издали, казалось прекраснымъ; но въ близи со всѣмъ было другое: онъ поставилъ ее на концѣ красивой галлереи, на нѣкотораго рода подставѣ, и чтобъ на эту подставу взойти, надобно было проходить одну чрезвычайно скольскую ступень: не доходя до этой ступени картина была не описанной привлекательности; но едва лишь переступали ее, прелести картины слетали. —

Долгота сего разсужденія не позволяетъ мнѣ помѣстить его здѣсь въ цѣльности, но я увѣдомляю читателей, что любопытство ихъ можетъ быть удовлетворено маленькою, переведенною на Россійской языкъ, книжкою, подъ заглавіемъ: *Умозрительной Путешественникъ*, соч. Г. *Дюфрени.*

Никакой Панегиристъ, читалъ я, не можетъ достойнѣе и справедливѣе превознести Автора, какъ самое его сочиненіе. И такъ, не говоря ни слова къ чести славнаго нашего Поэта, Г. Державина, представляю читателямъ извѣстную его Оду къ Фелицѣ.

Богоподобная Царевна
Киргизкайсацкія орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Флору,
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ,
Она мой духъ и умъ плѣняетъ,
Подай найти ее совѣтъ.

Подай, Фелица, наставленье
Какъ честно и правдиво жить,
Какъ укрощать страстей волненье
И щастливымъ на свѣтѣ быть.
Меня Твой голосъ возбуждаетъ,
Меня Твой сынъ препровождаетъ,
Но имъ послѣдовать я слабъ:
Мятясь житейской суетою
Сего дня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

Мурзамъ Твоимъ не подражая
По часту ходишь Ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за Твоимъ столомъ;
Не дорожа Твоимъ покоемъ
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ Твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь,
Подобно въ карты не играешь
Какъ я отъ утра до утра.

Не слишкомъ любишь маскерады,
А въ клобъ не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Недонкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не сѣдлаешь,
Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь,
Не ходишь съ трона на востокъ;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душею
Полезныхъ дней проводишь токъ.

А я проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе пью,
Преобращая въ праздникъ будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою:
То плѣнъ отъ Персовъ похищаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю,
И иногда хожу въ диванъ;
Вселенну устрашаю взглядомъ,
То вдругъ прельщаяся нарядомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.

Или въ пиру я пребогатомъ,
Гдѣ праздникъ для меня даютъ,
Гдѣ блещетъ столъ сребромъ и златомъ,
Гдѣ тысяща различныхъ блюдъ;
Тамъ славной окорокъ Вестфальской,
Тамъ звѣнья рыбы Астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ;
Шампанскимъ вафли запиваю,
И все на свѣтѣ забываю
Средь винъ сластей и ароматъ.

Или средь рощицы прекрасной,
Въ бесѣдкѣ, гдѣ фонтанъ шумитъ,
При звонѣ арфы сладкогласной,
Гдѣ вѣтерокъ едва дышитъ;
Гдѣ все мнѣ роскошь представляетъ,
Къ утѣхамъ мысли уловляетъ,
Томитъ и оживляетъ кровь,
На бархатномъ диванѣ лежа,
Младой дѣвицы чувства нѣжа,
Вливаю въ сердце ей любовь.

Или великолѣпнымъ цугомъ,
Въ каретѣ Англинской златой,
Съ собакой, шутомъ, или другомъ,
Или съ красавицей какой,
Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю;
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ перемѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ бегунѣ.

Или Музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ;
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ;
Или о всѣхъ дѣлахъ заботу
Оставя, ѣзжу на охоту,
И забавляюсь лаьемъ псовъ;
Или же Невскими брегами
Я тѣшусь по ночамъ рогами,
И греблей удалыхъ гребцовъ.

Иль сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой,
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой;
То въ свайку съ нею веселюся;
То ею въ головѣ ищуся,
То въ книгахъ рыться я люблю;
Мой умъ и сердце просвѣщаю,
Полкана и Бову читаю,
За Библїей зѣвая сплю.

Таковъ Фелица я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ,
Кто сколько мудростью ни знатенъ;
Но всякой человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями;
Бѣжимъ разврата за мечтами,
Между лѣнтягой и брюзгой,
Между тщеславьемъ и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ,
Путь добродѣтели прямой.

Нашелъ! но льзяль не заблуждаться,
Намъ слабымъ смертнымъ въ семъ пути,
Гдѣ самъ разсудокъ потыкаться,
И долженъ въ слѣдъ страстямъ итти;
Гдѣ намъ ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ тмятъ вѣжды,
В злѣ соблазнъ и лесть живетъ?
Всѣхъ паче роскошь угнѣтаетъ
Гдѣжъ добродѣтель обитаетъ?
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ?

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна! свѣтъ изъ тьмы творить.
Дѣла Хаоса въ сферѣ стройно
Союзомъ цѣлости крѣпить,
Изъ разногласія согласье,
И изъ страстей свирѣпыхъ щастье,
Ты можешь только созидать,
Какъ кормщикъ черезъ Понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

Едина Ты лишь не обидишь,
Не ненавидишь ничего,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки съ снисхожденьемъ правишь,
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цѣну ихъ;
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законѣ ихъ.

Ты здраво о законѣ мыслишь,
Достойну воздаешь Ты честь;
Порокомъ Ты того не числишь,
Кто только можетъ риѳмы плесть.
А что сїя ума забава,
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь Ты на лирной ладъ;
Поэзїя Тебѣ любезна
Прїятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Слухъ идетъ о Твоихъ поступкахъ,
Что Ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Прїятна въ дружбѣ и тверда,
Что Ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будьто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное Тебя одной,
Что будьто Ты народу смѣло
О всемъ и въявь и подъ рукой
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить,
И будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешся простить.

Текутъ пріятныя слезъ рѣки
Изъ глубины души моей,
О коль щастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткій, Ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Владѣетъ областію сей!
Тамъ можно пошутить въ бесѣдахъ,
И казни не боясь въ обѣдахъ
За здравіе не пить Царей.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ чадомъ шутовскимъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ
И нещолкаютъ въ усъ вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы взявъ ихъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, нравы,
И человѣковъ и Царей,
Когда Ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей
Въ часы твоихъ отдохновенїй
Ты пишешь въ сказкахъ поученїй,
И Флору въ Азбукѣ твердишь;
Неделай ничего худова,
И самаго Сатира злова
Льжецомъ презрѣннымъ сотворишь.

Стыдишся слыть Ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, не любимой быть;
Медведицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойтися могъ?
Иль славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ какъ Богъ?

Фелицы слава, слава Бога,
Которой брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ,
Который окомъ лучезарнымъ,
Шутамъ, плутамъ неблагодарнымъ,
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, изцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

Которой даровалъ свободу
В чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Которой воду разрѣшаетъ,
И лѣсъ рубить не запрещаетъ,
Велитъ и ткать, и прясть, и шить,
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И щастье долѣ находить.

Котораго законъ, десница,
Даетъ и милости и судъ.
Вѣщай, премудрая Фелица,
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ?
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ мать не гонитъ ни кого;
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ;
Гдѣ добродѣтели сіяютъ;
У трона развѣ Твоего?

Но гдѣ Твой тронъ сіяетъ въ мірѣ,
Гдѣ вѣтвь небесная цвѣтетъ?
Въ Багдадѣ, Смирнѣ, Кашемирѣ;
Послушай! гдѣ Ты ни живешь,
Хвалы мои Тебѣ примѣта,
Не мни, что шапки, иль бешмета
За ихъ я отъ тебя желалъ!
Почувствовать добра пріятство,
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Прошу Великаго Пророка,
Да праху ногъ твоихъ коснусь,
Да сладкаго твоихъ слезъ тока,
И лицезрѣнья наслаждусь
Прошу небесныя я силы,
Да ихъ простря сафирны крилы
Невидимо тебя хранятъ,
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки,
Да дѣлъ твоихъ въ потомкахъ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

Шутливой слогъ относится къ слогу простому, отъ котораго онъ тѣмъ только отличается, что болѣе забавенъ и простъ. Сїе самое подтвердимъ нѣкоторою сего слога Одою, писанною какимъ то Россїяниномъ для осмѣянїя одноземельныхъ его стихотворцовъ. Ода его, для меня, прекрасна; но мысль, какъ его такъ и всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ перомъ устыдить, или еще и болѣе, понудить нашихъ Лириковъ оставить несоотвѣтственное съ ихъ дарованїями ремесло, по моему мнѣнїю, будетъ всегда въ числѣ ребяческихъ, мечтательныхъ мыслей. Вотъ самая та Ода.

Хочу къ безсмертью прïютиться,
Нанять у славы уголокъ;
Сквозь кучу рифмачей пробиться,
Связать изъ мыслей узелокъ;
Хочу сварганить кой-какъ Оду,
И выкинуть такую моду,
Чтобъ былъ не надобенъ Пегасъ;
Ни Апполонъ, дѣтина строгой;
Хочу проселошной дорогой
На долгихъ ѣхать на Парнассъ.

Горшки не боги жъ обжигаютъ;
А мнѣ кто не велѣлъ строчить,
Ну! право насъ не лучше знаютъ,
Какъ строчку риѳмой завострить.
Мы также въ модахъ здѣсь живали,
И всякихъ молодцовъ видали;
Видали Оды на заказъ;
На взглядъ; такъ разные въ нихъ штуки,
Анъ разбери-ка взявши въ руки;
То въ рядъ поставятъ чище насъ.

Ну чтожъ? За чѣмъ же дѣло стало!
На прикладъ кинемся къ богамъ,
Вѣть въ Панѳеонѣ ихъ не мало,
Притараканимъ ка ихъ къ намъ.
Пускай Полимнïя и Клïо
Съ Евтерпой пропоютъ намъ трïо;
Клотона, Лахеза дуетъ:
Пусть Вакхъ царапнетъ до обѣда;
Венера, Марсъ, Юпитеръ, Леда,
En quatre пусть дернутъ минуетъ.

Велимъ поворотя оглобли,
Рѣкѣ Алфею течь назадъ;
А чтобъ Еака сбросить съ кровли,
Велимъ Ираклу ѣхать въ адъ.
Пусть Момъ словъ острыхъ пять шесть скажетъ;
Отъ вѣтровъ станетъ пыль столбомъ,
Бореи, Аквилоны, Ноды,
Всѣ эти душики, уроды,
Пускай въ верхъ опрокинутъ домъ.

Съ богами какъ не будетъ мочи,
Съ Олимпа лыжи навострю;
И вылупя ясныя очи,
Въ Исторїю я посмотрю;
Прильнувъ на часъ къ Семирамидѣ,
Въ Египтѣ окунясь въ Меридѣ,
Скажу, что есть у Крымцовъ Ханъ;
Сочту подушны въ Римѣ зборы,
По томъ замѣчу какъ Ефоры,
Тузили, гладили Спартянъ.

Двойныя заплатя прогоны,
Наймемъ копѣйныхъ на часокъ:
И новы вздумавъ забобоны,
Героевъ примемъ за високъ.
Сберемъ ихъ цѣлою толпою,
Чтобъ Сципїонъ явяся къ бою,
На Аннибалла наплевалъ;
Помпея Цесарь въ ухо хлопнулъ,
Отъ Александра Дарїй лопнулъ,
Ахиллъ туза Гектору далъ.

Взявъ въ руки посохъ и свирѣлку,
А за поясъ заткнувъ дуду;
Читателя ужъ на отдѣлку
Въ Аркадїю я поведу,
Въ луга и средь зимы неснѣжны,
Гдѣ всѣ сердца какъ мякишъ нѣжный,
Узетятъ сельска простячка,
Какъ онъ изъ Леты тянетъ крушкой,
И пляшетъ горюна съ пастушкой,
Иль голубца, или бычка.

Тамъ пусть читатель мой замѣтитъ,
Пускай зарубитъ на носокъ,
Что солнышко тамъ ясно свѣтитъ,
И утекаетъ за лѣсокъ;
На пастуховъ смотря Аврора,
Какъ сурикъ рдѣется съ задора
На дюжїй молодецкїй жаръ,
По пальцамъ сласти ихъ щитаетъ,
Денечки прежни вспоминаетъ,
И тужитъ, что Титонъ ужъ старъ.

Быть можетъ, не всему я мїру,
Набрякавъ Оду, угодилъ:
Да нада вѣдать, что вить Лиру
Я у носящева купилъ.
Иной на рынкѣ Лиръ не купитъ,
А такъ же таки оды лупитъ;
И щакъ же нашъ братъ грамотей.
Пожалуй, не судите строго:
Вѣть Ломоносовыхъ не много;
Другїе ходятъ всѣ съ жлудей.

Мы находимъ въ Московскомъ Журналѣ Рецензію на Енеиду вывороченную на изнанку, гдѣ Рецензентъ о удачности переложенія заставляетъ читателей судить по извлеченнымъ имъ нѣсколькимъ стихамъ, числомъ слишкомъ не многимъ, и слѣдовательно довольно слабымъ для изходатайствованія хорошаго мнѣнія о достоинствѣ цѣлаго, но впрочемъ стихамъ прекраснымъ, и которые справедливо могутъ требовать мѣста для примѣра шутливаго слога. Юнона проситъ Еола, владыку вѣтровъ, чтобъ онъ возмутилъ Море и погубилъ Троянцевъ.

Еолъ ей низко поклонися,
Мѣшокъ поспѣшно развязалъ,
И самъ къ сторонкѣ притулился,
Онъ вѣтрамъ всѣмъ свободу далъ.
Вздурились вѣтры, засвистѣли,
Взвились, вскрутились, полетѣли,
Настала сильная гроза. — —
Иной пыхтѣлъ надувши губы,
Другой шипѣлъ оскаля зубы,
Иной дулъ выпуча глаза. —
Горшокъ у бабы какъ со щами
Бурлитъ въ растопленной печи,
Такъ точно сильными волнами

Кипѣло море въ той ночи.

. . . .

Ревѣла буря громогласно;

Свистали вѣтры какъ сурки.

Суда, качаясь ежечасно,

Ныряли въ воду какъ нырки.

Инаго сильною волною

Вверьхъ опрокинуло кормою;

Другой насѣдкой на мѣль сѣлъ;

Иной песку съ водой наѣлся;

Иной раздулся и разсѣлся —

На дно за раками пошелъ.

Скаронъ въ семъ родѣ сочиненія былъ оригиналенъ; онъ былъ почти тоже самое въ своемъ родѣ, что Лафонтень въ своемъ. Никто такъ не разсказывалъ какъ Лафонтень, никто не шутилъ такъ какъ Скаронъ; но всего удивительнѣе то, что веселость его характера сливалась съ продолжительною и безпрестанно его обезпокоивающею жестокою болѣзнію; что и заставляло его называться Старшиною болѣзней и Больнымъ Царицы.

И увѣряю васъ божбой, (говоритъ Скаронъ)

Что ни одинъ Царицѣ воинъ

Не служитъ съ вѣрностью такой.

Нѣкоторые Стоики въ сильныхъ своихъ припадкахъ или болѣзняхъ, судя по ихъ наружности, довольно были тверды чтобъ не показывать вида прискорбїя, досады, отчаянїя и другихъ признаковъ малодушїя, чтобъ соблюсти всю бодрость своего духа: но чтобъ во время мучительной болѣзни надъ всѣмъ шутить и смѣяться, то свойственно было одному лишь Скарону; нѣтъ ни однаго какъ веселаго такъ и печальнаго предмета, гдѣбъ не была, такъ сказать, вытиснена веселость его нрава.

Но со всѣмъ тѣмъ, я вознамѣрился вамъ открыть, милыя читательницы, нѣкоторую весьма важную и смѣлую вещь, которой истинна ежедневно подтверждается опытами: Скаронъ Авторъ прекрасной, и въ своемъ родѣ единственной; но онъ столько не подражаемъ, что я ни кому бы не посовѣтовалъ брать его образцомъ своимъ; причина сему та, что для подражанїя ему съ успѣхомъ, надлежало бы имѣть непремѣнно все его дарованїе. Авторъ насыщенной чтенїемъ П. Корнелїя, Г. Рассина, Г. Волтера, можетъ

пріучиться мало по малу благородно разсуждать, выражать мысли свои съ пріятностію и силою, изображать страсти и чувства; но вкусъ къ хорошей шутливости не подражаніемъ пріобрѣтается, и ничего не можетъ быть несноснѣе глупаго забавника. Одна лишь связанная съ таковымъ ремесломъ опасность, и столь близкое разстояніе между насмѣшникомъ и смѣшнымъ, должна бы устрашить всѣхъ такого званія людей.

Насмѣшниковъ всякъ ищетъ, приглашаетъ,
(говоритъ Лафонтень)
А я бъ отъ нихъ всегда бѣжалъ;
Сіе искуство верьхъ надъ всѣми взять желаетъ.
Богъ остроcлововъ злыхъ для глупыхъ лишь
создалъ.

Простой слогъ употребляется въ Комедіяхъ, басняхъ, сказкахъ, въ маленькихъ повѣстяхъ, и обыкновенныхъ разговорахъ, которыя, для избѣжанія сухости, вялости и монотоніи, должны быть всегда приправлены нѣкоторымъ умомъ и остротою.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О умѣренномъ или среднемъ слогѣ.

Умѣренной слогъ занимаетъ середину между двумя предъидущими слогами; онъ выше и сильнѣе простаго слога, но гораздо слабѣе и ниже слога высокаго: отъ сего послѣдняго занимаетъ онъ благородство мыслей, живость изображеній, а отъ другаго родъ нѣкоторой сладости и удобно увѣряющую и трогательно откровенную внѣшность. Слогъ сей любитъ всякаго рода цвѣты и украшенія; благородныя и нѣжныя мысли; цвѣтныя и гармоническія выраженія; удачные обороты словъ; періоды многочленные; живыя и восхитительныя картины; сладкія и нѣжныя чувствованія: онъ, какъ прекрасная рѣка, которая съ тихостію катитъ щасливыя свои струи въ тѣни смѣющихся лѣсовъ, и которой пріятное и приманчивое журчаніе услаждаетъ чувство, приводитъ душу въ восхищеніе и погружаетъ ее въ сіи источники удовольствія, упоенія и нѣги, сладкія мечтанія. Всѣ пріятнаго характера страсти происходятъ отъ сего рода изряженности; тѣсная и нѣжная друж-

ба; сострадание, печаль, горесть, любовь; я говорю не о порочной любви, зазженной пламенниками адскихъ Фурій, ужасномъ бичѣ, которую злая недовѣрчивость, ревнивость и отчаяние, вездѣ преслѣдуютъ: но о любви исполненной чувствами, добродѣтелью, нѣжностію, которой соединеніе сердецъ и благополучіе вѣнчаютъ вѣчно-зеленѣющимися цвѣтами радости.

Цвѣты не дожны расточаемы быть безъ разсмотрѣнія, но употребляемы съ разборчивостію, умѣренностію, умомъ, а особливо съ перемѣною.

Однообразіе произвело въ свѣтъ скуку.

Самыя привлекательныя красоты, самыя пышныя украшенія наконецъ могутъ быть тягостными, естьли перемѣна не оживитъ истощеннаго вниманія усталаго читателя.

Безсмертное Фенелоново твореніе: Телемакъ, представляетъ намъ въ Филоклессовомъ разставаньи съ любезною его на Самосскомъ островѣ, пещерою, совершенно трогательную картину.

„Уже не сопротивлялся тогда и при-„готовлялся къ отъѣзду, но съ крайнимъ со-

„жалѣніемъ о сей толь многія лѣта обитае-
„мой имъ пустынѣ. Увы! рекъ онъ, могуль ос-
„тавить тебя, возлюбленной мой вертепъ, въ
„которомъ каждую нощь приходилъ ко мнѣ
„сладкій сонъ ради облегченія моего отъ
„трудовъ дневныхъ? Здѣсь посредѣ моего
„убожества, Парки изъ злата и шелку
„дни мои сопрядали. Обливаясь потомъ сле-
„зами, повергся на землю, да возблагодаритъ
„Наядѣ толь долгое время утолявшей жаж-
„ду его чистою своей водою, и витающимъ
„на окрестныхъ горахъ Нимфамъ. Ехо вни-
„мая жалобы его, печальнымъ гласомъ пов-
„торило оныя во услышаніе богамъ сель-
„нымъ.„ —

Мнѣ кажется, что не возможно лучше изобразить, какъ въ слѣдующей Одѣ, настоящее положеніе такого сердца, которое, любивши со всею горячностію, возвращаетъ свою вольность; но въ то же самое время, когда торжествуетъ о разрушеніи своего рабства, показываетъ, какъ будто противъ своего желанія, что оно и еще бы согласилось нести его, естьлибъ могло надѣяться лучшаго съ нимъ обхожденія.

Слогъ этой Оды столько прiятенъ и благороденъ, что чувствительная душа всегда будетъ ее читать съ новымъ удовольствiемъ. Въ ней нѣтъ ни одного обстоятельства, ни одного чувства, которое бы не было внушено самою Натурою.

Наконецъ твои обманы,
Нравъ притворной,Ниса, твой,
Излѣчили сердца раны,
Возратили мнѣ покой.

Я свободенъ сталъ не ложно;
Усмирилась пылка кровь,
И ужъ чувствую, что можно
Не носить твоихъ оковъ.

Сердцу томному къ отрадѣ,
Не терзаюсь грустью я,
И въ притворной ужъ досадѣ
Не таится страсть моя.

Имя ли твое помянетъ
Кто въ присутствiи моемъ,
Иль хвалить тебя кто станетъ,
Не тревожусь я ни чѣмъ.

Я спокойно засыпаю,
Не видавшися съ тобой,
И не первой вображаю,
Пробуждаясь, образъ твой.

Отъ тебя не жду смущенья;
Быть съ тобой я не ищу;
Зрю тебя безъ восхищенья,
И разставшись не грущу.

Не волнуюся душою,
Вспомня красоту твою:
О слезахъ, пролитыхъ мною,
Помышляя слезъ не лью.

Ты сама о томъ посудишь,
Вправдуль страсть я побѣдилъ;
Даже съ тѣмъ, кого ты любишь,
О тебѣ я говорилъ!

Какъ со мной ни обходися;
Будь хоть ласкова ко мнѣ,
Хоть по прежнему гордися,
Все я ставлю на ровнѣ.

Ужъ не могутъ разговоры,
Голосъ твой меня тронуть,
И твои ужъ нынѣ взоры
Потеряли къ сердцу путь.

Ты красотъ не потеряла;
И теперь ты хороша;
Но не та ужъ Ниса стала,
Кѣмъ жила моя душа.

Цѣпь свою я разрывая,
Только смогъ не умереть;
Но гдѣ твердость есть прямая,
Тамъ чего не льзя стерпѣть!

Птичка бѣдная страдаетъ,
Вольности лишась своей,
И всѣ силы истощаетъ,
Выбиваясь изъ сѣтей.

Хоть и перья въ нихъ оставитъ,
Улетитъ хоть чуть жива,
Но ума себѣ прибавитъ —
Впредь не будетъ такова.

Видя, что воспоминаю
Прежній плѣнъ я, Ниса, свой,
Ты помыслишь, что пылаю
И поднесь еще тобой.

Нѣтъ! пловецъ, бѣды избѣгшей,
Какъ у пристани стоитъ,
Объ опасности протекшей
Съ услажденьемъ говоритъ.

Воинъ также послѣ боя,
Гдѣ побѣда лавръ дала,
Любитъ посреди покоя
Вспоминать свои дѣла.

И невольникъ, въ чувства новы
Скорбь душевну премѣня,
Кажетъ съ радостью оковы,
Что влачилъ до толь стеня.

Истинну тебѣ вѣщаю —
Вѣрь ты мнѣ, или не вѣрь —
Я и вѣдать не желаю,
Обо мнѣ что мнишь теперь.

Прелестьми гордясь, не льстися,
Замѣнить легко меня;
Не легко найдешь ты, Ниса,
Ктобъ такъ вѣренъ былъ, какъ я.

Я потерю не такую
Сдѣлалъ важную въ тебѣ:
Вѣдь обманщицу другую
Скоро льзя найти вездѣ!

Въ остальной примѣръ умѣреннаго слога, представляю прекраснѣйшее произведенїе Поэзїи, Пѣночку. Я надѣюсь что Россїйскїя дѣвицы безъ изключенїя читали Московской Журналъ, и слѣдовательно увидятъ въ ней не новое; но я не менѣе того думаю, что она, какъ обыкновенно и другїя рѣдкїя творенїя, отъ частаго ея перечитыванїя цѣны своей не потеряетъ.

Пѣночка моя драгая!
Что сюда тебя влекло?
Легкое твое крыло
Быстрой молніей лѣтая,
Небеса съ землей сближая,
Утрудиться не могло?
Что полетъ твой заманило
Въ городъ, гдѣ все такъ уныло;
Гдѣ плѣнила роскошь всѣхъ?
Какъ Зимою солнце свѣтитъ,
Но не грѣетъ бѣлый снѣгъ,
Такъ никто здѣсь не замѣтитъ,
Сельской пѣсни межъ утѣхъ.
Нѣтъ у насъ и той свободы,
Съ коей въ воздухъ ты паришь:
Щастье въ насъ не той породы,
Коимъ ты мой другъ дышишь.
Какъ пчелѣ трудолюбивой
Въ вѣтеръ, въ пыль цвѣтокъ красивой,
Въ медъ не ловко превращать:
Такъ и здѣсь, о другъ мой милый!
Львиныя потребны силы
Жить по сердцу, мирно спать.
Надъ рѣкой какъ вѣтеръ воетъ,
Волну гонитъ за волной:
Такъ и страсть другую кроетъ,
И играетъ здѣсь душой.
Ты не алчешь тяжка злата;

Духъ всегда спокоенъ твой.
Бѣлокаменна палата
Что тебѣ предъ вѣтьвью той,
Гдѣ любовь съ тобой крылата
Познакомилась Весной?
Ты щастлива и богата,
Естьли капля лишь воды,
Колосокъ одинъ зернистой
Между зелени душистой
Наградятъ твои труды.
И гнѣздо — гдѣ ты съ птенцами
У любови подъ крыломъ
Презираешь мрачный громъ;
Гдѣ подъ темными листами
Не боишься межъ полей
Соколиныхъ ты когтей —
И гнѣздо, гдѣ съ небесами
Несравненъ твой вѣкъ златой,
Совиваешь ты трудами
Изъ одной травы сухой.
Чтожъ полетъ твой заманило
Въ городъ, гдѣ все такъ уныло;
Гдѣ развратъ сковалъ весь свѣтъ?
Пѣночка! лети отсюда,
Злой обманъ тебя покуда
Въ западню не завлечетъ!
Ахъ! лети къ поселянину!
Онъ съ природою живетъ;

Величаетъ онъ судбину,
Что на вспаханныхъ броздахъ
И въ колосьяхъ злашовидныхъ
Не видашь его въ трудахъ.
Праздности дѣтей ехидныхъ,
Онъ не знаетъ злыхъ страстей;
Домъ его соломой крытой,
Ты найдешь себѣ защитой
Отъ громовъ и отъ дождей.
Русь, блаженная стократно!
Какъ душѣ моей пріятно,
Что въ родной странѣ моей
Въ селахъ можно съ щастьемъ знаться,
Съ нимъ въ углу своемъ встрѣчаться;
Что крестьянинъ доброй твой
И подъ тучей громовой,
Въ дождь и вихрь, песокъ крутящій,
И въ морозъ и въ зной палящій
За работою поетъ!
Тамъ измѣны щастью нѣтъ,
Гдѣ оно въ душѣ живетъ.
Пѣночка! о другъ мой милой!
Кто мнѣ крылья дастъ и силы
Полетѣть въ поля съ тобой,
Гдѣ сѣмьею окруженный
Земледѣлецъ нашъ простой
Подъ столѣтнею ветлой,
Въ полдень жаркой утомленный,

Сытны щи покойно ѣстъ,
И со хлѣба верхню кромку
Срѣзавъ, онъ кладетъ въ котому
Для убогова тѣхъ мѣстъ?
Тамъ бы, Пѣночка драгая!
Ты со мною попѣвая
Веселилась и зимой;
Тамъ бы ты, дружечикъ мой!
Въ хижинѣ моей смиренной
Изъ руки моей усердной
И клевала и пила.
Какъ въ сей участи блаженной
Жизнь была бы намъ мила!
Ахъ! когдажъ мнѣ не удастся
До вечернихъ дней моихъ,
Отъ суетъ отставъ мірскихъ,
Въ поле чистое убраться;
То и въ шумѣ городскомъ
Восхищаясь сладкимъ сномъ,
Посажу я на свободѣ
Здѣсь березку въ огородѣ,
И отъ зноя въ жаркій день
Подъ ея склонюся тѣнь.
Тамъ подъ свѣжими листами
Распрощаюся съ мечтами,
Съ разумомъ моимъ сберусь,
Грусти дома не скажусь.

Но ужъ вечеръ къ намъ спустился;
Сны намъ стелятъ мягкїй пухъ.
Я съ тобой заговорился,
Пѣночка! прости, мой другъ!
Улетай скорѣй отсюда,
Злой обманъ тебя покуда
Не засадитъ въ клѣтку жить.
О мой другъ! тогда всечасно
Твой сердечной будетъ ныть;
Онъ всѣ вѣтьви потревожитъ,
Гдѣ въ лѣсу ты съ нимъ жила;
Потоскуетъ, занеможетъ,
И умретъ отъ горька зла.
Ахъ! не дай ему ты рваться;
Успокой его ты духъ!
Хоть не хочется разстаться,
Пѣночка, прости мой другъ!

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

О слогѣ Лаконическомъ или отрывистомъ.

Лаконической или отрывистой слогъ можно узнать по его чертамъ короткимъ, точнымъ, поразительнымъ, изображающимъ въ не многихъ словахъ многое. Этотъ родъ краснорѣчїя ни мало не отличается отъ предъидущихъ. Онъ всегда относится или къ простому слогу, или къ умѣренному, или къ высокому, но особенно болѣе къ сему послѣднему. И подлинно весьма много достоинства и благородства въ бережливой, и обильной краткости, которая, по словамъ Г. Ламотта, обильна смыслами, ведетъ словамъ щетъ строгїй.

Сей слогъ получилъ свое названїе отъ Лаконянъ или Лакедемонянъ, которыя по сродной имъ важности щитая украшенїе рѣчей излишнымъ, особенно его придерживались, и часто однимъ словомъ выражали всѣ свои мысли.

Непрїятели угрожали имъ однаждьı съ великою гордостїю и вмѣстѣ съ многословїемъ, войти и разорить отечество ихъ ме-

чемъ и пламенемъ. Лакедемоняне послали имъ въ отвѣтъ одно лишь слово: Естьли.

Когда Филиппъ, Македонскій Государь, требовалъ отъ нихъ нѣкоторой показавшейся для нихъ несправедливою вещи, они отвѣтствовали ему: Нѣтъ.

Нѣкто спрашивалъ Діогена, какимъ образомъ можетъ онъ отмстить за себя непріятелямъ своимъ. Здѣлавшись добрымъ человѣкомъ, былъ отвѣтъ мудреца.

Генрихъ IV былъ страстно влюбленъ въ Госпожу Антрагъ, и ни чѣмъ не могъ ее уговорить оставить, столько не благопріятствовавшія ему, честныя и строгой добродѣтели правила свои. Однажды сказалъ онъ въ жару одолѣвшаго его нетерпѣнія: неужели вы мнѣ не откроете, сударыня, какимъ проходомъ могу я къ вамъ войти въ вашу комнату? Церьквою, Ваше Величество, отвѣчала ему Г. Антрагъ.

Какой то весельчакъ здѣлалъ лѣкарю слѣдующаго смысла надгробную:

Здѣсь тотъ лежитъ, кто клалъ другихъ

Вотъ превосходнѣйшія благородствомъ и величіемъ мыслей примѣры.

Вѣ одной изѣ трагедїй Великаго Корнелїя, Никомедѣ совѣтуетѣ Прузїю, Царю Виѳанїи, не быть ни мужемѣ ни отцомѣ, то есть, не имѣть слабостей ни того ни другаго. Прузїй спрашиваетѣ его: чѣмѣ же онѣ быть долженѣ; *Царемъ*, отвѣтствуетѣ ему Никомедѣ.

Россїйской полководецѣ Росславѣ, (вѣ Княжниной Трагедїи Росславѣ), презирая, для блага своего отечества, несносное свое заточенїе, лишенїе своихѣ друзей, отечества, любезной своей Сафиры, собственной своей жизни, короче, все то что для него есть вѣ свѣтѣ драгоцѣнно, и не смотря на всѣ выгодныя и лестныя для него Христїерновы предложенїя, ни какѣ не соглашается открыть сему извергу своихѣ отечествѣ, (Швецїи и Данїи,) возстающаго противѣ него мятежа, упорность, которою столь живо изображаетѣ онѣ величественную и твердую свою душу.

Христїернѣ кѣ Росславу.

Когда бы ты былѣ Царь нещастьемѣ ввержень вѣ плѣнѣ,
Твоею бѣ дерзостью я не былѣ удивленѣ;

Царя бы чтилъ въ тебѣ, себя я уважая;
Но ты въ плѣненїи противъ меня дерзая,
И гнѣва моего не устрашаясь грозъ,
Чтобы не трепетать, кто ты таковъ?

Росслапъ.

Я Россъ!

Христїернъ.

Ты плѣнникъ дерзостный, ты рабъ мой!

Росслапъ.

Тотъ свободенъ,
Кто смерти не страшась, тираннамъ не угоденъ.

Христїернъ.

Внемли . . . хочу тебя въ послѣдне пощадить,
И дерзости твоей въ послѣднїй разъ простить,
Хочу тебя спасти . . . . Зрю, что тебя смущаетъ,
И тайны важной мнѣ открыть не допущаетъ;
Страхъ злобу заслужить отъ Князя твоего;
Но будь мой подданный, оставь, оставь его.
Отъ твоего твой рокъ зависитъ произвола;
Чего желаешь ты? скажи!

Росслапъ.

Ниже престола.

Христїернъ.

Умри злодѣй! мое терпѣнье изтребя,
Надежду на кого взлагаешь?

Росслапъ.

На себя.

Христїернъ.

Во узахъ и въ моей стѣсненъ всевластной волѣ,
Оставленный отъ всѣхъ и въ самой жалкой
долѣ,
Спасенїе во мнѣ одномъ могущїй зрѣть,
Что можешь ты?

Росслапъ.

Могу тебя и смерть презрѣть.

Христїернъ.

Увидь мученїя, ужь смерть тебѣ готова,
Когда велю терзать откроешь все.

Росслапъ.

Ни слова.

Отрывистые Ѳїестовы отвѣты безчеловѣчному своему брату Атрею, отъ котораго онъ опасается быть признаннымъ, заключаютъ въ себѣ, по мнѣнїю моему, что то гордое, благородное и величественное.

Атрей, Ѳїесту.

Несщастной чужеземъ, котораго рокъ въ злобѣ
На брегъ сей выкинулъ, уставши болѣ гнать!
Открой мнѣ имя, чинъ, и гдѣ родила мать?

Ѳїестъ.

Я въ Ѳракїи рожденъ.

Атрей.

А прозвище твое?

Ѳїестъ.

Моглоль извѣстно быть оно твоей особѣ?
Филоклетъ.

Атрей.

Твой чинъ?

Ѳїестъ.

Безъ всѣхъ моихъ заслугъ, довольно знаменитый,
И гнѣвной участи служащїй ввѣкъ игрой.

Атрей.

Куда ты правилъ путь? и изъ страны какой
Твой шелъ карабль назадъ Евбеи близь разбитый?

Ѳїестъ.

Изъ Сетоса, и шелъ я въ Дельфы, и пр.

Азїйскїе народы были совершенно противнаго Лакедемонянамъ вкуса. Они съ от-

личнымъ искуствомъ одѣвали свои мысли въ многословное изпещренїе пустыхъ и ничего не значущихъ словъ. Сколько Французовъ схожихъ въ этомъ пунктѣ съ Азїйцами!

Быть кратку не такъ легко какъ иногда другїе о томъ думаютъ. Краткость требуетъ времени, старанїй и труда, къ которому не всякой способенъ. Кардиналъ Перронъ, говоря о сдѣланномъ Г. Коефето отвѣтѣ, остроумно сказалъ: *Онъ бы его короче сдѣлалъ, естьли бы имѣлъ на то болѣе времени.* Нѣкоторой глубокомыслящїй и одинъ изъ славнѣйшихъ писателей Францїи, тоже самое сказалъ при концѣ своего письма: *Я написалъ его длиннымъ потому токмо, что не имѣлъ времени для его сокращенїя;* и извѣстной нашей Публикѣ Журналистъ, прїобщающїй къ безчисленному множеству различныхъ свѣденїй щастливое дарованїе плѣнять своихъ читателей чистотою и прїятностїю слога своего, написалъ при случаѣ одного нѣсколько длиннаго перевода: *Переводчикъ безъ сомнѣнїя не былъ повелителемъ своего времени, поелику не отъ него зависѣло быть краткимъ.*

Впрочемъ довольно трудно опредѣлить употребленіе сего слога. Не всегда удается намъ таковымъ малымъ числомъ словъ разкрывать столько мыслей. Можно только то сказать, что вообще во всѣхъ почти рѣчахъ долженъ соблюдаемъ быть родъ нѣкотораго Лаконизма, состоящій въ томъ, чтобъ отметать всякую излишность, и пользоваться изразительными терминами. Всегда мы говоримъ худо во многихъ словахъ то, что можемъ удобно сказать въ словахъ не многихъ.

О погрѣшностяхъ слога.

Разумъ человѣческой въ тѣхъ самыхъ, въ которыхъ онъ наиболѣе блеститъ, имѣетъ лучи весьма слабые, и въ чрезвычайно тѣсныхъ предѣлахъ заключенные. Рѣдко присоединяется онъ къ точному вкусу, къ основательному разсудку, къ тонкой и здравой разборчивости, которой бы одной довольно было для усовершенствованія его произведенія. Такъ должно ли удивляться, видя повседневно столь легко принятыя заблужденія, такое множество злоупотребле-

нїй, въ которыя погружаются, такъ сказать, съ наклоненною головою, а особливо по части краснорѣчїя? Человѣкъ по природѣ любитъ красоту и истинну; но онъ часто ошибается въ выборѣ. Сильная его страсть къ симъ двумъ столько любезнымъ предметамъ, частыя производитъ для него имъ мѣны. Онъ по слабости разсудка своего ослѣпляется обманчивыми наружностями. Ложно блестящее кажется для него подлинною красою. Онъ удивляется оному въ чтенїи; онъ въ сочиненїи ему подражаетъ; и таковой-то есть пагубной источникъ, большею частїю, тѣхъ пороковъ, которыми столько Авторовъ заражаютъ слогъ свой. Иной хочетъ итти по слѣдамъ Боссюета, Корнелїя, Руссо, и перейти подобно имъ стезю благородной изящности, которой худо или еще и вовсе не понимая сихъ великихъ образцовъ, или не имѣя сего, раздаваемаго одною лишь природою дарованїя, привязывается къ пустому и ничего не значущему зброду словъ, къ глупой надутливости сумазбродныхъ мыслей; подобно той лягушкѣ, которая желая сравняться въ толщинѣ

съ быкомъ, отъ сильнаго надуванія треснула. Другой идетъ противнымъ первому путемъ, онъ хочетъ быть шутливъ, веселъ, забавенъ, хочетъ начертать перомъ своимъ замысловатую простоту Лафонтена, Скаррона; но онъ не инное что какъ шутъ, увеселяющій низкимъ, неприличнымъ, грубымъ образами, и котораго слова можно назвать подлинными площадными; онъ второй грубой и тяжкой оселъ, подражающій ласкамъ постельной собачки. Этотъ думаетъ быть нѣжныхъ чувствованій; онъ хочетъ внушить любовь, но кромѣ отвращенія ничего себѣ за глупой свой слогъ отъ другихъ не видитъ; тотъ намѣревается быть величавъ, важенъ, кратокъ; но становится прескучнымъ и грубымъ Педантомъ. Я не окончилъ бы, естьлибъ вознамѣрился изчислить всѣ погрѣшности, въ которыя впадаетъ не имѣющій вкуса Авторъ; я упомяну о однихъ лишь главнѣйшихъ писателяхъ, въ которыхъ покажу и самые примѣры, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ читательницы мои, узнавши ихъ, могли отъ таковыхъ погрѣшностей себя предостеречь.

Запредѣльное или до крайности доведенное изящество превращается обыкновенно въ надутливость; и кому не должно ее опасаться, когда уже и самъ Малербъ, отецъ Французскаго стихотворенія, не могъ надутливости избѣгнуть? То что онъ говоритъ о слезахъ Сентъ-Піера, есть не иное что какъ сбродъ пустыхъ Иппербоаъ.

Тогда то крикъ его въ громъ страшный превратился;
Ставъ вихремъ вздохъ его, свистѣлъ, лѣса валяя;
И слезный токъ досель что съ тихостью катился,
Подобенъ сталъ ручью, что вдругъ съ горы крутой,
Сосѣднія мѣста топивъ и раззоряя,
Желалъ бы чтобъ весь Міръ стихіей былъ одной.

Испанцы подвержены сего рода погрѣшности. Лопецъ де Вега, одинъ изъ лучшихъ ихъ Поетовъ, здѣлалъ два Латинскіе стиха на великолѣпные похороны Карла пятаго, слѣдующаго смысла:

„Представьте себѣ гробницею Міръ, блестящимъ амвономъ небо, свѣтильниками „звѣзды, слезами моря.

Грацїанъ, другой изъ ихъ остроумныхъ писателей, не поставилъ себѣ въ затрудненїе сказать, что Александрово сердце есть „Архисердце, въ одномъ углу котораго вся „Вселенная съ такою удобностїю помѣсти„лась, что въ немъ осталось еще мѣсто „для другихъ таковыхъ же шести Мїровъ. —

Но можетъ ли что еще быть безумнѣе и крайностнѣе сего надменнаго титула Великаго Султана.

„Солиманъ милостїю Божїею и Магомета, Цвѣтъ учтивости, Мушкатъ утѣшенїя, Роза сладостей, Плодъ удовольствїя, Тюльпанъ удивленїя. „ —

Желая быть нѣжнымъ, должно остерегаться не впасть въ безумїе и глупость. Вотъ одно мѣсто изъ Рассиновой Трагедїи Беренисы, которое не изъято сего рода погрѣшности.

Титъ къ Беренисѣ.

. . . . Увы! какъ ты меня терзаешь

Берениса.

Ты Рима властелинъ, ты Царь, и ты рыдаешь!

Титъ.

Такъ точно, милая; я плачу, я вздыхаю,
Я ужасомъ объятъ, и проч.

Великой Рассинъ въ сихъ строкахъ нѣсколько забылся. Но со всѣмъ тѣмъ, надобно вспомнить, что и Гомеръ иногда засыпаетъ.

Простой слогъ такъ же прикрываетъ самыя опасныя рытвины. Желаешь быть забавнымъ, желаешь сказать острое словцо; путь предстоитъ скольскій, легко можешь впасть въ непристойное шутство и въ низкой комической слогъ, плѣняющій одну только чернь, и въ глазахъ которой все красиво, изключая подлинной красы. Къ сему роду принадлежитъ Комедія Скапиновы обманы; но Авторъ, по увѣренію многихъ, хотѣлъ выдать что нибудь для народа.

Впрочемъ, погрѣшностей этаго рода примѣровъ гораздо легче примѣтить нежели избѣгнуть. Не льзя почти приложить довольныхъ старанiй для предохраненія себя заранѣе отъ опаснаго искушенія острословія, а особливо въ вѣкѣ, въ которомъ нещастливой вкусъ къ острымъ словамъ, глупымъ и непристойнымъ шуткамъ, часъ отъ часу входитъ болѣе въ обыкновеніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О трехъ родахъ краснорѣчія.

Статья, о которой я вознамѣрился разсуждать, потому только имѣетъ сношеніе съ слогами, что показываетъ ихъ употребленіе. Здѣсь разсматриваются большія рѣчи, рѣчи дѣйствительно Риторскія, какъ то: рѣчи произносимыя въ собраніи, защитительныя слова, Панегирики, и проч. которыя, по положенію Риторовъ, трехъ родовъ: судебнаго, разбираемаго и доказательнаго или теоретическаго. Я не щитаю излишнымъ имѣть свѣденія о сихъ трехъ разрядахъ краснорѣчія, заключающихъ въ себѣ главнѣйшія предметы, которыми Риторика занимается: сія статья легко можетъ имѣть неудобства Риторическихъ мѣстъ, то есть, не очень быть забавною, но она полезна: да и впрочемъ что до того, что правила нѣсколько по себѣ сухи, лишь бы были они коротки, и что въ нихъ есть непріятнаго, замѣнено красотою примѣровъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О судебномъ родѣ.

Сей родъ краснорѣчія составляютъ защитительныя въ судахъ рѣчи и споры, и въ сихъ-то самыхъ рѣчахъ наиболѣе должно стараться склонить на свою сторону судью, дѣйствовать всѣми упоминаемыми нами во второй книгѣ о Расположеніи, частьми рѣчи; мы имѣли и имѣемъ еще искусныхъ стряпчихъ, которые въ семъ родѣ могутъ намъ служить образцами. Знаменитой Корнелій кажется превосходствовалъ бы въ судебныхъ рѣчахъ, естьли бы блестящій его умъ не прилѣпился къ Поэзіи драматической, введенной имъ первымъ во Францію, и которой по справедливости можетъ между нами называться ея отцемъ. Въ чрезвычайныхъ его Трагедіяхъ находимъ мы премножество прекрасно защищаемыхъ причинъ; но поелику въ Трагедіи страсти господствуютъ, сила и пылкость часто занимаютъ въ ней мѣсто сихъ соразмѣрностей, точности порядка, которыхъ хладнокровные Ораторы съ такимъ искусствомъ вводятъ въ

свои рѣчи. Ни что не можетъ быть краснорѣчивѣе сего мѣста въ Сидѣ, гдѣ Химена вся въ слезахъ бросается къ ногамъ Кастильскаго Государя, и требуетъ отъ него мщенія за смерть своего родителя, Графа Кормаса, убитаго на поединкѣ Дономъ-Родригомъ; сей Графъ Кормасъ, какъ извѣстно, ударилъ въ щеку стараго Дона-Діега, отца Дона-Родрига.

Судебной родъ.

Химена.

Отецъ мой убіенъ, я зрѣла кровь его
Текущую ручьемъ изъ ребръ его раздранныхъ;
Ту кровь, которая твои спасала стѣны,
Которая тебѣ побѣды даровала,
Которая лїясь еще дымится гнѣвомъ,
Что за иныхъ она, не за тебя пролита;
Которую въ бояхъ сама война щадила,
Ту пролилъ кровь Родригъ, и при твоемъ дворѣ.
Стремяся я туда безъ чувствїй, трепеща
Пришла, но поздно все уже, отецъ мой мертвъ.
Оставь тоски моей, что мой языкъ слабѣетъ,
И страшной повѣсти не можетъ довершить
Какъ стражду я, увидь ты то въ моихъ слезахъ,

Они удобнѣе ту повѣсть совершатъ. . . . . .
. . . . Отца нашла я мертва;
Текуща кровь его, лїяся по песку,
Предписывала мнѣ все что мнѣ должно дѣлать;
И мужество его отверсньемъ смертной раны,
Чтобъ мнѣ убїйцу гнать, вѣщало велегласно;
Чтобъ праведно Царя подвигнуть къ правосудью,
Моихъ печальныхъ устъ заимствовало голосъ.
Великїй Государь, возможешь ли стерпѣть,
Чтобъ предъ твоимъ лицемъ, подъ властїю твоей,
Безчинье дерзское могло здѣсь царствовать?
Чтобъ были храбрые подвержены герои
Ударамъ дерзости безстрашной наказанья;
Чтобъ юный, славою ругаясь заслуженныхъ,
Ихъ кровью обагрялъ убїйственныя руки.
Сей воинъ, коего въ сей часъ тебя лишили,
Когда не будетъ смерть его отмщенна казнью,
Служить съ усердїемъ погаситъ жаръ въ сердцахъ.
Отецъ мой убїенъ, я мщенїя прошу,
Не столько для себя, колико для тебя.
Теряешь много ты кончиною Ироя;
Отмсти ты за него и кровь пролей за кровь.
Не мнѣ пожертвуй ты, но скипетру, державѣ,
Величью твоему и благу государства.
Сей казнью отврати предбудущи злодѣйства.

Вотъ отвѣтъ Донъ-Дїега, защищавшаго сторону своего сына.

О сколько щастливъ тотъ
Кто силу потерявъ, лишается и жизни;
Но часто долга жизнь прославленныхъ мужей
Передъ своимъ концемъ безчестьемъ помрачаетъ.
Собравши столько лѣтъ побѣдоносны лавры,
Прославленъ, вознесенъ Иройскими трудами,
За то что долго жилъ, покрытъ я днесь стыдомъ,
Безчестьемъ помраченъ, остался побѣжденъ.
Чего не возмогли сраженїя, осады;
Чего не возмогли Гренада, Аррагонъ,
Ни всѣ завистники, ни всѣ мои враги,
То Графъ содѣлалъ здѣсь, почти въ твоихъ глазахъ;
Завидуя въ сей день избранью твоему,
И преимуществомъ надъ мной гордяся силы,
Которыя меня моя лишила старость.
И тако состарѣвъ во шлемѣ, во брони,
Толь часто за тебя пролита кровь моя.
Рука, которая была злодѣямъ страхъ,
Въ гробницу бъ низошла покрытая безчестьемъ,
Коль сына бъ не имѣлъ достойнаго меня;
Достойнаго тебя и царства твоего.
Вступяся за меня, онъ Графа умертвилъ,
Онъ честь мнѣ возвратилъ, и онъ омылъ мой стыдъ.

Коль тотъ, за смертну кто обиду отомщаетъ,
Сражаясь съ храбростью, достоинъ наказанья,
То да падетъ теперь весь гнѣвъ твой на меня:
Когда рука винна, главу карати должно.
Преступокъ ли иль нѣтъ что сынъ мой учинилъ,
Я въ ономъ дѣлѣ былъ глава, а онъ рука;
Когда бъ я въ силахъ былъ ея отца убить,
Тогда бы, Государь, мой сынъ виновенъ не былъ.
Карай меня, карай ты старца безполезна,
Но сына сохрани удобнаго служить.
Ты кровїю моей Химену удовольствуй,
Согласенъ я снести предписанну мнѣ казнь,
И не ропща противъ суда я твоего,
Кончая съ честью вѣкъ, доволенъ я умру.

Встрѣчающїеся ежедневно въ разговорахъ мѣлкїе споры, могутъ такъ же быть причислены къ защищающимъ двухъ противныхъ сторонъ рѣчамъ. Ничего нѣтъ прїятнѣе, когда они бываютъ одни лишь легкїя, добродушныя и остротою приправленныя издѣвки: ихъ можно назвать надежнѣйшими предохранителями отъ ослабленїя и скуки, гдѣбъ всегдашнее согласїе мыслей могло прекратить разговоръ; но есть такїе люди, (и даже между умными), которые

какъ будьто условились ни о чемъ не говорить не споря. Пренія ихъ благочестіемъ всегда возжигаемыя, занимаются одними лишь Богословскими предметами, и единственно токмо по той причинѣ, что таковыя разсужденія суть самыя важныя, и что ихъ надлежало бы, какъ я думаю, изключивъ званіе однихъ лишь законо-поучителей, обожать всякому въ почтительномъ безмолвіи. Таковая слабость непростительна; но она, къ нещастію, слишкомъ вошла у насъ въ обыкновеніе; и я удивляюсь, что воспитаніе, имѣющее такое сильное вліяніе на людей и ихъ характеры, не можетъ ее искоренить. О какомъ бы то ни было предметѣ, спорить съ упорностію, есть сумасбродное педантство; Госпожа Севиньи говаривала, что отъ такого рода споровъ, разумъ становится до крайности грубъ и противорѣчливъ: и подлинно замѣчаютъ въ характерахъ упоминаемыхъ мною особъ, что то суровое, упругое, приличествующее болѣе Стоическому Катону или Бруту, нежели нравамъ и вѣжливости Французской Націи. И горе тому неопытному, которой воз-

намѣрился бы употребить посредство въ прекращенїи распри сихъ миро-ненавидныхъ противниковъ. Онъ несравненно бы еще глупѣе былъ самыхъ спорщиковъ выборомъ представляемаго имъ лица. Къ таковымъ моимъ мнѣнїямъ не не у мѣста будетъ слѣдующая, разсказываемая Г. Сентъ-Евремономъ, прекрасная маленькая повѣсть:

„Споръ зашелъ о Королевѣ Шведской, „которую превозносили въ ея о многихъ ве„щахъ свѣденїи. Вдругъ Комендантъ всталъ „съ своего стула, и снявши страннымъ обра„зомъ шляпу: Государь мой, говорилъ онъ, „естьли бы Королева Шведская знала одни „лишь своей земли обычаи, она бы и по „сїю пору была Королевою Шведскою: за об„ученїе нашего языка и образа обхожденїй, „за то, что проблистала семь или восемь „дней въ Парижѣ, она заплатила потерею „своего Государства; вотъ что произвела „столько превозносимая вами ея наука и всѣ „отличныя свѣденїя.„

„Ботрю, видя почитаемую имъ Королеву „Шведскую столько обиженною, а вмѣстѣ „съ нею и любезнѣйшїя его изящныя науки,

„вышелъ изъ границы уваженія; и начавши
„клятвою: надобно быть совершенно не-
„справедливу, говорилъ онъ, чтобъ вмѣнять
„Королевѣ Шведской въ преступленіе луч-
„шее дѣяніе ея жизни. Я не удивляюсь бо-
„лѣе о отвращеніи вашемъ къ наукамъ: вы
„ихъ не съ нынѣшняго дня презрѣли. Есть-
„либъ вы были знакомѣе съ Историческими
„Авторами, вы бы знали, что поступокъ ея не
„безъ примѣра. Карлъ пятый отказомъ своимъ
„отъ правленія Государства, не менѣе побѣдъ
„своихъ удивилъ Европу. Діоклитіанъ не
„оставилъ развѣ Имперіи, а Силла власти
„верховной? Но вамъ всѣ таковые поступ-
„ки чужды, и я думаю что спорить съ не-
„вѣжею глупо. Наконецъ, покажите мнѣ
„хотя одного великаго мужа, который бы
„не имѣлъ просвѣщеній и свѣденій пріобрѣ-
„тенныхъ. Начавши съ своего Государя до-
„шелъ онъ до Кесаря, отъ Кесаря до Алек-
„сандра Великаго, и дѣло бы еще и далѣе по-
„шло, естьли бы Комендантъ не прервалъ его
„съ такимъ жаромъ, что онъ долженъ былъ
„замолчать по неволѣ. Вы много намъ на-
„говорили съ вашимъ Кесаремъ и Алексан-

„дромъ. Я не знаю, умны ли они или глупы „были, да мнѣ въ томъ и надобности мало: „но за вѣрное могу вамъ сказать, что въ „мое время, естьли обучали кого изъ дво„рянъ, такъ обучали только для церкви; „да и тѣ иногда знали Латинской языкъ „не далѣе, какъ разбирать служебную книгу „Римскаго Духовенства. Вступающіе же въ „службу придворную или въ военную, час„тенько хаживали въ Академію. Они учи„лись ѣздѣ верховой, танцовать, биться на „шпагахъ, играть на лютнѣ, прыгать, нѣ„сколько Математики, да и все тутъ: у „насъ было тысяча прекрасныхъ Жандармовъ, „(конный Офицеръ) искусныхъ волокитъ. „Точно изъ таковыхъ произходили Терме„сы, Беллегарды. Латынь! въ мое время, „Латынь! съ ней бы дворянинъ былъ пре„зрѣнъ, съ ней бы онъ пропалъ. Я знаю Ве„ликія дарованія Карла Пятаго, и я его „слуга покорный: но скажу вамъ, что по„слѣдній Конетабль Монтморенси не знавши „читать, умѣлъ снискать себѣ отъ поддан„ныхъ его довѣренность, а отъ двора ува„женіе; съ немногою Латынью, говорю я

„вамъ, но съ коренным чистымъ Французскимъ.„

„Къ Великому щастью Комменданта, „соперникъ его одержимъ былъ подагрою; „въ противномъ случаѣ онъ отмстилъ бы „за Латынь гораздо убѣдительнѣйшею ве„щію нежель гнѣвомъ и ругательствами. „Тутъ прѣніе снова возгорѣлось: одинъ рѣ„шился умереть на своемъ мнѣніи, другой „защищая невѣжество съ честію и твер„достію„.

„Въ такихъ то обстоятельствахъ на„ходился ихъ споръ, какъ нѣкоторой вели„ о ушной Прелатъ вздумалъ противныя „ихъ мнѣнія согласовать; будучи внѣ себя „отъ радости, что нашелъ столь удобной „случай для показанія своего свѣденія и ра„зума. Онъ слѣдуя обыкновенію, оборотясь „къ ученому три раза прокашлянулъ, при „раза улыбнулся по свѣтски нашему потѣш„ному невѣжѣ: и наконецъ, довольной сво„имъ приступомъ, началъ говорить слѣдую„щимъ образомъ: Скажу вамъ, Государи мои, „скажу вамъ, что наука подкрѣпляетъ при„родной умъ, и что пріятность и способ-

„ность разума придаетъ красу учености.
„Природное дарованіе одно, безъ правилъ и
„искуства, подобно быстротекущему по-
„току. Наука безъ природнаго разума, по-
„хожа на непріятныя для глазъ, безплод-
„ныя и дикія поля. И такъ дѣло въ томъ
„состоитъ, Господа, чтобъ согласить мнѣ
„васъ въ противныхъ вашихъ мнѣніяхъ,
„чтобъ соединить васъ въ мѣстѣ вашего раз-
„ногласія. Наука есть не иное что какъ
„совершенное свѣденіе: искуство же, руко-
„водствующее природный умъ, правило. Раз-
„вѣ вы хотите, сударь, (оборотяся къ Ко-
„менданту) не понимать тѣхъ вещей, о ко-
„торыхъ говорите, и тщеславиться отда-
„ляющимся отъ порядка и совершенства,
„природнымъ дарованіемъ? А вы, Господинъ
„Ботрю, чтобъ сдѣлаться рабомъ скучныхъ
„правилъ и занятыхъ свѣденій, не ужели
„вы нечувствительны къ прелестямъ есте-
„ственнаго разума? Надобно кончить разго-
„воръ, прервалъ съ запальчивостію Комен-
„дантъ: мнѣ еще не столько несносенъ
„онъ съ своею Латынью и наукой, сколько
„вы съ длинною вашею рѣчью. Простосер-

„дечный Ботрю, будучи нрава не непримиримаго, вскорѣ утихнулъ: и чтобъ отслужить тѣмъ же самимъ Коменданту, онъ „предпочелъ прїятное его невѣжество надутливымъ словамъ Прелата. Что же касается до духовной особы, онъ удалился „съ великимъ отъ обоихъ ихъ къ себѣ презрѣнїемъ, и совершенно собою довольнымъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О разбирательномъ родѣ.

Въ разбирательномъ родѣ дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ соучаствовать въ разсматриванїи какого либо важнаго дѣла; всякой подастъ мнѣнїе свое, и представляетъ побудившую его къ тому причину. Сему роду приличествуетъ краснорѣчїе важное и сильное; бездѣлки, шутки, игрословїе, антитезы, блистательныя черты, просто называемыя умомъ, здѣсь не у мѣста. Когда знаменитой Демосѳенъ понуждалъ Аѳинянъ защищать ихъ вольность противъ Македонскаго Государя Филиппа, краснорѣчїе его было громъ и потокъ; онъ уносилъ волнами

витійства своего разумы всѣхъ слушателей и распалялъ ихъ воинскимъ жаромъ; по чему Филиппъ говаривалъ: я не Аѳинянъ, но Демосѳена опасаюсь. Г. Турелль, которой переводивши сего чрезвычайнаго Оратора, думалъ повысить простоту его слога нѣкоторыми прикрасами, читалъ однажды въ собраніи Академиковъ отрывки перевода своего. Рассинъ вдругъ вскричалъ: Ахъ дерзской! не думаетъ ли онъ придать ума Демосѳену?

Вотъ примѣры.

Въ потерянномъ Раѣ, Поемѣ Г. Мильтона, низринутые въ подземныя пропасти справедливымъ Божіимъ гнѣвомъ, Діаволы, разбираютъ, объявить ли имъ снова войну, или на всегда остаться въ заклепахъ сей преужасной темницы. Сатана, начальникъ ихъ, представляетъ просто въ совѣтѣ дѣло, и собираетъ общія ихъ мнѣнія.

Первой по немъ, Молохъ, встаетъ съ скипетромъ въ рукахъ, Молохъ изъ всѣхъ сражавшихся на Эмпирейскихъ поляхъ Адскихъ Духовъ Духъ самой наглой и злой. Отчаяніе утроиваетъ природное его звѣр-

ство. Онъ съ неслыханною дерзостїю равняетъ себя съ Всемогущимъ; онъ желаетъ лучше не существ ать, нежели быть въ чїемъ либо подвластїи.

Рѣчь его пышетъ злобою и необузданностїю; мы видѣли ея начало въ статьѣ о порывистомъ вступленїи, наглость его предложенїя не менѣе простирается какъ чтобъ поколебать Всевышняго Творца, въ самомъ небѣ, его святилищѣ.

„Скажутъ можетъ быть: путь есть не„приступенъ; какъ возможно полнымъ лѣ„танїемъ наступити на толь возвышеннаго „противника? Но разсудите, ежели токмо „усыпляющее питїе сего озера забвенїя еще „васъ не привело въ безпамятство, что мы „естественнымъ движенїемъ взыдемъ въ при„родное намъ жилище: низхожденїе про„тивно существу нашему. Какъ! когда сви„рѣпый сопостатъ гналъ разсыпанное воин„ство наше сквозь бездны, не чувствовали „ли вы, съ какимъ насилїемъ должны бы мы „нисходити, не взирая на силу низринув„шую насъ. Убо легко намъ паки себя воз„высить! страшно можетъ быть заключе-

„ніе, что ежели еще покусимся противу „сильнѣйшаго насъ, дабы гнѣвъ его злополу„чіе наше не усугубилъ. Но есть ли что еще, „чегобъ мы могли во Адѣ бояться? Что пе„чальнѣе, какъ видѣть себя лишенныхъ бла„женства на вѣки? какъ стенати непрестан„но въ проклятой сей пропасти, предан„нымъ въ жертву огню неугасающему, все„гда въ ожиданіи часа опредѣленнаго, въ „которой Адскія оковы повлекутъ насъ въ „мученіе? Наибольшія казни, превосходящія „всякую силу сотворенную, обратятъ насъ „въ ничтожество. Чегожъ убо страшиться? „Почто опасаемся подвигнути на гнѣвъ про„тивника нашего? Пускай воспламенится „въ высочайшей мѣрѣ своей, и насъ совсѣмъ „истребитъ. Смерть лучше вѣчнаго бѣд„ствія. Или, естьли существо наше Боже„ственное безсмертно: то всегда мы будемъ „имѣть отраду, что ничтожества не боим„ся. Не чувствуемъ ли себя въ состояніи „возмущати жилище Всевышняго и смяте„ніе простерти до престола его? Мы до„вольно отмстимъ и тѣмъ, хотя бы не бы„ли побѣдителями.

Пылкость таковой рѣчи легко могла склонить къ принятїю оружїя бунтующихъ духовъ, которыхъ ненависть и мщенїе удерживаемы были однимъ лишь страхомъ. Причины сїи основательны ли или неосновательны, но бѣглость съ какою они выражены, не даетъ на разсмотрѣнїе ихъ времени.

Съ другой стороны встаетъ Белїалъ въ положенїи несравненно прїятнѣйшемъ и скромнѣйшемъ. Олимпъ не утрачивалъ лучшаго жителя. Благородствомъ своей вольной и воинской наружности, онъ казался быть опредѣленъ для дѣлъ громкихъ, но въ немъ ничего не было неложнаго и основательнаго. Голосъ его сладчае манны небесной, умѣлъ дать благовидныя краски злодѣянїямъ самымъ гнуснымъ. Онъ обладалъ въ вышней степени искуствомъ заставлять молчать разсудокъ и уничтожать самаго острaго вымысла, предпрїятїя. Низкїя и порочныя его мнѣнїя были робки и лѣнивы, когда дѣло шло о какой либо важности. Онъ говорилъ однакожъ, и льстивымъ для ушей убѣдительнымъ для сердца тономъ, произнесъ слѣдующїя слова:

„Любезные Клевреты! я весьма склоненъ къ войнѣ, и въ ненависти ни кому не уступаю: однако таже наисильнѣйшая причина, приводимая въ пользу брани, отъ того меня отвращаетъ. Какое предзнаменованїе успѣха можемъ мы примѣчати: когда мужественнѣйшїй изъ войскъ нашихъ самъ, на совѣтъ и силу свою не уповая, полагаетъ бодрость на отчаянїи, и соглашается хотя погибнуть, токмо бы получить отмщенїе? Какъ же возможемъ отмстить? Градъ вѣчной хранимъ силами непобѣдимыми. Легеоны Всемогущаго по предѣламъ бездны стоятъ во ополченїи, и вѣстники его быстрымъ полетомъ достигая царства нощи, покрываютъ Эмпирей отъ нападенїя нашего. Можемъ ли мы силою своею ихъ преодолѣть? Хотя бы весь Адъ за нами послѣдовалъ, смутити густотою тьмы своея чистую небесную свѣтлость; но врагъ нашъ, сидя на непоколебимомъ престолѣ, разгонитъ сїянїемъ присутствїя своего все помрачити его хотящее; и крѣпкою бранею вскорѣ отразитъ всѣ наши слабыя стрѣлы. Убо единое то-

„ кто отчаяніе намъ, вмѣсто крайней помо-
„ щи, представляется. Но желаютъ еще
„ гнѣвъ воспалити побѣдителя. Для чего
„ же? Дабы, естьли усугубитъ бѣдствія на-
„ ши, чрезмѣрность оныхъ совсѣмъ насъ
„ могла въ ничто обратить. Печальное из-
„ бавленіе! кто изъ насъ, не взирая на тер-
„ зающія насъ муки, не хотѣлъ бы лучше
„ наслаждаться симъ существомъ разумнымъ,
„ и протекать всю вѣчность быстротою
„ мыслей своихъ, нежели погибнуть погло-
„ щенному въ нѣдрѣ вѣчныя нощи? Но по-
„ ложимъ, что смерть есть нашимъ злопо-
„ лучіемъ. Побѣдитель раздраженный восхо-
„ щетъ ли, или и можетъ ли сіе намъ благо
„ сотворити? Сомнительно, чтобъ возмогъ;
„ извѣстно же, что ни когда не возхощетъ.
„ Восхощетъ, будучи такъ премудръ, осла-
„ бить узду всего гнѣва своего? И можетъ
„ ли, по слабости, или отъ несмотрѣнія,
„ дать врагамъ своимъ, чего они желаютъ?
„ Искоренитъ ли въ ярости своей тѣхъ, ко-
„ торыхъ таяжде ярость его опредѣлила и
„ соблюдаетъ къ вѣчной казни? Чего же убо
„ ради колеблемся? рекутъ совѣтующіи брань.

„Мы уже безвратно на безконечныя бѣд-
„ствія осуждены. Мученія наши, чтобъ
„мы ни творили, умножиться не могутъ.
„Что еще можемъ болѣе сего страдать? - - -
„Сіе ли убо, что всего печальнѣе, есть,
„имѣть свободу говорить, творить и со-
„бираться? Воспомяните оное скоропостиж-
„ное бѣгство, когда, пораженные молніею
„и жестоко гонимые, заклинали мы бездну,
„дабы намъ нѣдра свои разверзла, и скрыла
„отъ стрѣлъ побѣдителя. Адъ намъ тогда
„убѣжищемъ казался. Наше состояніе не
„ужасно ли было во всякое время, когда
„окованы и погружены были въ горящемъ
„озерѣ? Что же? естьли дыханіе, возжигаю-
„щее нещастный огнь сей, умножится, да-
„бы седмь кратъ болѣе воспалить его; есть-
„ли мщеніе его, почти утоленное, паки
„возбудится; естьли вся тяжесть гнѣва его
„откроется; естьли своды Адскіе, разсы-
„павшись, испустятъ на главы наши пла-
„менные токи, и всѣ ужасы угрожающія
„намъ: то не будетъ ли тогда участь на-
„ша безконечно страшнѣе? Можетъ быть,
„во мгновеніи семъ, когда мы умышляемъ

„славную войну, востаетъ на насъ буря,
„которая потопитъ насъ въ пламени; мо-
„жетъ быть невидимая рука готова восхи-
„тить и приковать насъ къ разнымъ го-
„рамъ каменистымъ, чтобъ быть играли-
„щемъ и добычею ярыхъ вихрей. Такое
„состоянїе не ужасно ли будетъ? Нѣтъ!
„нѣтъ! не думайте болѣе о войнѣ: да не
„льстимся побѣдить содержащаго силу, ни
„обмануть Всевидящаго единымъ взоромъ.
„Равно Всемогущъ отразить удары, и пре-
„мудръ разсыпать ухищренїя наши, отъ
„высоты небесной смѣется онъ суетнымъ
„движенїямъ. Но будемъ ли убо жить без-
„честны, попраны ногами, изгнанны отъ
„неба, любезнаго отечества нашего? Судь-
„ба такъ восхотѣла: покоримся ей. Не
„оскудѣваемъ крѣпостїю; оскудѣетъ ли въ
„насъ терпѣнїе? Въ неизвѣстности успѣха,
„надлежало бы прежде разсуждать, нежели
„устремляться къ оружїю противъ толь
„великаго сопостата: но мы вдались рве-
„нїю нашего мужества почто роптать на
„насилїе творимое намъ; изгнанїе, безчестїе
„и рабство суть необходимыя злополучїя

„побѣжденныхъ. Лучше успокоимся. Мо-
„жетъ быть побѣдитель нашъ со временемъ
„утомится. Можетъ быть въ семъ мѣстѣ,
„удаленномъ отъ видѣнія его, оставитъ
„насъ спокойныхъ, естьли мы престанемъ
„озлоблять его. Кто знаетъ, что удоволь-
„ствовавшись во время свое тѣмъ, что мы
„претерпимъ, не послушаетъ ли милосердія
„своего? Огнь сей горящій утушится, ко-
„гда дыханіе его не будетъ возжигать пла-
„мень сей. Тогда существо наше очищен-
„ное преодолѣетъ пары ихъ вредительные;
„и сложеніе наше, пріобыкшее къ сему мѣ-
„сту, ни какія болѣзни чувствовать не бу-
„детъ. Сей ужасъ превратится въ тиши-
„ну, и тьма въ свѣтъ. Непостоянность
„вещей, времянемъ управляемыхъ въ непре-
„станныхъ обращеніяхъ, надежду нашу дол-
„жна возставить. Можемъ льститься нѣ-
„коею благополучною премѣною. Состоя-
„ніе наше было щастливо; а нынѣ плачевно:
„но можетъ еще быть горшее, ежели под-
„вержены будемъ наибольшимъ наказаніямъ.'

Мамнонъ, Демонъ сребролюбія, началъ
говорить по Беліаллѣ; онъ такъ же дер-

жался стороны мира; будучи чувствителенъ къ одному лишь блеску золота и бисеру, онъ утѣшился видя себя осужденнымъ претерпѣвать вѣчное заточенїе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ открылъ не малое число золотыхъ рудъ. „Отвергнемъ всѣ военныя предпрїятїя, и да помышляемъ токмо получить „прибытокъ отъ богатства, обладаемаго нами.„ Мнѣнїе его о мирѣ было принято; предпрїятїе основать державу подобную державѣ небесной, чувствительно всякаго льстило. Вдругъ Бельзевутъ, занимавшїй по Сатанѣ первое мѣсто, встаетъ съ видомъ важнымъ. Вставши онъ казался быть подпорою общества, онъ начинаетъ упреками адскимъ духамъ въ ихъ трусости, которая заставляетъ ихъ предпочесть постыдной и невозможной миръ войнѣ славной и необходимой; но онъ такъ же не одобряетъ дерзостнаго и на изступленїе похожаго, Молохова совѣта; а предлагаетъ унизить Всемогущаго средствами не столько наглыми, но впрочемъ несравненно, по его мнѣнїю, надежнѣйшими.

„Какая нужда съ опасностію нападать „и обступать Емпирей, котораго годныя „твердыни не боятся ни приступа ни оса„ды, ниже со стороны бездны какого вне„запнаго взятія? есть стези и надежнѣй„шія и удобнѣйшія. Древнее пророчество „открыло намъ на небѣ, что новый миръ „долженствуетъ изъ небытія произойти. „Ежели я справедливо сочелъ время и знаки „пророчества онаго: то уже надлежитъ „быть ему сотворену, для пребыванія въ „немъ новаго племени, человѣка, котораго „естество подобно нашему; однако ниже „превосходствомъ, и болѣе любимое отъ „царствующаго. Всевышній открылъ о семъ „благоволеніе свое посредѣ боговъ, и под„твердилъ клятвою, отъ коея вострепетало „все окруженіе неба. Обратимъ въ ту стра„ну всѣ помышленія наши; потщимся увѣ„дать, какія твари тамо жительствуютъ; „каковъ ихъ видъ и существо; каковы да„рованія; въ чемъ состоитъ ихъ сила, или „слабость, и къ преодолѣнію оныхъ хи„трость, или силу употребить надлежитъ. „Врата Олимпа заключены. Все утвержда-

„етъ славу и покой великаго Монарха. Но „можетъ быть другое оное мѣсто, смѣжное „съ царствомъ его, отверсто, лишенно во„инства и другія защиты, кромѣ новыхъ „своихъ жителей, не имѣетъ. Пріимемъ „противъ ихъ оружія наши; раззоримъ міръ „ихъ; или покоримъ подъ владѣніе наше. „Изгнанные съ небесъ, изгонимъ сихъ новыхъ „подданныхъ отъ земли; или возмутимъ „ихъ противъ Бога, дабы онъ врагомъ имъ „учинился, и во гнѣвѣ погубилъ собствен„ное создание свое. Не чувствуете ли вели„чайщаго веселія въ такомъ отмщеніи? оно „смутитъ въ побѣдителѣ нашемъ ту ра„дость, которую ощущаетъ изъ нашего смя„тенія; и наша радость произойдетъ изъ „его безпокойства. Возскорбитъ онъ о ча„дахъ своихъ любезныхъ, которыя, раздѣляя „съ нами преступленія и муки наши, про„клинать будутъ начало свое, и оплакивать „краткое блаженство. Теперь смотрите, „достойно ли сіе мое предложеніе вниманія „вашего; или приличнѣе вамъ упражняться „въ семъ печальномъ жилищѣ въ созиданіи „суетно вымышленныхъ владычествъ?

Таковое то было мерзостное слово, котораго Бельзевутъ сообразовалъ съ первымъ поданнымъ Сатаною мнѣнїемъ, и представилъ въ полномъ его цвѣтѣ. Дерзостной планъ былъ всѣми одобренъ, и радость сверкала въ глазахъ мрачныхъ духовъ. Они единогласно приняли предложенїе Бельзевута, предложенїе столько пагубное для рода человѣческаго.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

О доказательномъ или Теорическомъ родѣ.

Въ доказательномъ родѣ обыкновенно или хвалятъ кого или охуждаютъ. Въ Сатирѣ, чтобъ привести въ презрѣнїе и ужасъ того, котораго намѣреваются замарать, всякой чувствуетъ что должны быть употреблаемы сильныя и ужасныя краски; слогъ пылкой, краткой, убѣдительной, быстрой, есть слогъ наиболѣе приличествующїй ненависти: напротивъ того въ словахъ похвальныхъ, въ поздравленїяхъ, въ надгробныхъ словахъ, и проч. краснорѣчїе должно стараться бле-

снуть всемъ что только есть въ немъ пріятнѣйшее въ оттенкахъ, нѣжнѣйшее въ чувствованіяхъ, новѣйшее въ мысляхъ, благороднѣйшее и гармоничественнѣйшее въ израженіяхъ; тамъ то можно сыпать цвѣты полными горстьми; но все однакожъ съ осторожностію, и безъ всякаго примѣтнаго самохвальства. Требуется удовольствовать слушателя разборчиваго и пренебрегательнаго, которой за тѣмъ только пришелъ, чтобъ слышать красивую рѣчь. Страсть ни мало не можетъ здѣсь пособить краснорѣчію; краснорѣчіе въ себѣ лишь одномъ находитъ пристойныя для себя пособія; надобно чтобъ оно платило собственными своими избытками, и чтобъ прибытокъ заменяемъ былъ украшеніями. Въ семъ родѣ сочиненія можно безъ всякаго предосужденія блистать умомъ.

ГЛАВА VI.

О фигурахъ.

Риторическія Фигуры суть не иное что какъ нѣкоторые краснорѣчія обороты, неизвестные простонародію, и которые отступая нѣсколько отъ простаго и обыкновеннаго нарѣчія, выражаютъ съ болшею пріятностію, силою, благородствомъ и пылкостію, чувства, мысли и движенія душевныя.

Одни изъ нихъ веселыя, живыя, игрывыя, забавныя, легкія, служащія къ тому чтобъ нравиться, увеселяютъ пріятнымъ образомъ разумъ; другія же степенныя, важныя, величавыя, сильныя, разтрогиваютъ душу, проходятъ сквозь сердце, воспаляютъ сильной огонь, и все обнимаютъ пламенемъ страстей.

Въ фигурахъ болѣе всего надобно стараться не отступать отъ натуры, такъ какъ натура есть подлинной ихъ источникъ. Употребленіе ихъ полезно и чрезвычайно обширно; они оживляютъ, приправляютъ рѣчь; они отдаляютъ отъ нея разслабленіе и скучную монотонію; они разсѣваютъ въ

ней тысяча прїятностей; они воцаряютъ въ ней разнообразїе. Въ рукахъ опытнаго и знающаго оратора, они то же самое, что стрѣлы въ рукѣ искуснаго стрѣлка, которой умѣетъ ихъ бросать къ стати и ловко; они всегда ударяются въ намѣченное мѣсто, и производятъ ожидаемое дѣйствїе въ точности: въ обыкновенныхъ рѣчахъ, или разговорахъ, ихъ можно уподобить натуральнымъ и красивымъ цвѣтамъ, которыхъ прїятной запахъ возбуждаетъ вниманїе, трогаетъ чувства, ласкаетъ ихъ и восхищаетъ.

Фигуры состоятъ или въ мысляхъ или въ словахъ; не надобно однакожъ поставлять въ числѣ фигуръ такїя, которыя произошли отъ пустаго лишъ сплетенїя словъ безъ мыслей, или мыслей безъ словъ; но есть такъ же фигуры такимъ образомъ въ словахъ состоящїя, что само-малѣйшая перемѣна, самая маловажнѣйшая перестановка, или упущенїе словъ, обезображиваетъ ихъ и изтребляетъ.

Ихъ можно назвать проказливыми но безвредными духами Ла Фонтена.

Ты все попортишъ,
Когда къ работѣ ихъ свою приложишъ руку.

Вотъ тому примѣры:

Раздоръ, раздоръ по гробъ, съ приманкой
гнусной страсти —
О щастливъ, щастливъ ты не лестно! —

Гдѣ ясно можно видѣть, что фигура рѣченія произошла въ первомъ приведенномъ примѣрѣ отъ повторенія слова *раздоръ*, а въ послѣднемъ отъ повторенія слова *щастливъ*. Отнимите повтореніе, фигура рѣченія уничтожится. Г. Ломоносовъ въ примѣръ сего рода фигуры приводитъ еще и таковой родъ повторенія:

Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
Онъ такъ бросалъ за Бельтъ свой громъ,
Онъ сильну такъ взносилъ десницу.

Не льзя сказать, чтобъ то же самое было и съ фигурами мыслей, гдѣ можно не уничтожая фигуры, здѣлать тысяча перемѣнъ въ выборѣ и расположеніи словъ. На примѣръ въ слѣдующихъ Г. Боссюета, словахъ:

„Мечь Господенъ, какимъ ударомъ ты „поражаешъ! Вся подсолнечная отъ него „въ изступленіи.„

Вотъ обращеніе совершенной красоты. Перемѣните всѣ термины, убавте, прибавте, отнимите часть его, поставте на мѣсто его другую, фигура все будетъ существовать.

Отдѣленіе первое.

О фигурахъ мыслей.

Такъ какъ сродно прежде нежели говоримъ, думать, (многія однакоже поступаютъ иначе) то мы начнемъ съ фигуръ мыслей, которыхъ будемъ слѣдовать буквальному порядку. Всего болѣе постараемся, не выставляя какъ будто на показъ неумѣстныхъ нашихъ знаній, не обрѣменять разумъ читательницъ, нѣсколькими тысячами словъ греческихъ и варварскихъ, носившихъ прежде сего названіе Рит. фигуръ, пустое хваставство надмѣннаго ученія, ничего не значущія предметы любопытныхъ Педантовъ, которыхъ обыкновѣніе и разборчивой вкусъ по большой части вывели изъ употребленія. Здѣсь не увидимъ мы ни Хріи, ни Катахризиса, ни Металепсиса, ни Метонимiи, ни Ономотапіи, и со всѣмъ тѣмъ ничего не будетъ упущено.

О Антитезѣ.

Антитеза есть одна изъ пріятнѣйшихъ фигуръ. Она состоитъ въ нѣкоторомъ родѣ противоборствія мыслей или словъ одни

другимъ противоположенныхъ, которыя производятъ до невѣроятности удивительное дѣйствїе.

Съ какою красотою и съ какою величественностїю Святой Кипрїанъ употребилъ сїю фигуру въ проповѣди своей о Милостыни.

„Сынъ Божїй содѣлался сыномъ человѣ-„ческимъ, для учиненїя насъ чадами Божїими; „онъ язвенъ былъ для излеченїя ранъ нашихъ; „онъ принялъ зракъ раба для возвращенїя „намъ свободы; онъ умеръ наконецъ для „доставленїя намъ жизни.„

У Исаїи въ третьей главѣ прекрасныя находятся Антитезы.

„Понеже вознесошася дщери Сїони, и „ходиша высокою выею, и помазанїемъ очесъ, „и ступанїемъ ногъ, купно ризы влекущїя „(по долу), и ногами купно играющїя. И „смиритъ Господь начальныя дщери Сїона, „и Господь открыетъ срамоту ихъ въ день „онъ: и отиметъ Господь славу ризъ ихъ, „и красоты ихъ, и вплетенїя златая (на „главѣ), и пресны ризныя, и лупицы гри-„венныя, и срачицы тонкїя, и красоту лица „ихъ, и состроенїе красы славныя, и обручи,

„ и перстни, и мониста, и залястія, и ху-
„ дожныя усерязи, и багряницы, и пребагрян-
„ ная, и утварь храмную, и свѣтлая Лакон-
„ ская, и виссоны, и синеты, и червленицы,
„ и виссонъ, и синетою претыканы, и тон-
„ чицы преиманы златомъ; и будетъ вмѣсто
„ вони добрыя смрадъ, и вмѣсто пояса ужемъ
„ препояшешися, и вмѣсто украшенія зла-
„ таго, еже на главѣ, плѣшъ имѣти будеши
„ дѣлъ твоихъ ради, и вмѣсто ризы багря-
„ ныя препояшешися врѣтищемъ „

Г. Бернардинъ Сентъ-Піеръ, въ одномъ внушенномъ здравою философіею сочиненіи, показываетъ намъ въ противныхъ положеніяхъ, собственно нами устроенное наше зло, и данные намъ дары отъ природы.

„ Увы! Природа насъ снабдила всѣми
„ благостями въ изобиліи, а мы раздѣлили
„ по себѣ однѣ лишь бѣдствія. По всюду
„ человѣкъ нуждается землею, а земной шаръ
„ покрытъ пустынями. Одинъ лишь чело-
„ вѣкъ подверженъ голоду, а преизобилуетъ
„ имуществами въ самыхъ даже насѣкомыхъ.
„ Вездѣ почти онъ рабствуетъ себѣ подоб-
„ ному, а самыя слабыя животныя защитили

„ свою вольность противъ сильнѣйшихъ. При-
„рода, произведшая его съ тѣмъ чтобъ онъ
„любилъ, не согласилась ему дать оружїй, а
„онъ чтобъ побѣждать себѣ подобныхъ ско-
„валъ ихъ. Она представляетъ всѣмъ дѣтямъ
„своимъ убѣжища и угощенїя, а окружности
„городовъ нашихъ возвѣщаются одними лишь
„висѣлицами и колесованїямъ. Въ исторїи
„натуры видимъ мы одни лишь благотво-
„ренїя, въ исторїи же людей кровопїйство,
„злобу. Ужаснѣйшїя изъ нихъ у нихъ
„Героями. По всюду презираетъ онъ пря-
„дущую его одежду руку, и трудомъ своимъ
„Удобряющаго для него землю, селянина, по-
„всюду оказываетъ онъ уваженїе тому кто
„его обманываетъ, и съ благоговѣнїемъ чтитъ
„своего угнетателя; никогда не довольный
„настоящимъ, одинъ лишь онъ изъ тварей
„жалѣетъ о прошедшемъ и страшится бу-
„дущаго. Натура ему лишь одному дала
„провидѣть что Богъ существуетъ, а тыся-
„чи въ возмутательныхъ законахъ родились
„съ столь утѣшительнымъ чувствованїемъ.
„Какое же могущество могло возпрепятство-
„вать могуществу натуры и какая мечта

„привѣла въ заблужденіе сей породившій „столько наукъ, изключая науки быть щастливымъ, преудивительной разсудокъ? О „законодавцы! не тщеславтесь болѣе законами вашими. Или человѣкъ рожденъ быть „нещастливымъ, или земля повсюду своею „кровію и своими слезами орошенная, всѣхъ „васъ обвиняетъ въ незнаніи Природы.„

Такъ какъ Антитеза есть фигура чрезвычайно блистательная, и какъ искуство въ ней совершенно ощутительно, то должно стараться употреблять ее какъ можно рѣже и съ превеличайшею осторожностію. Таковой блестящій свѣтъ часто не столько озаряетъ сколько слѣпитъ. Многіе обвиняютъ знаменитаго Нимскаго Епископа (Г. Флешье), что онъ непомѣрно украшалъ витійственныя свои рѣчи сею игрою принужденныхъ словъ, сими малыми Антитезами, которыя въ излишномъ употребленіи становятся ребяческими. Сколькимъ бы еще другимъ можно было попрекнуть въ таковой погрѣшности!

Фигура сія состоитъ такъ же нѣсколько и въ словахъ.

О Обращенїи.

Обращенїе есть фигура, которою Оратор вдруг перерывает свою рѣчь, чтоб обратить ее к какому либо лицу присутственному или отсутственному, живому или мертвому, или к какому одушевленному или неодушевленному предмету.

Примѣры.

Армин снѣдаемой горестїю о смерти любезных ему дѣтей его, обращается в концѣ жалоб своих к вещам неодушевленным, обращенїе дѣйствительно соотвѣтствовавшее тогдашнему его души положенїю.

„Возстаньте осеннїе вѣтры, воздвигнитесь, дохните на черную пустыню; „шумите источники горные, и вы, бури, „гремите на высотах дубов. Катись на „раздробленных облаках луна, являй повременно задумчивое и блѣдное чело твое. „Воспомяни душѣ моей ту роковую ночь, „в которую лишился я чад моих, когда „пал храбрый Аримдал, мой любезный „сын, когда увяла дщерь моя, прекрасная „Даура.„

Въ семъ же самомъ, столь драгоцѣнномъ для чувствительной души, Оссїановомъ твореніи, представляются намъ прекраснѣйшїе примѣры обращеній.

„Я самъ видѣлъ Балклуту. Она была „уже пуста. Пламень разрушилъ ея домы. „Не слышно было человѣческаго гласа. Те- „ченїе рѣки ея совращено упадшими стѣнами. „Повсюду колеблется уединенный терновникъ, и густой мохъ бесѣдуетъ тихо „съ вѣтрами. Пустынные звѣри обитаютъ „въ жилищѣ человѣковъ; они выглядываютъ „изъ среды развалинъ; вокругъ головъ ихъ „развѣваются дикїя травы. Опустѣло жи- „лище Моины, безмолвїе царствуетъ въ чер- „тогахъ отцевъ ея. Возгремите, о Барды! „пѣсни печали, восплачте надъ жребїемъ ино- „племенныхъ: они пали прежде насъ; но „скоро и мы падемъ. . . . . О смертный, „жертва быстрокрылатаго времяни! почто „строишь ты чертоги? нынѣ съ гордыхъ вы- „сотъ твоихъ простираешъ ты свои взоры; „нѣсколько еще лѣтъ, и вѣтръ пустынный „возшумитъ въ твоихъ осиротѣлыхъ баш- „няхъ, и будетъ свистѣть во кругъ полу-

„согнившаго твоего щита . . . . Но пусть
„прїидетъ пустынный вѣтръ; дни наши
„пребудутъ незабвенны славою. Знаки моего
„мужества останутся на поляхъ брани, и
„мое имя въ пѣсняхъ Бардовъ. Воспойте,
„о друзья! пошлите кругомъ чашу пирше-
„ства; да возгремятъ чертоги мои востор-
„гами радости! . . . О солнце, могущест-
„венное свѣтило! естьли и ты должно
„нѣкогда изчезнуть, естьли сїянїе твое
„временно, то слава моя переживетъ лучи
„твои.„

Жанъ Жакъ Руссо, въ намѣренїи поразить разумъ волнуемаго бѣшенствомъ, и возвратить нещастливаго любовника къ его должности, могъ ли не прибѣгнуть къ сей столько приличной въ таковыхъ случаяхъ, фигурѣ?

„Ты хочешь прекратить жизнь; но я
„бы желалъ знать, началъ ли ты ее? Какъ,
„развѣ ты для того поставленъ на землѣ,
„чтобы ничего не дѣлать? не возложило
„ли на тебя небо вмѣстѣ съ жизнїю и дол-
„жностей, кои ты исполнять обязанъ? Есть-
„ли ты кончилъ дѣла свои прежде вечера,
„то отдыхай остальное время дня; но по-

„смотримъ, что ты здѣлалъ! Какой отвѣтъ „готовишъ ты Верьховному судїѣ, которой „потребуетъ отъ тебя отчету въ твоемъ „времени? Нещастной! представь мнѣ праведника, который бы могъ похвалиться, „что довольно жилъ на свѣтѣ, да научуся „отъ него, какъ должно провождать жизнь „чтобъ прїобрѣсть право освободиться отъ „оной . . . .

„Ты скучаешъ жизнїю, и говоришъ, жизнь „есть зло. Рано или поздо ты утѣшишся, „и скажешъ, жизнь есть благо. Ты скажешъ ето гораздо справедливѣе, хотя и „ни что кромѣ тебя не перемѣнится. И „такъ перемѣнись съ сего дня; и когда все „зло состоитъ въ худомъ расположенїи ду„ши твоей, то исправь безпорядочныя свои „склонности, и не сжигай дому своего для „того только, чтобы не имѣть труда рас„положить и украсить оной . . . .

„Безразсудный молодой человѣкъ! естьли „осталось въ сердцѣ твоемъ хотя малѣй„шее чувствованїе добродѣтели, прїйди, да „научу тебя любви къ жизни! каждой разъ, „когда будешъ ты покушаться лишить себя

„ оной; то скажи самъ себѣ: дай зделаю „доброе дѣло прежде смерти! потомъ ступай, и старайся помочь какому нибудь „бѣдному, утѣшить какого нибудь нещастнаго, защитить какого нибудь притѣсненнаго. Естьли сія причина остановитъ тебя сего дни, то остановитъ и завтра, и „послѣ завтра, и на весь твой вѣкъ. Но „естьли она не остановитъ тебя, умри, „ты злодѣй!„

Альзира.

Драгова тѣнь! такъ я невѣрна предъ тобою!
Свершилось; и Гусманъ владѣетъ вѣчно мною!
Межъ нашихъ Гемисферъ и океанъ взнесясь,
Преграды слабыя поставилъ между насъ:
Гусману я жена: мы клятвой обязались,
И клятвы оныя на небеси вписались.
О ты любезна тѣнь, мятущая мой умъ,
Окровавленна тѣнь, зракъ вѣчный горькихъ думъ,
Драгой! коль плачь, и стонъ, и совѣсти терзанье
Во твой проникнутъ гробъ, и мертвыхъ пребыванье,
Коль Божїя то власть, чтобъ съ прахомъ не потухъ
И нѣжный сердца жаръ, и твой геройской духъ,
И вѣрна мнѣ душа по смертную минуту;
Прости что я могла склониться къ браку люту.
Должна была отцу себя я въ жертву дать,
Блаженству подданныхъ, которымъ здѣсь я мать,

Слезамъ поверженныхъ, стѣнящимъ въ бѣдной долѣ
Вселенной сей, увы! Тебя гдѣ нѣтъ ужъ болѣ.
З морѣ! разстерзанной оставь душѣ покой
Хранить ужасной долгъ, врученный мнѣ судьбой:
Взложенно нуждою сноси ты бремя строго,
Позволь злымъ узамъ быть: они мнѣ стоятъ много.

Обращенiе есть сильное и неожидаемое движенiе, которое поражаетъ, плѣняетъ, удивляетъ и совершенно приличествуетъ страстямъ сильнымъ и бурнымъ, вдругъ въ необузданномъ восторгѣ разверзающимся. Сiя фигура должна однакожъ быть введена искусно; надобно стараться приготовлять къ ней слушателя движенiями гораздо кротчайшими; потомъ когда его нечувствительно привлечешь, восхищать вдругъ со всевозможною силою и быстротою, и не давая времени ему образумиться. По сей самой причинѣ всякой можетъ ясно видѣть неудобность помѣщать обращенiе въ началѣ ораторской рѣчи, изключая токмо тѣхъ рѣчей, гдѣ порывистыя вступленiя (какъ я говорилъ уже въ главѣ второй, о вступленiи) позволительны.

О Сообщенiи.

Сообщенiе есть Фигура, которою Ораторъ безъ околичностей сообщаетъ свои причины слушателямъ своимъ, иногда и собственнымъ своимъ соперникамъ, вступая съ ними въ обясненiя, требуя отъ нихъ совѣта, и поставляя ихъ самихъ его судьями.

Примѣры.

Г. Ломоносовъ изчисляя великое множество преудивительныхъ дарованiй безсмертнаго нашего Государя Петра великаго, дарованiй, не ослѣпленiемъ или лестью ему приписанныхъ, или для прикрасы и распространѣнiя рѣчи своей имъ придуманныхъ, но собственными его дѣянiями и самымъ отечествомъ нашимъ свидѣтельствуемыхъ; несравненно возвысилъ цѣну своего прекраснаго Слова, когда въ жару искренной признательности, обращенiемъ своимъ къ слушателямъ, проситъ ихъ раздѣлить съ нимъ общее къ сему Монарху удивленiе, которое столько превосходитъ всякое искуство краснословiя, и таковымъ соучаствiемъ ихъ, какъ бы облегчить тягостное предпрiятiе его, достой-

но почтить память безсмертнаго Петра, при лицѣ обожающаго его Народа.

„Я вамъ, слушатели, я вашему знанїю „препоручаю, коль много требовало неусып„ности основанїе и установленїе правосудїя, „учрежденїе правительствующаго Сената, „святѣйшаго Синода, Государственныхъ Кол„легїй, Канцелярїй и другихъ мѣстъ при„судственныхъ съ узаконенїями, регламен„тами, уставами; расположенїе чиновъ, за„веденїе внѣшнихъ признаковъ, для оказанїя „заслугъ и милостей; наконецъ политика, „посольство и союзы съ чужими державами. „Вы все сїе сами въ просвѣщенныхъ Петромъ „умахъ вашихъ представте. — Мнѣ только „остается предложить едино краткое всего „изображенїе. Когда бы прежде Петровыхъ „предпрїятїй, случилось кому отлучиться „изъ Россїйскаго отечества въ отдаленныя „земли, гдѣ бы его имя не загремѣло; буде „такая есть земля на свѣтѣ; потомъ бы „возвратясь въ Россїю, увидѣлъ новое въ лю„дяхъ знанїе и искуство, новое платье и „обходительства, новую архитектуру съ „домашними украшенїями, новое строенїе

„крѣпостей, новый флотъ и войска; всѣхъ „сихъ не токмо иной образъ, но и теченїе „рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: чтобъ тогда помыслилъ? не могъ „бы разсудить иначе, какъ что онъ былъ „въ странствованїи многїе вѣки; либо все „то учинено въ толь краткое время общими „силами человѣческаго рода; или творческою „Всевышняго рукою; или наконецъ все мечтается ему въ сонномъ привидѣнїи.„

Г. Флешье въ похвальномъ Словѣ Г. Сентъ-Томасу де Конторбери.

„Не безъ сердечнаго сокрушенїя говорю „я вамъ о сихъ нечестивцахъ, которые полагая въ томъ славу чтобъ ничего не признавать и о всемъ сомнѣваться, думаютъ „быть здравомыслящими, когда съ видомъ „и важностїю философовъ говорятъ: мы „всѣ родимся чтобъ умереть; кому извѣстно „что послѣдуетъ съ нами по смерти, будетъ „ли воскресенїе мертвымъ? Къ чему приступить? Содержать ли для нихъ всегда готовыя чудеса? Выслать ли изъ пропастей „Эреба для приведенїя ихъ въ боязнь, воз-

„ мучительные вопли, страшные голоса бес-
„ нованія? Собрать ли разметанныя кости,
„ и изъ мрачностей могилъ призвать усоп-
„ шія души, съ ясными признаками ихъ на-
„ казаній? „

Когда Пророкъ Наѳанъ приходитъ по повелѣнію Божію укорять Давыда въ его согрѣшеніи, онъ не бурнымъ началомъ обличаетъ тяжкой грѣхъ сего Царя, но искуснымъ введеніемъ тонкой и благоразумной притчи, приводитъ его постепенно къ самопроизвольному признанію, и къ покаянію въ преступленіи своемъ.

Точно такого же рода подлогъ употребленъ съ великою тонкостію въ нѣкоторомъ свѣтскомъ случаѣ, я хочу сказать, въ такъ называемой комедіи Г. Бурсольта: *Езопъ при дворѣ*. Родоппа, Езопова любовница, и нареченная его невѣста, весьма важную ролю играла при дворѣ Короля Лидійскаго, знатностію любимца сего Государя, Езопа. Сія дѣвица была произхожденія низкаго; бѣдные и въ самомъ жалкомъ положеніи ея родители, питались трудами рукъ своихъ; она вскорѣ о нихъ забыла (что въ свѣтѣ

обыкновенно водится) чтобъ насладиться всею полнотою мнимаго своего благополучїя.

Между тѣмъ разнезшїйся слухъ о знатныхъ имуществахъ Родоппы, подкрѣпилъ надежду ея родителей. Мать ея порадованная таковымъ извѣстїемъ, пришла обрѣсти дочь свою, надеясь отъ нея поправленїя разстроенной своей семьи. Но какой для нее ударъ, когда она увидѣла дочь свою въ смятенїи, когда Родоппа отъ такой неожидаемой встрѣчи блѣднѣла, старалась притвориться ей не знакомою, говорила съ нею съ холодностїю, презрѣнїемъ и высокомѣрїемъ, бѣгала отъ ея взора, и не хотѣла ея почтить самымъ легкимъ привѣтствїемъ! Сїя сокрушенная мать съ сверкающими на глазахъ слезами, и съ отчаянїемъ въ сердцѣ, прибѣгаетъ къ Езопу, которому даетъ знать о недостойномъ противъ нее поступкѣ ея дочери; Езопъ утѣшаетъ ее, ободряетъ, обнадеживаетъ, и идетъ къ Родоппѣ, которой разказываетъ басню о ручьѣ, возгордившемся при видѣ возрастающихъ водъ своихъ, по мѣрѣ своего въ даль теченїя, и простиравшемъ

высокомѣрїе свое до того, что началъ презирать самой произведшїй его источникъ. Родоппа примѣняетъ себя умственно къ оному источнику, сличаетъ высокомѣрїе его съ своимъ, и вдругъ подвигнутая при разсказѣ этой басни чистосердечнымъ раскаянїемъ, заливается слезами, бѣжитъ къ матери своей, и осыпаетъ ее поцѣлуями, ласками и подарками.

Всѣ сїи примѣры относятся къ Сообщенїю и показываютъ употребленїе его.

О Уступленїи.

Уступленїе есть фигура, которою Ораторъ уступаетъ своему противнику то, чего никакъ отказать не можетъ, съ тѣмъ намѣренїемъ чтобъ въ томъ, чего не хочетъ уступить, настоять сильнѣе.

Искуство оной фигуры состоитъ въ снисканїи своего достоинства безпрекословною снисходительностїю такихъ вещей, которыя какъ будто украдкою показываютъ другимъ благовидныя для нихъ стороны, и въ то же самое время предстательствуютъ въ точности доказываемаго его дѣла или причины.

Г. Ломоносовъ въ похвальномъ Словѣ Петру великому:

„Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ „мирные сосѣди; когда вы сіи похвалы „военныхъ дѣлъ нашего Героя, когда вы пре„возносимыя мною побѣды Россійскаго воин„ства надъ вами услышите; не въ поноше„ніе, но больше въ честь вашу припишите. „Ибо стоять долгое время противъ сильна„го Россійскаго народа, стоять противъ „Петра великаго, противъ мужа, посланнаго „отъ Бога на удивленіе вселенныя, и нако„нецъ быть отъ него побѣжденнымъ, есть „славнѣе, нежели побѣдить слабые полки „подъ худымъ предводительствомъ. Почи„тайте по справедливости истинною своею „славою храбрость Героя вашего Карла; и „по согласію всего свѣта утверждайте, что „едва бы кто возмогъ устоять предъ ли„цемъ его гнѣва; когда бы чудною Божес„кою судьбою не былъ въ отечествѣ на„шемъ противъ его воздвигнутъ Петръ ве„ликій. „

Въ надгробномъ Словѣ Англійской Королевѣ Елисаветѣ:

„Я охотно готовъ въ немъ признать „то, (Авторъ говоритъ о Карлѣ I, Королѣ Англійскомъ), что сказано было нѣкоторымъ „важнымъ Писателемъ о Кесарѣ, что милосердіе его простиралось даже до раскаянія: пускай же таковая его любезная слабость, будетъ единственнымъ противъ „него обличенїемъ: но чтобъ люди, которыя вѣрятъ, что у нещастливыхъ и побѣжденныхъ нѣтъ твердости духа, жизненныя силы въ разслабленїи, не ласкались „насъ заставить думать, что у него не доставало бодрости, или рѣшимости въ его „совѣтахъ. Преслѣдуемой безщадно рукою „ожесточенной противъ него фортуны, измѣнническы брошенной своими, онъ нашелъ „въ себѣ свое прибѣжище. Не смотря на „безуспѣшности военныхъ его дѣйствїй, „естьли могли его побѣдить, то не въ силахъ были заставить его къ здачи; и поелику онъ во дняхъ своихъ побѣдъ, никогда не отвергалъ того, что было одобряемо разсудкомъ, будучи пленникомъ, онъ „всегда шелъ противъ того, что свойственно душѣ слабой и несправедливой.

въ бѣседованіи Ментора съ Телемакомъ:

„То правда, война бываетъ иногда по-„требна; но она необходимостію своею въ „иныхъ обстоятельствахъ несетъ обличеніе „несправедливости верховныхъ, посрамляетъ „человѣческой родъ. О владыки земные! не „мыслите путями кровопійственной брани „снискать себѣ славу, безсмертіе.„

Уступленіе можетъ съ удобностію помѣщаема быть тогда, когда мы намѣреваемся призвать къ разсудку человѣка, предубѣжденнаго какою сильною страстію; напасть прямо на его чувства, сражаться открытымъ образомъ съ заблужденіями его, есть способъ его раздражить, дать новую жизнь упорству, и слѣдовательно, быть совершенно противъ видовъ Оратора. Надлежитъ, въ таковыхъ случаяхъ, согласиться уступить ему что нибудь, естьли только желаемъ маловажною уступкою выиграть все, предаваться опасностямъ, ступать подъ нависами страшныхъ камней, сопутствовать въ пропасть съ тѣми, которые въ нее опускаются, въ томъ намѣреніи, чтобъ ихъ въ потребное время изъ нее высвободить.

О Поправленiи.

Поправленiе есть фигура, которою Оратор поправляетъ произнесенныя имъ слова или мысли, и ставитъ вмѣсто ихъ другiя, которыя или приличественнѣя ихъ, или сильнѣя.

Все искуство этой фигуры состоитъ въ притворномъ упущенiи какой либо необходимой вещи, или въ нечаянно будто вырвавшемся какомъ словѣ или мысли, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ уже съ точностiю измѣрилъ всѣ свои причины и выраженiя, и что сiя самая мнимая погрѣшность есть одна лишь хитрость, изобрѣтенная для распространенiя перемѣны, и для возбужденiя и разтроганiя вниманiя своихъ слушателей.

Примѣры.

Безсмертная кисть великаго Марона красуется на всякой строкѣ Енеиды, повсюду виденъ сердцевѣдецъ. Кого не трогаетъ бѣдственной жребiй Дидоны? Кто не возмущенъ повѣствованiемъ козней Енея, уплывающаго въ дальнiя моря, мучительствами отчаянной любовницы; но Авторъ, недоволь-

ной близкимъ соучаствіемъ нашего воображенія, желалъ говорить и съ сердцемъ читателя; желалъ и — успѣлъ, когда заставилъ Дидону, въ часахъ ея одиночества и отъ всѣхъ забытія, быть собственнымъ своимъ Недругомъ, быть строгимъ взыскателемъ своихъ слабостей на слабомъ своемъ сердцѣ.

Царица терема палатна съ высоты
Коль скоро по волнамъ пловущій флотъ узрѣла
И пусты пристани и бреги усмотрѣла,
Отчаянна себя въ прекрасну грудь біетъ,
И желты рвя власы, „о Боже! вопіетъ,
„Уѣдетъ сей пришлецъ, умчится вонъ изъ виду,
„Нанесши смертну мнѣ въ землѣ моей обиду;
„И Тиряне своей Царицы не отмстятъ?
„Вооружась во слѣдъ за нимъ не полетятъ?
„Раскиньте парусы, всей силою гребите!
„Неситесь, и догнавъ огнемъ его губите!
„Ахъ, что вѣщаю я?... гдѣ я?.. мой меркнетъ умъ!.....
„Дидона бѣдная! твой тщетенъ гнѣвъ и шумъ:
„Днесь вовсе надъ тобой судьба ожесточала;
„Тогда было разить, какъ скипетръ ты вручала.
„Се клятвы, коими крѣпилъ со мной онъ бракъ,
„Десница данная мнѣ вѣрности во знакъ!
„Се воинъ, кой боговъ изъ пламени избавилъ,
„И дряхлому отцу плеча свои подставилъ!

„Не въ силѣль я была злодѣя растерзать,
„И члены по волнамъ кровавы разбросать,
„Друзей и самаво Асканія заклати,
„И нечестивому отцу во пищу дати?
„Но страшно; коль ево не удалось бы стерть.
„Чегобъ страшиться мнѣ обрекшейся на смерть?
„Ябъ станъ враговъ и флотъ огнемъ воспламенила,
„Отца бы, сына, весь ихъ родъ искоренила,
„И послѣ бы, какъ ихъ во сѣчи премогла,
„Сама бъ на трупахъ ихъ, бездушный трупъ, легла.

Въ Рассиновой трагедіи, Федрѣ:

Совмѣстницу свою сражу и погублю!
Супружній гнѣвъ на кровъ ея усугублю,
Предъ братіевъ, виной, вины сестры умножу,
И духъ Өезеевъ весь противъ нея встревожу,
И въ возхищеніи воздвигну новый шумъ...
Что мышлю! что творю! гдѣ дѣлся ты мой умъ!
Ревную, и ей гнѣвъ Өезеевъ возвѣщаю!
Супругъ мой живъ: а я сей пламень ощущаю!
Къ кому любви такой желанья таковы!
Вздымаетъ всяка рѣчь власы моей главы.

Эта фигура чрезвычайно удобно изражаетъ стеченіе и сшибку многихъ противныхъ страстей, взаимно другъ друга истребляющихъ: она такъ же описываетъ живо сильную борьбу любви съ разсудкомъ.

Всякой могъ видѣть въ представленныхъ мною примѣрахъ, безумные, любовїю составляемые планы, и которые разсудокъ опровергаетъ въ самомъ почти ихъ основанїи.

О Описанїи.

Вотъ безъ сомнѣнїя изъ всѣхъ риторическихъ фигуръ, фигура самая красивая и самая обширная: она то расказываетъ съ такимъ жаромъ и искуствомъ, изображаетъ столь живыми и естественными красками, представляетъ столь простыя и поразительныя картины, что мы думаемъ уже не Оратора слышать, или читать произведенїе какого либо ума, но прїятнымъ мечтанїемъ видимъ себя, такъ сказать, перенесенными вдругъ на подлинное разсматриванїе списываемаго предмета. Сїя фигура бываетъ многихъ родовъ. Не входя въ ея подробности, вотъ вамъ напередъ, милыя читательницы, два всеобщїе портрета, списанные, по мнѣнїю моему, съ самаго подлинника, я хочу сказать, списанные съ Натуры.

Свойство человѣка богатаго.

„Житонъ имѣетъ цвѣтъ свѣжїй, лицо „полное и щеки отвислыя, глазъ неподви„жной и надежной, плечи широкїя, животъ „высокой, поступь твердую и важную; „онъ говоритъ смѣло, заставляетъ повто„рять разговаривающаго съ нимъ, и всѣмъ „что отъ него ни слышитъ не иначе какъ „посредственно можетъ быть удовольство„ванъ: онъ развертываетъ большой руки „платокъ и смаркаетъ чрезвычайно громко; „онъ спитъ днемъ, спитъ ночью, и спитъ „сномъ крѣпкимъ; храпитъ въ собранїи, за „столомъ и во время гулянїя занимаетъ „мѣсто больше другаго, прохаживаясь со „своими ровными онъ у нихъ въ серединѣ; „онъ остонавливается, остонавливаются всѣ; „онъ подается въ передъ, всѣ идутъ въ пе„редъ: все производится по немъ; онъ пере„биваетъ, онъ поправляетъ разговариваю„щихъ; его не перебиваютъ, его выслуши„ваютъ до окончанїя его рѣчи; всѣ дер„жатся его мнѣнїя, всѣ вѣрятъ расказыва„емымъ имъ новостямъ; естьли онъ садится, „вы его видите развалившагося въ креслахъ, „ноги на крестъ сложенныя, брови нахму-

„ренныя, шляпу чтобъ ни на кого не смо„трѣть, на глаза спущенную, или увидите „ее потомъ вздернутую, и обнажающаго „лобъ свой по высокомѣрїю и дерзости. Онъ „нрава веселаго, склоненъ къ издѣвкамъ, не„терпѣливъ, надменёнъ, сердитъ, своеволенъ, „знающъ въ поверхности Государственныхъ „дѣлъ, скрытенъ въ произшествїяхъ времяни: „онъ считаетъ себя человѣкомъ умнымъ и „съ дарованїями: онъ богатъ.„

Свойство бѣднаго человѣка.

„У Фебона глаза впалые, цвѣтъ лица „разгорѣвшїйся, тѣло сухое и лицо худо„щавое; онъ спитъ сномъ легкимъ и мало; „онъ задумчивъ, мнителенъ, и имѣя разумъ „показываетъ наружностїю своею человѣка „глупаго; онъ не помнитъ расказать того „что знаетъ, или говоритъ о произшествїяхъ „ему извѣстныхъ; естьли же когда и уда„ется ему расказать, то всегда безъ удачи; „онъ опасается наскучить тѣмъ съ кото„рыми говоритъ, и образъ его повѣствова„нїя чрезвычайно коротокъ но холоденъ; „онъ не заставляетъ себя слушать, онъ не „можетъ разсмѣшить; онъ превозноситъ, „онъ всякое слышанное отъ другихъ слово

„проводитъ своей улыбкою, онъ всегда од-
„наго съ ними мнѣнія; онъ бѣжитъ, летитъ
„для показанія имъ маловажнѣйшей услуги;
„онъ снисходителенъ, льстивенъ, услужливъ;
„скрытенъ въ своихъ дѣлахъ, а иногда и
„лживъ; онъ суевѣренъ, точенъ, робокъ; онъ
„ступаетъ тихо и легко; онъ кажется не
„смѣетъ земли касаться, изъ опасности под-
„нять пыль; онъ ходитъ съ опущенными
„въ низъ глазами, и боится ихъ вскинуть
„на людей съ нимъ встрѣчающихся; онъ ни-
„когда не бываетъ въ числѣ составляющихъ
„кругъ для бесѣды, становится по зади того
„которой говоритъ, съ робостію собираетъ
„чужія рѣчи, и отходитъ отъ мѣста своего
„когда кто на него смотритъ; на полу и
„на стулѣ онъ не занимаетъ мѣста; онъ
„ходитъ поджавши плеча, шляпу чтобъ ни-
„кто не смотрѣлъ на него на глаза нахла-
„бученную; онъ изгибается и обвертываетъ-
„ся плащемъ своимъ; нѣтъ ни одной столько
„тѣсной и многолюдной улицы или галле-
„реи, гдѣ бъ онъ не сыскалъ средства про-
„браться безъ всякаго затрудненія, и выйти
„изъ нее украдкою: естьли его просятъ
„сѣсть, онъ чуть ли садится на самомъ

„краю стула; онъ въ разговорѣ говоритъ „тихо, и слова свои произноситъ не внятно: со всѣмъ тѣмъ вольномысленный въ дѣлахъ общественныхъ, досадующій на свой „вѣкъ, не слишкомъ довольный Министрами „и Министеріею, онъ отворяетъ ротъ для „однихъ лишь отвѣтовъ; онъ кашляетъ, онъ „смаркаетъ подъ шляпою, онъ плюетъ почти „на самаго себя, и выжидаетъ всѣхъ чтобъ „чихнуть; и естьли случается ему чихнуть „при другихъ, онъ тѣмъ не обезпокоиваетъ „собранія; чиханіе его ни кому не стоило „ни поклона, ни привѣтливаго слова: онъ „бѣденъ.„

Ла Брюйеръ не подражаемъ въ семъ родѣ сочиненія.

Четыре рода бываетъ Описаній. Демонстрація, Етопея, Прозографія и Топографія.

О *Демонстраціи.*

Демонстрація есть описаніе вещи, какъ то представленіе особеннаго какого дѣйствія, повѣствованіе о чрезвычайномъ какомъ произшествіи, изображеніе бури, битвы и проч.

Всѣ таковыя картины должны быть отменной живости, и самаго близкаго сходства съ Природою. Краснорѣчивой Патръ удивительнымъ образомъ описываетъ ужасныя мученія, претерпѣваемыя плѣненными Христіанами въ земляхъ Варварскихъ.

„Я не говорю вамъ о тяжести ихъ „оковъ, ниже о тѣхъ ужасныхъ пещерахъ, „въ которыхъ ихъ заключаютъ каждую „ночь, подобно дикимъ звѣрямъ. Что жизнь „ихъ не иное что, какъ продолжительная „смерть или безпрестанное томительное „разлученіе души ихъ съ тѣломъ; что бу„дучи отдалены отъ кровныхъ и своихъ „друзей, отъ женъ и дѣтей своихъ, еже„часно подвержены мщенію немилосердаго „и свирѣпаго мучителя: отъ всего этаго „должно содрогнуться самое нечувствитель„ное сердце; но слушатели! вы видите „еще малѣйшую часть ихъ страданія. По„судите, друзья мои, посудите, какой опас„ности подвержено ихъ спасеніе въ сей про„клятой землѣ скорьби и мучительнаго пред„смертія. Столько невѣрныхъ, столько ору„дій древняго змія, столько труженниковъ

„занятыхъ ихъ погибелью и всегдашнымъ
„отъ Христа отлученіемъ. Нѣтъ такихъ
„угрозъ или обѣщаній, которыхъ бы они
„для нихъ не выдумывали, надежда сво-
„боды, ужасъ безчеловѣчнаго обхожденія,
„потрясаетъ плоть и возмущаетъ ее про-
„тиву разума. По среди такого множества
„враговъ нѣтъ утѣшенія, нѣтъ совѣта: не
„слышатъ они болѣе ни гласа невѣсты Цер-
„кви Божіей, ни гласа добраго Пастыря:
„небо тамъ мѣдано; оно хранитъ въ своихъ
„сокровищницахъ и дожди и росы свои.
„Впрочемъ не думайте чтобъ Князь тьмы
„въ семъ случаѣ былъ празденъ; онъ возму-
„щаетъ совѣсть ихъ; онъ воспламеняетъ,
„отравляетъ ихъ страсти; удвояетъ ихъ
„горесть, ихъ нетерпѣніе, ихъ боязнь. Богъ
„родившійся въ вертепѣ, Богъ испустившій
„свой духъ на Крестѣ, Евангелія, всѣ наши
„таинства, онъ ихъ поноситъ, онъ всячески
„старается посрамить злохуленіемъ; нако-
„нецъ, слушатели, во мракѣ толь черной
„ночи, ночи исполненной печали, ужаса, сіи
„пребѣдные черьви земли, безъ помощи и
„подкрѣпленія, безъ оружія, должны преодо-

„лѣвать всѣ могущества преисподнія. Ка-
„кая крайность! какое отчаяніе! но какая
„гибель можетъ еще быть ея очевиднѣе или
„ужаснѣе. „

Какъ живо описано сіе происходящее между Телемакомъ и Гиппіемъ, сраженіе!

„Едва Телемакъ изсунулъ мечь, Гиппій
„желая воспользоваться превосходствомъ
„силъ своихъ, устремился исторгнуть его
„изъ рукъ младаго сына Улиссова; но мечь
„въ рукахъ ихъ переломляется. И се взаи-
„мно снемшеся стѣсняютъ они единъ дру-
„гаго всею мощію; подобно двумъ лю-
„тымъ звѣрямъ стремятся на обоюдное
„растерзаніе: изъ глазъ ихъ изскачутъ ис-
„кры. То они сокращаются, то протяза-
„ются, возвышаются, мещутся, и жаждутъ
„сопротивныя крови. Наконецъ схватилися
„и стали нога противъ ноги, рука противъ
„руки: оба преплетшіяся тѣла ихъ соста-
„вляютъ единое; но старѣйшій лѣтами Гип-
„пій, казалось, сокрушить долженствовалъ
„Телемака, которой въ нѣжной младости
„своей не имѣлъ еще твердыхъ мышцъ; уже
„задыхающійся Телемакъ почувствовалъ въ

„колѣняхъ своихъ потрясенiе; уже Гиппiй „зря его колеблющась усугубляетъ силы. „Погибъ бы сынъ Улиссовъ, и неизбѣжно „достойную претерпѣлъ за продерзость „свою и воспаленiе казнь, когдабъ въ далекихъ странахъ бдящая о немъ Минерва, „попустившая его до края толикой гибели „ради токмо наученiя, не рѣшила побѣды „въ его пользу.„

Сей же самой Авторъ описанiемъ своимъ бури, представляетъ намъ прекрасной примѣръ сей фигуры.

„Внезапу буря возмутила небо и море. „Исторгшiеся изъ заклеповъ вѣтры ужасный „производили въ парусахъ ревъ; черныя вол„ны въ корабельныя ударялись бока, кото„рые отъ силы ударовъ стонали. Иногда „возносились мы на хребты надменныхъ „волнъ, иногда море являясь убѣжавшимъ „изъ подъ корабля низвергало насъ въ стра„шныя хляби. Тако влачимые зрѣли близъ „себя камни, о кои разъяренные воды съ „ужаснымъ раздроблялися шумомъ. Тогда „то увѣрился я опытомъ въ слышанномъ „часто отъ Ментора, что люди растлѣн-

„ные и утопающїе вЪ забавахЪ, мужества „вЪ опасностяхЪ лишены суть. Обуянныя „унынїемЪ Кипряне плакали яко жены; еди„ны слышалЪ я горестные вопли, жалѣнїя о „жизненныхЪ утѣхахЪ, и суетные богамЪ „обѣты жертвЪ ежели пристанища дости„гнутЪ. Никто не имѣлЪ благодушїя, ни пове„лѣвать на кораблѣ, ни исполнять нуждныхЪ „распоряженїй. ПомысливЪ тогда что спа„сая жизнь свою должно спасать и ближ„нихЪ, взялЪ я кормило: ибо омраченный „виномЪ яко Вакханта кормчїй, не вЪ си„лахЪ уже былЪ зрѣть опасности своего „судна. Я ободрилЪ устрашенныхЪ море„ходцовЪ, приказалЪ опустить вѣтрила, на„чали они гребсти сильно, и мы имѣя предЪ „очами всѣ ужасы смерти безвредно пре„плыли опасные камни.„

ШатилїонЪ, вЪ Волтеровой трагедїи Заирѣ:

АхЪ! ежели бЪ ты зрѣлЪ сей храмЪ опустошенЪ,
Рукой невѣрныхЪ гробЪ Господень оскверненЪ;
ЧадЪ нашихЪ, женЪ, отцовЪ вЪ крови своей лежащихЪ,
БлизЪ падшихЪ олтарей во пламени стенящихЪ!
Здѣсь нашЪ послѣднїй Царь смерть лютую прїялЪ,
СраженЪ на чадЪ своихЪ кончающихся палЪ!

Въ семъ бѣдствѣ Лузиньянъ, остатокъ царска рода,
Свой духъ вперяя въ грудь смущеннаго народа,
Черезъ развалины, чрезъ тьму побитыхъ тѣлъ,
Летитъ въ толпу враговъ, сквозь огнь, сквозь тучи стрѣлъ,
Имѣя руку онъ мечемъ вооруженну,
И кровью всякой часъ невѣрныхъ обагренну,
Другою держа крестъ показывая намъ.
Святый сей вѣрныхъ знакъ ужасный столь врагамъ,
Пребудьте вѣрными, о Галлы! онъ взываетъ:
Знать сила Вышняго, что нынѣ насъ спасаетъ,
Покровомъ осѣнивъ его тогда своимъ,
Уготовляла путь, предшествуя предъ нимъ.

О Етопеи.

Етопея есть описанïе свойствъ и нравовъ человѣческихъ.

Свойство Юстинïана.

„Юстинïанъ былъ слабый и безъ всѣхъ „отличительныхъ свойствъ, Государь, ко- „тораго привлекательной блескъ верьховной „власти могъ развратить безъ всякаго тру- „да. Будучи великъ по одному лишь усиль- „ному своему старанïю, когда почелъ за без- „полезное притворствовать, впалъ во всѣ

„посрамляющія его санъ низости; онъ предался самымъ гнуснѣйшимъ увеселеніямъ: „хвастливъ и робокъ, столько же близокъ „къ испугѣ, сколько скоръ къ гнѣву, онъ началъ быть скупымъ и чинить грабительства; презирая бѣдныхъ, раззоряя богатыхъ, „продавая все, даже и самыя духовенскія „званія, которыя не постыдился раздавать „съ публичнаго торга. Благославляя первые „дни его правлѣнія, подданные до того ожесточены были имъ въ послѣдствіи, что „молили Бога видѣть его ума лишеннымъ, „или мертвымъ; они не могли изискать для „себя другаго спасительнаго средства, и не „находили лучшаго пути къ послабленію „несноснаго своего ига, кромѣ необходимости, поставить на его мѣсто другаго Самодержца. —

Характеръ Герцога де-Гиза, названнаго Балафреемъ.

Тогда явился Гизъ; и вдругъ народъ кичливый
Къ сему блистающу свѣтилу обратился.
Родителя его еще гремяща слава,
И собственны его преславныя дѣла;
Прехрабрый духъ его, пріятство, красота,

И сей всѣмъ нравиться благополучной даръ,
Который смертные, во нравахъ развращенны,
И добродѣтели самой предпочитаютъ,
Неодолимою и сильною отравой
Желанье всѣхъ къ нему и сердце привлекали.
Во знаньи обольщать и уловлять сердца
До толь его никто не превышалъ;
Какъ онъ ни кто не могъ владѣти надъ страстями,
И такъ никто не могъ наружностью притворной
Пространство сокрывать великихъ предпрiятiй.
Лютъ, снисходителенъ, властолюбивъ и кротокъ,
Открытно о бѣдахъ народа сожалѣлъ;
Несносныхъ податей онъ бременемъ гнушался;
И изъ гражданъ къ нему, узрѣть его текущихъ,
Кто бѣденъ приступалъ, тотъ щастливъ отходилъ.
Благодѣянiя и многiя щедроты,
Его присутствiе въ Парижѣ возвѣщали.
Умѣлъ онъ обуздать вельможей ненавистныхъ.
Жестокъ, непримиримъ, когда онъ оскорблялъ.
Въ желаньяхъ дерзостенъ и гибокъ въ хитростяхъ,
Во добродѣтеляхъ и въ слабостяхъ блистающъ,
Безстрашенъ, и бѣды искусенъ упреждать;
И воинъ щастливой, и мудрый предводитель,
Великой государь, но вредный гражданинъ.

Г. Демаги прекрасно изобразилъ свойства баловня:

„Баловнемъ я называю человѣка, кото-
„раго одно лишь тщеславiе образуетъ ха-

„рактерѣ, которой поступаетѣ противно „своей склонности, котораго дѣйствія означенованы печатію самохвальства, и который желая превзойти другихѣ, учинился себя самаго недостойнымѣ. Слишкомѣ вольной сѣ своими начальниками, важной и „крутѣ сѣ подчиненными своими, онѣ тыкаетѣ, покровительствуетѣ, презираетѣ. „Вы ему кланяетесь, онѣ васѣ не примѣчаетѣ; „вы сѣ нимѣ говорите, онѣ васѣ не слушаетѣ; „вы вступаете вѣ разговорѣ сѣ другимѣ, онѣ „васѣ перебиваетѣ. Вѣ самыхѣ почтенныхѣ „собраніяхѣ и во время самыхѣ занимательныхѣ бѣседованій, онѣ глазѣетѣ, шпыняетѣ, „передразкиваетѣ. Женщина на него взглянула, онѣ готовитѣ себѣ лавры; другая на „него не смотритѣ, онѣ приписываетѣ ей „застенчивость, и мысленно торжествуетѣ. „Терпятѣ ли его гдѣ, или отѣ куда гонятѣ, „онѣ всюду находитѣ для себя ровныя выгоды. Онѣ проситѣ себя посѣтить человѣка почтеннаго, и назначаетѣ ему одни „часы сѣ золотошвеемѣ, сѣ моднымѣ торговцомѣ. Онѣ предлагаетѣ вольному своему „человѣку мѣсто вѣ каретѣ, и сажаетѣ его

„въ самое безпокойное. Не имѣя ни какихъ „познанiй, онъ подаетъ совѣты ученымъ и „художникамъ; онъ бы не постоялъ въ нихъ „для Вобана, Брюна, Рассина, хотя воинскiя „науки, живопись и поезiя, для него совершенно чуждые предметы. Выходитъ ли „онъ изъ оперпаго дома, онъ говоритъ на „ухо своимъ лакеямъ. Кричитъ извощику „ѣхать проворнѣя; всякой думаетъ что скачетъ на какое-либо тайное свиданiе; онъ „расположенъ одному у себя ужинать. Онъ „велитъ въ многолюдныхъ собранiяхъ отдавать ему украдкою подлинныя или вымышленныя любовныя переписки; степенной человѣкъ пожимаетъ плечами, повѣса „превозноситъ его щастливое созвѣздiе. Онъ „ломаетъ голову надъ изчисленiемъ своихъ „доходовъ; ему приходитъ съ земель не „болѣе 60000 Ливровъ, ежегоднаго побора; „онъ ими не можетъ прожить. Непременной „рабъ самовластной моды, онъ слѣдуетъ ей „какъ въ странностяхъ такъ и въ одеждахъ, „какъ въ нѣмочахъ такъ и въ каретахъ, какъ „въ врачахъ такъ и въ портныхъ. Подлинное дѣйствующее лицо Феатра, смотря на

„него, вы думаете видить маску; слушая „его, вы скажете что онъ играетъ ролю: „слова его пустоши, поступки его нелѣпо-„сти, самое молчанїе его лживо. Онъ не вы-„полняетъ даннаго имъ слова, и имъ скры-„тничаетъ будучи таковой обязанности „простъ. Гдѣ его ждутъ, тамъ не дождутся; „куда его не думали звать, тамъ обезпокои-„ваетъ хозяевъ поздымъ посѣщенїемъ. Онъ „стыдится признать свою бѣдную или не-„довольно значущую родню. Онъ хвастаетъ „дружбою знатнаго, съ которымъ ему ни-„когда не удавалось говорить, или говорить „не будучи почтенъ отвѣтомъ. Онъ занялъ „отъ моднаго умницы родъ нѣкоторой над-„мѣнности и язвительныя шутки: отъ при-„дворнаго красные коблучки, скороходовъ и „заимодавцовъ; отъ волокиты безумной домъ, „духи, распудреную голову. Не доставало „ему быть не большимъ плутомъ, чтобъ „составить полной контрастъ честнаго че-„ловѣка. Словомъ сказать, онъ умница для „удивляющихся ему глупцовъ; онъ глупецъ „для здравомыслящихъ людей, его убѣгаю-„щихъ. Но естьли произвести точное ему

„опредѣленіе, онъ ни умница ни глупецъ, а „баловень; живой образецъ всѣхъ нашихъ „худо-воспитанныхъ молодыхъ повѣсъ.„—

О Прозографіи.

Прозографія есть изображеніе предмета разсматриваемаго относительно къ его наружнымъ свойствамъ.

Изображеніе волнуемой, ревнивой и отчаянной Калипсы.

„Тако вопіющая Калипса являла очи „кровавы и яростію воспаленны. Взоры ея „ни на единомъ предлогѣ не остановлялися: „сверкало въ нихъ нѣчто мрачное и звѣрское. „Трепещущія ланиты покрылись багровыми „и темными пятнами. Цвѣтъ лица поми„нутно измѣнялся: часто смертная блѣд„ность на немъ растилалась. Слезы не ли„лись какъ прежде обильно: ярость и от„чаяніе источникъ ихъ осушили: едва нѣ„сколько капель выкатилось на ланиты. „Гласъ ея былъ сиплъ, дрожащь, прерыв„чивъ.„

Г. Фенелонъ такимъ образомъ разсказываетъ о стонающемъ въ любовныхъ оковахъ Телемакѣ:

„Часто Телемакъ неподвижно простертый на морскомъ брегѣ, или скрываясь внутри мрачныхъ лѣсовъ, горькія проливалъ слезы, и износилъ вопль подобный рыканію льва. Уже сталъ увядать; глубоко впавшія очи его наполнились пожирающаго пламяни. Видя его блѣдна, уныла, безобразна, не можно было признать Телемакомъ. Красота, веселость, благородная осанка, оставили его и предали исчезновенію. Подобно какъ развернувшійся утромъ цвѣтъ пріятнымъ благовоніемъ своимъ наполняетъ луга и къ вечеру увядаетъ; нечувствительно тогда блистаніе пестротъ его помрачается, томится, засыхаетъ, и прелестная глава его обезсилѣвъ преклоняется долу: тако сынъ Улиссовъ при вратахъ стоялъ смерти.„

Вотъ еще три примѣра сей фигуры риторической; изъ коихъ въ первыхъ двухъ Прозографія соединяется съ Етопеею, въ послѣднемъ же Прозографія представлена особо отдѣленною.

Изображенїе Тирскаго Государя Пигмалїона.

„Все колеблетъ его, смущаетъ, снѣдаетъ; „страшится онъ и самыя тѣни своей, ни „днемъ ни нощїю не спитъ, и къ злѣйшему „его мученїю боги паче и паче бременятъ „его сокровищьми, коими пользоваться не „смѣетъ. Искомое имъ ко своему блажен-„ству, есть вещественно то что наиболѣе „препятствуетъ ему быти счастливымъ: „ибо опасаясь оскудѣть, о малѣйшемъ жа-„лѣетъ дарѣ, и непрестанно о прїобрѣтенїи „мучится. Никогда почти никѣмъ невиди-„мый, всегда печаленъ и унылъ во внутрен-„ности своихъ чертоговъ единъ пребываетъ; „самые любимцы его, страшась лютому „подвергнуться подозрѣнїю, приближатися „къ нему не смѣютъ. Ужасная окрестъ дома „его стража всегда мечи обнаженными и воз-„дѣтыми копїи ополченна. Тридесять единъ „съ другимъ сообщающихся чертоговъ, изъ „коихъ каждый затворенъ желѣзною дверїю „и шестью великими заключенъ замками, „служатъ ему неисходнымъ жилищемъ. Ни-„кому не извѣстно, въ которомъ изъ сихъ „чертогѣ почиваетъ, и увѣряютъ что ни-

„когда двухъ сряду нощей не спитъ въ „единомъ, боясь да не умерщвленъ тамо „будетъ. Не знаетъ ни пріятныхъ забавъ, „ни дружества оныхъ сладчайшаго. Когда „преклоняютъ его къ веселію, чувствуетъ „что веселіе отъ него удаляется и мерзитъ „внити въ сердце его. Глубоко впавшія и „наполненныя тусклаго и злостнаго огня „очи, безпрестанно во всѣ страны враща-„ются. При малѣйшемъ шумѣ приклоняетъ „ухо, объемлется страхомъ; на блѣдномъ, „безобразномъ и всегда покровенномъ мор-„щинами лицѣ его мрачныя заботы начер-„танны. Безмолвствуетъ, воздыхаетъ, тяж-„кіе отъ глубины сердца изводитъ стоны, „и терзающихъ внутренняя его грызеній „сокрыть не можетъ. Сладчайшая брашна „ему не вкусны; дѣти его, вмѣсто чтобъ „утѣшительною быть ему надеждою, пред-„логомъ суть вящшаго для него страха: во-„ображаетъ бо ихъ лютѣйшими себѣ вра-„гами. Во всю жизнь свою не имѣлъ онъ ни „единыя безопасныя минуты, и только про-„литіемъ крови ужасныхъ ему людей себя „сохраняетъ.„ —

Виргилїй такимъ образомъ изображаетъ молву:

Молва, зло скоростью всѣхъ паче золъ извѣстно.
Проворствомъ на всегда своимъ оживлена,
Прїобрѣтаетъ мочь чрезъ шествїе она,
Сперьва мала, и вдругъ величины чудесной;
Стопы по верьхъ земли, глава во поднебесной!
Вѣщаютъ что сїя Тифеева сестра
Толико ногъ и крылъ стремлѣнїемъ быстра;
Убійственнымъ богамъ во мщенїе опасно,
Землею рождена, чудовище ужасно;
Имуща множество подъ перьями очесъ,
Языковъ, звонкихъ устъ, и внемлющихъ ушесъ.
Въ ночи паритъ шумя вселенной сквозь границы
И носитъ бдящїя по всемъ странамъ зѣницы;
На кровахъ въ день, какъ стражь, и башень высотахъ
Сѣдитъ, и гордые приводитъ грады въ страхъ;
Поспѣшна вѣстница дѣлъ истинныхъ и ложныхъ,
Составленныхъ мечтой, и вовсе невозможныхъ.
Изъ града въ градъ она изъ веси мчася въ весь,
Гласитъ ликующа и лжи и правды смѣсь.

Изображенїе Дьявола,

въ поемѣ Владимирѣ, Г. Хераскова.

Воздушной въ глубинѣ неизмѣримой бездны,
Гдѣ силы естества содержатъ круги звѣздны,
И перстомъ Божїимъ начертанное въ нихъ
На здѣшнїй шаръ земный течетъ влїянье ихъ,
Преобращается для чистыхъ душъ во благо,

Въ злощастіе и въ смерть для грѣшника живаго:
Въ воздушной безднѣ сей, утративъ прежній свѣтъ,
Противникъ божества изъ древнихъ дней живетъ.
Изъ тмы сгустившейся престолъ его устроенъ;
На немъ сѣдящій царь быть думаетъ спокоенъ;
По всюду сѣя зло, спокоенъ чаетъ быть.
Но тотъ ли щастливъ есть, не можетъ кто любить,
Не можетъ кто любить, а только ненавидѣть,
Бѣды и вредъ творить, добра не хочетъ видѣть?
Кометѣ пламенной его подобенъ зракъ,
Одѣжда бурный вихрь, а плоть сгущенный мракъ;
Какъ громы рѣчь его; сверкающія очи
Подобны молніямъ среди глубокой ночи;
Въ немъ сердце бездна есть, дыхающа огнемъ,
Какъ искры мещуща лежащи злости въ немъ;
Убійство взоръ его, дыханіе отрава,
Утѣха общій плачь, мучительства забава.
Но злобный міра князь хоть мраками одѣтъ,
Пріемлетъ кроткій видъ, являетъ ложный свѣтъ:
Сей свѣтъ есть татское у неба похищенье,
Ввергающе людей во тму и развращенье.
Не рѣдко въ молніяхъ во буряхъ и въ пыли,
Распростирается князь міра по земли;
Въ туманахъ кроется, въ перунахъ поражаетъ,
Въ дубравахъ Нимфамъ онъ зовущимъ подражаетъ;
Во мрежи онъ влечетъ по всюду смертныхъ родъ,
Таится въ тмѣ ночной, таится въ недрѣ водъ;
Крылами воздухъ весь невидимо объемлетъ,

Онъ смотритъ въ нутрь сердецъ, слова людскія
внемлетъ,
И душу слабую едва примѣтитъ онъ,
Вселяется въ нее, и въ ней поставитъ тронъ.

О Топографіи.

Топографія есть описаніе особеннаго какого мѣста, какъ то ландшафта, лѣса, луга, храма, огромнаго зданія, города.

Описаніе Калипсинаго вертепа.

„Изсѣченный сводами въ каменной горѣ „вертепъ украшенъ раковинами и многовид„ными чрепокожными; стѣны его оболчены „виноградными лозами, разстилающими рав„но по всѣмъ странамъ гибкія вѣтви. Кротькіе зефиры умѣряя солнечный зной разно„сили тамо пріятную прохладу. Источники „съ тихимъ журчаньемъ текущіе по лугамъ, „амарантомъ и фіалами усѣяннымъ, соста„вляли въ различныхъ мѣстахъ купѣли чисты „и прозрачны яко кристалъ. Безчисленное „множество прозябающихъ цвѣтовъ испе„щряли нѣжную зелень, которая подобно „распростертому ковру пещеру окружала. „Роща густыхъ, златовидные плоды нося-

„щихъ древесъ, кои въ каждую годину лѣта „разцвѣтая сладчайшее проливаютъ благо- „вонїе, увѣнчавала сїи прекрасные луга, и „тѣнїю своею содѣловала непроницаемую „солнечными лучами нощь. Только тамъ и „слышимо пѣнїе птицъ, иль шумъ потока, „который съ крутизны скалы низвергаяся, „билъ кипящими и пѣнистыми ключами, и „извиваясь убѣгалъ по цвѣтущему лугу.

Россїйской Фенелонъ описываетъ въ поемѣ своей Владимирѣ возрожденномъ, обитель небесную:

На встокѣ видитъ Князь великолѣпный градъ,
И дважды шесть кругомъ златыхъ отверзтыхъ вратъ;
Тамъ зримы Ангелы, врата сїи стрегущи,
Въ бесѣдѣ сладостной побѣдну пѣснь поющи;
Весь градъ является изъ свѣта сотворенъ,
Не солнцемъ но лицемъ Господнимъ озаренъ;
Тамъ стогны ясписомъ и сардомъ помощенны,
Едемскимъ древеса плодомъ обогащенны;
Повсюду царствуетъ священна тишина;
Въ нетлѣнныхъ тамъ вѣнцахъ является весна:
На пальмахъ видимы повешенныя лиры,
Которымъ крыльями касаются зефиры,
И внемлется отъ нихъ прїятный мѣкой звукъ,
Согласнѣе игры искусныхъ самыхъ рукъ.

Тамъ жатвою златой долины вкругъ тучнѣютъ,
Акацїя и миртъ всечасно зеленѣютъ;
Живое древо тамъ цвѣтетъ у чистыхъ водъ,
Жизнь вѣтвїя его, жизнь каждый древа плодъ:
Небесны жители сїи плоды вкушаютъ,
Вкусивъ, прїемлютъ свѣтъ, и Бога ощущаютъ.
Объемлетъ оный градъ прозрачный сводъ небесъ,
Граждане возсѣдятъ межь пальмовыхъ древесъ;
Спокойны ихъ сердца и безмятежны взоры,
Забавы искренны, прїятны разговоры;
Вѣнки лавровые имѣютъ на главахъ,
Въ лицѣ спокойства лучь, веселость во очахъ;
Лилеямъ белизной подобны ихъ одѣжды,
И на челахъ печать безсмертныя надежды;
Ни зависти у нихъ, ни льсти, ни скорбей нѣтъ,
Ни бренности земной, ни разслабленья лѣтъ;
Блаженство души ихъ какъ манна услаждаетъ,
Ихъ дружба веселитъ; а вѣчность награждаетъ.

Этотъ же самой Поэтъ чрезвычайное здѣлалъ описанїе зимы:

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказкихъ снѣжныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ;
Гдѣ мразы вѣчный сводъ кристальный составляютъ,
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнїя мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо льда стоитъ прозрачный домъ;

Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды;
Тамъ царствуетъ зима, снѣдающая годы.
Сїя жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной, является бодра;
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Бѣлѣйшею снѣговъ порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары,
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Огромныя столпы изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сїянїе скользитъ,
И кажется тогда, громада льдовъ горитъ;
Стихїя каждая бездушный видъ имѣетъ:
Ни воздухъ двигаться, ни огнь пылать не смѣетъ.
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, но видны между льдовъ
Одни замерзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода растопленна въ ущелинахъ лучами,
Окаменѣвъ виситъ на воздухѣ слоями.
Тамъ зримы кажутся вѣщаемы слова,
Но все умерщвлено, натура вся мертва;
И естьли что ни есть имѣетъ жизни свойство,
Такъ трепетъ то единъ, дрожь, блѣдность, безпокойство.
Сѣдые мразы тамъ сѣдыхъ раждаютъ чадъ;
Кудрявы инїи, мятели, томный гладъ.
Развалины градовъ снѣга изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Нетающи снѣга подобятся горамъ;
Студенымъ воздухомъ пещеры дышутъ тамъ.

Описаніе вообще фигура чрезвычайно пріятная, чрезвычайно блестящая, и весьма удобная обольстить воображеніе, съ которымъ она говоритъ подлиннымъ его языкомъ. Съ какимъ восхитительнымъ удовольствіемъ устремляемъ мы свой взоръ то на смѣющіяся и пріятныя, то на оживленныя и огнемъ преисполненныя картины? Сколько мы обязаны благодарить знающаго Оратора, искуснаго Поета, за плѣнительное обвороженіе нашихъ чувствъ! Описываетъ ли онъ сіи ужасныя дѣйствія, гдѣ два тьмочисленныя воинства, равно алчущія кровію, оканчиваютъ смертоноснымъ желѣзомъ злополучныя ихъ вражды? Мы видимъ ихъ уже сражающихся; видимъ пускаемыя изъ ихъ рукъ стрѣлы, сверкающія мечи, земныя разсѣлины упитанныя кровію: слухъ потрясается смѣшанными, дикими, раздирающими голосами звѣролюдства, неистовыми восторгами побѣдителей, жалостными воплями побѣжденныхъ, раненыхъ, умирающихъ. Видимъ въ крови плавающіе отломки копій, шлемовъ, кинжаловъ, косъ, разбитыхъ колесницъ; и таковая картина, возбужденіемъ въ насъ ужаса намъ нравится.

Пишетъ-ли онъ картину бури? Мы переносимъ себя мысленно на море. Участь страдальцевъ, испытывающихъ ярость вѣроломной стихіи, насъ уже не занимаетъ; колеблемыя ужасомъ, мы дрожимъ изъ себя самихъ; скалы, мели, подводные камни, ревущіе бореи, все насъ страшитъ, кажется что намъ однимъ грозятъ всѣ оныя опасности: образъ близкой смерти представляется нашимъ чувствамъ, и охладѣваетъ ихъ отъ ужаса.

Ведетъ-ли насъ въ огромные чертоги? Какой блескъ! какая пышность! золото, серебро, мраморы, одно предъ другимъ касуется, одно надъ другимъ ищетъ первенства. Колоны, Фестоны, Капители, Перистилы, все у насъ передъ глазами, до всего касаемся рукою.

Прогуливаетъ ли насъ по живописнымъ мѣстамъ? Какое обвороженіе! въ какомъ сладостномъ упоеніи наши чувства, душа! она, по видимому готова предпочесть Природѣ утонченное искуство!

Какая въ оныхъ рощахъ зелень! какъ вѣтьвисты оныя деревья! какое томное жур-

чанїе этаго источника! какъ воды онаго протока чисты! какое въ оныхъ тѣнистыхъ бесѣдкахъ Природы благорастворенїе воздуха! какъ восхищаютъ глазъ сїи мирныя паства на тучныхъ лугахъ, сїи благословенныя села, гдѣ Церера, Бахусъ и Помона избыточно награждаютъ труды добраго крестьянина!

Искуство писать красками витїйства, есть самое прекрасное и самое трудное искуство; здѣсь кисть великаго Живописца весьма отличительна отъ обыкновенной кисти Маляра. Тимантъ, славной въ дрѣвности живописецъ, написалъ картину жертвоприношенїя Ифигенїи, въ которой изобразивъ Калхаса печальнымъ, Улисса въ глубокой горести погруженнаго, истощивъ все свое искуство для израженїя возмутительнѣйшаго сокрушенїя Менелая, онъ положилъ написать Агамемнона съ покрытымъ лицемъ, предоставивъ зрителямъ судить по его превосходящимъ всякую мѣру, страстямъ. Такъ точно Гомеръ, превознося до небесъ мужественнаго Агамемнона, изображаетъ Ахилла одною чертою: *но Ахиллъ есть Оплотъ Грековъ.*

Посредствомъ таковой тонкой и щастливо вымышленной похвалы, картина Ахилла украшается всѣми благовидными красками, отличавшїя Агамемнона отъ другихъ военачальниковъ.

Но впрочемъ не надлежитъ Автору въ угоду воображенїя другихъ, ласкать ихъ на счетъ здраваго разсудка и вкуса. Надобно тщательно убѣгать непомѣрность украшенїй; черты, нами помѣщаемыя, выбирать съ разборчивостїю, и какъ можно стараться лучше ихъ приноравливать къ предмету; надлежитъ все описывать, не показывая таковое намѣренїе другимъ, и особенно, не открывая другимъ слѣдовъ нашего пути. Когда мы говоримъ, что надлежитъ все описывать, знаменованїе онаго поученїя таково: все что стоитъ быть описано. Эстьли, по словамъ часто приводимаго нами Автора, Г. Боало,

Змѣй злобной, скаредной, чудовище ужасно,
Искуствомъ снято бывъ съ Природы, насъ плѣняетъ;

то бываютъ такїе отвратительные предметы, которые никогда не могутъ понравиться глазу, и столько маловажные и пустые, что всегда останутся безъ вниманїя.

Таковыя замѣчанія ясны безъ объясненія примѣрами.

Наставленія наши касались до одной лишь Демонстраціи и Топографіи; скажемъ что нибудь о Прозографіи и Епопеи. Мало людей, которыя бы здѣсь владѣли кистію съ искуствомъ и разборчивостію; немногія умѣютъ писать предметы пристойными, свойственными, и отъ другихъ отличительными красками: въономъ состоитъ однакожъ вся трудность сихъ двухъ фигуръ. Заставьте модныхъ щеголей, волокитъ большаго свѣта, описать своихъ Ирисъ, вы ихъ всѣхъ примите за соперниковъ, у всѣхъ одинаковые обороты, у всѣхъ одинаковые черты; у нихъ, не смотря на ихъ вздорныя и безконечныя пустомелья, на все объясненія одни термины, одна пѣсня. Романическія Героини такъ же всѣ пишутся на одно лицо, и хотя они различныхъ вѣковъ, и различныхъ земель, когда бы одни изъ нихъ не были черноволосы, другія же бѣлокуры, они бы всѣ походили положеніемъ своимъ на Менехмъ Г. Реньяра, или справедливѣе Г. Плавта; всякой бы былъ въ затрудненіи ихъ разспознать.

О Сомнѣнїи.

Сомнѣнїе есть фигура, которою Ораторъ показываетъ притворное свое недоумѣнїе въ томъ что ему говорить или дѣлать надобно.

Примѣры.

Нерѣшимость Калипсы, которая намѣревается разстроить свиданїе положенное между Телемакомъ и Евхариссою, ея Нимфою.

„Убо ни къ чему не служитъ мнѣ что „хотѣла я быть симъ любящимся препоною, „обьявивъ желанїе ити съ ними на охоту? и „почто пойду? не радиль довершенїя сопер„ницыной побѣды, да уничиживъ красоту „мою возвышу токмо ея прелести? не ра„диль того, чтобъ Телемакъ увидя меня „паче Евхариссою плѣнился? О злосчастная! „что я сотворила! нѣтъ, не иду на охоту; „не пойдутъ же и они: потщусь имъ въ „томъ возпрепятствовать. Взыщу Ментора, „упрошу его, да исхитивъ отсюду Телемака „отведетъ въ отечество. . . Но что реку? „и что со мною будетъ, когда Телемакъ

„удалится? гдѣ я? Ахъ! что мнѣ предпрі-
„ять? О Венера, жестокая Венера! ты меня
„обольстила. О лютаго мнѣ дара твоего!
„о зловредный младенецъ! ядомъ дышущій
„Еротъ! я отверзла тебѣ сердце мое въ на-
„деждѣ благополучныя съ Телемакомъ жизни;
„но ты влїялъ въ сердце сїе мятежъ, лютое
„отчаянїе. Нимфы мои возстали на меня,
„божество мое служитъ паче къ содѣланїю
„злополучїя моего вѣчнымъ. О дабы ради
„скончанїя мукъ моихъ возмогла я предать
„себя смерти! но безсмертна есмь. . . . Ум-
„рижъ Телемакъ, прїими мщенїе за неблаго-
„дарность. Поражу тебя при очахъ обожа-
„емыя тобой Нимфы. . . . Но я заблуждаюся.
„Несчастная Калипса! что предпрїемлешъ?
„погубить невиннаго, коего тыжъ сама въ
„сїю бездну золъ повергла? такъ, я воспла-
„менила огнь порочныя любви въ цѣломуд-
„ромъ Телемаковомъ сердцѣ. Кое незлобїе!
„кая добродѣтель! кое къ пороку омерзѣнїе
„и противъ студодѣянїй мужество! надле-
„жалоль мнѣ отравляти таковое сердце?...
„но онъ бы меня оставилъ. . . . . Чтожъ?
„не лучше ли мнѣ быть отъ него оставлен-

„ной, нежели зрѣть его исполненна ко мнѣ „презрѣнїемъ, и живуща ради моей токмо „соперницы? Ахъ! я стражду по дѣламъ „моимъ. Бѣги, Телемакъ, бѣги отсюду за „предѣлы морей; остави Калипсу безутѣшну, „ни жизни сносить, ниже обрѣсти смерть „не могущу; оставь ее съ гордою твоею „Евхариссою въ безконечномъ страданїи, от„чаянну, посрамленну!„

Въ Енеидѣ, пѣснѣ четвертой:

Что дѣлать мнѣ теперь? сама въ себѣ вѣщаетъ,
Ко прежнимъ ли тещи со прозьбой женихамъ,
На посмѣянье имъ давать себя и срамъ;
Напрашиватися Іарву быть женою,
Отриновенному толикократно мною?
Иль мчаться въ слѣдъ Троянъ, и жертвуя собой
Презрѣнной сдѣлатись на флотѣ ихъ рабой?
Такъ; я спасла ихъ; то послужитъ мнѣ въ отраду;
Коль знатну за сїе прїемлю я награду!
Положимъ; я пойду, но будетъ ли успѣхъ?
Во гордыхъ я пловцахъ произведу лишь смѣхъ.
Не научили ль тя Дидона муки томны,
Лаомедонтовы коль чада вѣроломны?
Но чтожъ? одной мнѣ въ слѣдъ щастливцевъ сихъ тещи,
Иль весь съ собою дворъ, всѣхъ подданныхъ влещи,

И коихъ я едва отторгнула отъ Тира,
Гнать снова по волнамъ въ концы другїе мїра?
Нѣтъ; лучше умирай; смертъ долгъ, Дидона,
твой,
Вонзи въ грудь острый мечь, и тѣмъ боль
кончи свой.

Димитрїй Самозванецъ, слыша смущенїе города, мятежъ народа, и близкое осажденїе его палатъ бодрымъ Шуйскимъ и отчаянными его сообщниками; видя себя на шагъ отъ кончины и позорнаго обличенїя, и тревожимой избавленїемъ своимъ, прибѣгаетъ то къ безсильному своему воинству, то къ твердости своего духа; но горсть малодушной стражи, черная его душа, поражаютъ его ужасами предчувствїй, и раскрываютъ возмутительное боренїе бешенства съ надеждою.

Не можетъ быть ничто жесточе сей судбины!
Пойдемъ ... повержемъ . . . стой ... ступай ...
будь здѣсь . . бѣги...
И мужествомъ число враговъ превозмоги!
Бѣгите! тщитеся Димитрїя избавить!...
Куда бѣжите вы?.. . хотите мя оставить?
Не отступайте прочь и защищайте дверь!...
Убѣгнемъ ..... тщетно все и поздо ужъ теперь.

Можно сказать то же самое о Сомнѣнiи, что говорено о Поправленiи было. Сiи двѣ риторическiя фигуры имѣютъ великое между собою сходствiе. Искуство и употребленiе ихъ одинаковы; какъ та такъ и другая имѣютъ главнѣйшею своею цѣлiю возбудить вниманiе слушателей; какъ та такъ и другая выражаетъ съ достоинствомъ борьбу мятежныхъ страстей, которыя раздираютъ подвигшуюся на саму себя душу, и мчатъ ее съ невѣроятною быстротою то къ той то въ противную ей сторону, изъ одной мысли въ другую, изъ однаго въ другое чувство; мученiе ужасное и тысяча разъ несноснѣе самыхъ жесточайшихъ пытокъ.

Сомнѣнiе есть часто повторяемое Поправленiе; оно такъ же имѣетъ нѣкоторое сходство съ Обращенiемъ, потому что Ораторъ въ недоумѣнiи, кажется совѣтуется съ слушателемъ своимъ на что ему рѣшиться, и проситъ остановить какимъ либо надежнымъ оплотомъ, скитающееся безъ всякой цѣли и плановъ, его воображенiе.

О Восклицанїи.

Восклицанїе есть фигура довольно сходная съ Обращенїемъ: одинаковая живость, одинаковой жаръ. Ораторъ вдругъ неожидаемымъ и удивительнымъ движенїемъ возноситъ голосъ свой, удобно изражающїй изумленїе, горесть, досаду, гнѣвъ и ярость.

Примѣры.

Нума исполненъ ужасомъ видя опустошенныя любезною своею Герсилїею поля:

„О безсмертные боги! вопїетъ Нума, се „ли та, которой я буду супругомъ! и се „ли есть велелѣнїе брака моего! Герсилїя! воз„можно ли чтобъ ты учинила сїи ужасныя „дѣла! Ромулъ повелѣлъ оныя: по тебѣ ли, „дщери ли его надлежало вступить въ оныя! „Ахъ! какимъ почтенїемъ ни обязаны своему „отцу, своему Царю, но больше обязаны са„мому себѣ и человѣчеству, и когда Госу„дарь повелѣваетъ учинить злодѣянїе, лучше „умереть нежели повиноваться. А я, кото„рый шелъ защищать ее, я, который текъ „съ поспѣшностїю на помощь ей, ступая

„только по ея жертвамъ, я попираю землю „омоченную пролїянною отъ нее кровїю! „Проклятое право войны, вотъ что ты позволяешь! вотъ что учинили мои подвиги и „конецъ той славы, для которой я все оставилъ! такъ! я позабылъ Тулла, я оставилъ Тацїя, чтобъ вступить въ сообщество тигровъ, пролившихъ толико крови: я „уподобился имъ въ зверствѣ на браняхъ, и „почелъ себя Героемъ! О Туллъ! прости меня „въ ужасномъ семъ заблужденїи: я на вѣки „изторгаю оное изъ моего сердца. Истинный герой есть тотъ, который защищаетъ „раззоряемое свое отечество; но царь, но „воинъ, проливающїй едину каплю крови, „которую бы могъ пощадить, есть лютый „звѣрь, котораго люди хвалятъ, по тому „что не могутъ его обуздать.

Въ томныхъ, меланхолическихъ пѣсняхъ Сельмы, поемы Г. Оссїана:

„Такъ, я печаленъ, и вина моего сѣтованїя справедлива. Карморъ! ты не лишился любезной дщери. Мужественный Кольгаръ и прелѣстная Анира при тебѣ. Ты видишь, какъ цвѣтутъ отрасли твоего пле-

„мени; Арминъ остался одинъ; Арминомъ „пресѣчется мое племя. О Даура! какъ мраченъ одръ, на которомъ ты покоишься! О „дщерь моя! коль глубокъ сонъ твой во гробѣ! когда возбудишься ты, чтобъ усладить „меня пріятностію своихъ пѣсней? злополучная ночь!.....

Изъ Стихотворенія Пеночки:

Русь, блаженная стократно!
Какъ душѣ моей пріятно,
Что въ родной странѣ моей
Въ селахъ можно съ щастьемъ знаться,
Съ нимъ въ углу своемъ встрѣчаться;
Что крестьянинъ доброй твой
И подъ тучей громовой,
Въ дождь и вихрь, песокъ крутящій,
И въ морозъ и въ зной палящій
За работою поетъ! —

О Повышеніи.

Повышеніе есть фигура, которою Ораторъ возносится какъ будто постепенно отъ однихъ мыслей къ другимъ, безпрестанно въ пути своемъ увеличивающимся, пока наконецъ достигнетъ до желаемой степени высоты.

Нѣкоторой знаменитой стряпчїй прекрасно представляетъ намъ, какимъ образомъ любовники стараяся развратить дѣвушекъ, открываютъ имъ страсть свою.

„Сїе столь жестокое рабство кажется „имъ любезнѣе самой прїятной вольности: „они возбуждаютъ ихъ своею къ нимъ любовїю, плѣняютъ рѣчьми, разтрогиваютъ „слезами, увѣряютъ клятвами, разгорячаютъ „прозьбами, воспаляютъ услугами, сожигаютъ ласками, истребляютъ неотступностями.„

Флешье, въ надгробномъ словѣ великому Тюреню:

„Господи, ты которой озаряешъ самые „мрачные изгибы нашей совѣсти, и видишъ „въ самыхъ скрытныхъ помышленїяхъ, то „чего въ нихъ еще нѣтъ и что есть, прїйми въ нѣдра славы твоей душу, которая „бы вскорѣ не о иномъ чемъ помышляла какъ „о твоей вѣчности: прїйми сїи тобой самимъ внушенныя въ него желанїя. Для выполненїя ихъ не бодрости духа, но времяни ему не доставало. Есть ли ты тре„буешъ сходныхъ съ сими желанїями его

„дѣлъ, вотъ опредѣленныя имъ, для облегче-„нія тягостнаго жребія братій своихъ, ми-„лостины; вотъ заблудшіяся души, кото-„рыхъ обратилъ онъ къ тебѣ своими стара-„ніями, совѣтами, примѣромъ; вотъ столько „разъ сохраненная имъ кровь твоего наро-„да; вотъ кровь за тебя съ такою велико-„костію духа пролитая имъ, и что всего „болѣе, вотъ кровь пролитая для него Спа-„сителемъ.„

Г. Ломоносовъ, разсуждая о величествѣ Божіемъ и о непостижимости мудрыхъ его твореній, такъ обращается къ людямъ, слишкомъ полагающимся на свой разумъ, къ людямъ думающимъ проникать его сокровенности:

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ что окрестъ ближнихъ мѣстъ,
Скажитежъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажитежъ, коль великъ Творецъ?

Вотъ грубый отвѣтъ отчаянныя Дидоны:

Не возражаю я, колико хочешъ лги,
И не держу тебя, ступай, спѣши, бѣги,
Лети въ Италію сквозь бурныя погоды,
И флотомъ достигай владычества чрезъ воды.

Часто фигура сія составляется отъ постепеннаго пониженія: что самое мы можемъ видѣть въ семъ Виргиліевомъ описаніи Камиллинной смерти:

Тутъ въ мигъ у ней узда изъ перстовъ выскользаетъ;
Падетъ съ коня; во всѣхъ кровь жилахъ замерзаетъ:
Не держитъ длань ружья противнымъ рокова;
И преклоняется на хладну грудь глава.

Фигуру сію можно употреблять съ пользою тогда, когда мы хотимъ ввести искуснымъ образомъ какое либо смѣлое предложеніе, которое безъ оной осторожности, походило бы на слишкомъ отважной и несносной Парадоксъ.

О Заклинаніи.

Названіе сей фигуры заключаетъ въ себѣ нѣчто отвратительное. Но впрочемъ мало такихъ живыхъ и красивыхъ фигуръ; она состоитъ въ томъ, чтобъ заклинать своего противника, чтобъ возносить противъ него мольбы, чтобъ желать ему всевозможнаго зла или нещастія. Не трудно догадаться

что таковыя чувства должны быть выражены съ живостїю, съ жаромъ, съ величествомъ. Ничего нѣтъ легче какъ притти въ гнѣвъ; но чтобъ гнѣвъ свой показать у мѣста и съ краснорѣчїемъ, требуется дѣйствительно великаго Оратора. Точно такого рода гнѣвъ изъявляетъ Пророкъ Давыдъ противъ грѣшниковъ и гнавшихъ его нечестивцевъ.

Здержи стремленїе гонящихъ,
Удари въ пламеннымъ мечемъ
Увѣрь въ напастяхъ обстоящихъ;
Что я въ покрытїи Твоемъ.

Гонители да постыдятся,
Что ищутъ зла души моей,
И съ срамомъ вспять да возвратятся,
Смутившись въ памяти своей.

Да сильный гнѣвъ твой злыхъ восхититъ,
Какъ бурнымъ вихремъ легкїй прахъ.
И Ангелъ Твой да не защититъ,
Бѣгущихъ умножая страхъ.

Да помрачится путь ихъ мглою,
Да будетъ ползокъ и разрытъ,
И Ангелъ мстящею рукою,
Ихъ въ слѣдъ гоня, да устрашитъ.

Сїе гоненїе ужасно
Да оскорбитъ за злобу ихъ,
Что зляся на меня напрасно,
Скрывали мрежу злобъ своихъ.

Глубокїй, мрачный ровъ злодѣю
Въ пути да будетъ сокровенъ;
Да будетъ сѣтїю своею,
Что мнѣ поставилъ, уловленъ.

Филоклетъ, въ Телемакѣ:

„О Улиссъ! зиждитель золъ моихъ! да „всесильные боги!.... Но боги не внемлятъ „гласу моему; напротивъ они паче врага „моего на меня возбуждаютъ. О земля моего „отечества, ея же не узрю во вѣкъ! О боги! „коль есть еще межъ вами кто либо толи-„ко правосудный, да жалостїю о мнѣ по-„двигнется, накажите, накажите Улисса: „тогда возмню себя быти исцѣленна.„

Какїя ужасныя заклинанїя раздраженной Калипсы противъ добродѣтельнаго Телемака:

„Гряди! я заклинаю всѣ силы небесныя „да отмстятъ тебѣ. . . . О дабы посредѣ „бурныхъ морей на острїи каменной кру-„тизны висящъ и перунами поражаемъ при-

„звалъ ты къ себѣ во тщетную помощь „Калипсу, иже мука твоя неизреченнымъ „восхититъ веселїемъ...

Не могу не привести въ примѣръ сей Фигуры риторической, оную прекрасную, живую, сильно-трогательную картину отчаянной и бѣснующейся Дидоны, когда она въ наисильнѣйшемъ жару любви своей получаетъ извѣстїе, что виновникъ ея мукъ, не смотря ни на высокой санъ ея, ни на всѣ оказанныя ею великїя ему одолженїя, ни на самую ея пламенную къ нему любовь, уплываетъ отъ нее на корабляхъ своихъ.

Вы Фурїи на месть преклонны существа,
Желающей умретъ Дидоны божества!
Вы мой, какъ должно, стонъ и скорьбь души внемлите,
И совершить мои мольбы благоволите.
Коль неминуемо сей мерзостный Тираннъ
Достичь въ пристанище желанныхъ долженъ странъ,
И требуетъ сего теченье непреложно
Судьбы, противитись которой не возможно:
По крайней мѣрѣ въ казнь своихъ ко мнѣ измѣнъ,
Да будетъ онъ гонимъ отъ храбрыхъ тамъ племенъ;

Да изъ присвоенныхъ предѣловъ изключенный,
И отъ объятія сыновня отлученный,
Зритъ срамное своихъ паденіе друзей,
И проситъ у чужыхъ пособія князей;
И какъ въ поносный миръ вступити убѣдится,
Да благоденствія и царствъ не насладится:
Но да безвременно падетъ, корысть врагу,
И ляжетъ на пустомъ не погребенъ брегу.
О семъ молю, о семъ къ вамъ боги днесь взываю,
И сей послѣдній гласъ со кровью проливаю.
А вы, о Тиряне! вы вѣчную вражду
Ведите съ родомъ симъ; сего отъ васъ я жду.
Повиновенье мнѣ сіе творите мертвой,
И услаждайте мя во адѣ сею жертвой.
Возстани отъ моихъ, востань, герой, костей;
Руби и жги Троянъ ихъ въ сердцѣ областей!
Отъ дняшнаго часа на все грядуще время,
Коль крапко Тирское не придетъ въ силу племя,
Кладу заклятіе: страна воюй съ страной,
Со брегомъ брегъ, волна борися со волной;
Раздайтесь двухъ племенъ повсюду брани громки!
И лейся злобы духъ отъ праотцевъ въ потомки!

О Вопрошеніи.

Вопрошеніе есть Фигура которою мы чинимъ различные разпросы нашему противнику, или кого хотимъ убѣдить, не столько для того чтобъ свѣдать причину нашихъ разпросовъ, сколько чтобъ таковою снаровкою Риторики его стеснить, разстроить, привести въ недоумѣніе, заставить здаться.

Примѣры.

Филоктетъ къ Телемаку.

„Тогда изрекъ я къ отцу твоему все что „злоба влïяла въ сердцѣ мое. Когда ты, про„должалъ я, оставилъ уже меня на семъ о„островѣ, почтожъ не оставляешъ и днесь „въ спокойствïи? Иди, ищи славы твоей „въ сраженïяхъ, наслаждайся всѣми веселïя„ми, вкушай блаженство съ Атридами; но „остави мнѣ нищету и скорьбъ мою. По„что влещи меня отселѣ? уже я ничто, „уже мертвъ есмь. Почто не мнишъ и днесь „якоже мнилъ прежде, что не могу съ вами „быти; что вопль мой и возсмердѣніе раны „моей возмутятъ и самыя жертвоприно„шенія?„

Нѣкоторой знаменитой писатель видя нравственную смерть самаго цвѣтущаго состоянїя его отечества, видя чудные Феномены на Ѳеатрѣ Мїра, и утомленной изисканїями онаго причинъ обманчивымъ путемъ дѣеписанїй, и различными произведенїями философическаго ума, намѣревается бѣседовать съ мудростїю не руководствомъ ея толкователей, но подкрепленъ рѣвностнымъ желанїямъ просвѣтиться, благородными видами общественной пользы, и лучами собственнаго ума, говорить съ нею глазъ на глазъ, лицемъ къ лицу. Онъ отправляется. — Конечно къ собратамъ Солона, Ликурга, Локка, Канта? Онъ отправляется — къ развалинамъ древняго Илїона. О, какъ молчаливыя оныя мѣста красноречивы! какъ много открываютъ тѣмъ, кто съ ними умѣетъ говорить! Глазъ путешественника созерцаваетъ ужасное безмолвїе, раззоренїе, смерть; вообраденїе его пишитъ застроенные города, великолѣпїе убранствъ, цвѣтъ торговли, наукъ, благоденствїе народа: восхитительныя картины прошлыхъ вѣковъ; чувствительность оплакиваетъ предшествующїя време-

на, обращаетъ взоръ свой на дальнія Гемисферы, надъ коими черныя тучи мало по малу сгущаются, и гласомъ глухаго грома несутъ предвѣстіе — паденія; сердце чувствительнаго страждетъ; онъ возсылаетъ мольбы къ небу. Разумъ изискиваетъ виновника пагубной коловратности міра: путь предстоитъ скольскій; оправданіе слабаго человѣка, обвиненіе всесовершеннаго Бога: — какое страшное заблужденіе! — Но послушаемъ бѣседованіе съ нимъ Генія. (надобно знать что Авторъ сего путешествія пишетъ какъ Поэтъ, какъ вдохновенной).

„ Что называешъ ты *невидимымъ зломъ*, „которое не наблюдая *правилъ и законоположеній Природы* играетъ жребіемъ земнородныхъ? Что есть оная *погрѣшающая противъ правоты необходимость*, которая закрытыми глазами смотритъ, судитъ о „произхожденіяхъ добра и зла, мѣшаетъ въ „одно злодѣянія и благотворность? Въ чемъ „состоитъ оное на сіи страны *ожесточеніе* „*неба*? какъ и отъ куда производишъ ты „*проклятіе божества*, пробавляющее опустошеніе сихъ селъ? Гласите, памятники ми-

„нувшихъ временъ! небо переменяетъ ли
„когда свои законоположенія, а земля кру-
„говращеніе свое? солнце затмеваетъ ли
„когда свои огни въ необозримостяхъ про-
„странства? Дожди и росы заперты ли ко-
„гда воздухомъ? Горы удерживаютъ ли ко-
„гда свои источники? изсякаютъ ли когда
„рѣки? и когда деревья не были отягчаемы
„плодами, плода семенами? Отвѣтствуй,
„нечестивый родъ! Всевышній возмущалъ ли
„когда сей первоначальной и имъ самимъ
„предписанный Натурѣ, порядокъ? Небо
„противилось ли землѣ, а земля своимъ оби-
„тателямъ, въ произведеніяхъ, которыми
„нѣкогда ихъ ущедряла? Эстьли ничего
„нѣтъ въ твореніи преобразованнаго, естьли
„пособія первобытныхъ столѣтій одинако-
„вы съ временами поздныхъ вѣковъ, кто за-
„трудняетъ нашихъ временъ поколеніямъ по-
„ровняться съ ихъ предшественниками? Ахъ,
„человѣкъ! ты несправѣдливо обвиняешъ жре-
„бій и божество! не право клянешъ вину
„своихъ золъ именемъ твоего Бога! Будьте
„отвѣтчиками, неблагодарные сыны благо-
„сти, естьли мѣста сіи мертвы, естьли за-

„строенные громадами зданій, города, пре„вратились въ глухія мѣста, въ пустыни, „Всевышній ли былъ виною раззоренія? его „ли десница развалила оныя стены, низпро„вергла оные храмы, обломала оные столпы, „или рука человѣка? Божія ли десница вне„сла смертоносное орудіе въ города, огонь „и опустошеніе въ мирныя села; обагрилася „кровію народа, пожгла жатву златую, ру„била деревья и раззоряла пашни, или рука „бѣснующаго воина? и когда по истребле„ніи даровъ земныхъ, послѣдовалъ голодъ, „творческое ли мщеніе его произвело, или „страшное безуміе человѣка? когда во время „свирѣпствовавшаго голода, народъ кормился „гнилыми и испорченными произрастеніями, „естьли голодицу заступила язва моровая, „ожесточеніе ли Бога или несмысленность „человѣка призвала ее на землю? Когда вой„на, голодъ и моровая язва оставила горо„да безъ градожителей, земли безъ землѣ„дѣльцовъ, засѣвала повсюду опустошеніе и „мертвость, Бога ли обвинять въ такомъ пе„реобразованіи? его ли ненасытностію об„нищены крестьяна, забраны обработанныя

„поля, ограблены селенія, или ненасытно-
„стію ими управляющихъ? его ли надмѣн-
„ность раждаетъ кровопролитныя войны,
„или надмѣнность Государей и ихъ вель-
„можъ? его ли корыстолюбіемъ дышущія
„опредѣленія разстроиваютъ благословенныя
„семѣйства, или корыстолюбіе законныхъ
„органовъ? его ли, наконецъ, страсти, въ
„неизчислимомъ разнообразіи, тревожатъ соб-
„ственной свой и своихъ ближнихъ, покой,
„или страсти слабаго человѣка? И естьли
„въ раздирающихъ ихъ души бѣдствіяхъ,
„не находятъ они спасительныхъ средствъ,
„Божеское ли невѣденіе должно быть обви-
„няемо, или ихъ собственное? О смертные!
„естьли хотя признакъ любви къ правотѣ
„и страха Божія между вами существуетъ,
„естьли таковое чувство согрѣваетъ ино-
„гда живительною своею теплотою души
„ваши, бойтесь клясть злополучной рокъ,
„или предопредѣленія всевѣдца! Эстьли со-
„здатель вашъ благотворенъ, то какъ ему
„быть вашимъ мучителемъ? Эстьли онъ
„праведенъ, то какъ вы обручили съ нею
„мысль, что онъ есть орудіе вашихъ зло-

„дѣяній? Нѣтъ, нѣтъ, странность, на ко-
„торую человѣкъ плачется, не есть стран-
„ность жребія; мракъ заблудшаго его разсуд-
„ка не есть мракъ Божій; источникъ бѣд-
„ствія его не изъ отдаленности Неба ве-
„детъ свое теченіе; онъ подлѣ него на зе-
„мли: онъ не скрытъ въ нѣдрахъ божест-
„венности; онъ течетъ въ жилахъ самаго
„человѣка, онъноситъ его въ своемъ сердцѣ„.

О Прерваніи.

Прерваніе есть фигура, которою Ораторъ пресѣкаетъ рѣчь свою вздохами и рыданіями; живыя признаки чрезмѣрной горести, или восторговъ и восклицаній тысяча разъ прерванныхъ и тысяча разъ снова начатыхъ; что самое приличествуетъ какому бы то ни-было, плачевному или пріятному удивленію и нечаянности.

Примѣры.

Нерестанъ къ Шатиліону.

Мнѣ вышній былъ вождемъ, онъ властію своею
Во Орозманѣ къ намъ суровость укротилъ.
Но сколь утѣхи тѣ рокъ злобный возмутилъ!

Сей гордый Государь въ напасти превращаетъ
Щедроты, коими онъ наградить насъ чаетъ!
Богъ сердце зритъ мое, свидѣтельствуюсь я имъ,
Стремилъ ли мысль мою я къ выгодамъ своимъ;
Все относя къ нему, надежду зрѣлъ благую
Къ спасенью обратить я дѣву здѣсь младую,
Еще въ младенчествѣ плѣненную со мной,
Какъ лютый Норадинъ, врагъ истинны святой,
Въ потокахъ Сирїю кровавыхъ потопляя,
Взялъ Лузиньяна въ плѣнъ въ Кесарїй градъ вступая:
Я Христїанами былъ свобожденъ тогда,
Но впадши въ прежнюю неволю вновь сюда,
Обязанъ клятвой здѣсь я къ Галламъ возвращался,
Надеясь . . . . . Но увы! я тщетно тѣмъ ласкался!
Блаженнымъ тѣмъ странамъ явить Заиру мнилъ,
Всѣ добродѣтели гдѣ Людвигъ водворилъ:
Въ семъ подвигѣ меня Царица ободряла,
И руку помощи къ ней съ трона простирала:
Казалось часъ приспѣлъ ей вольной стать, но нѣтъ,
Заирѣ Оросманъ свободы не даетъ. . . . .
Заира ахъ! сама законъ свой забывая,
Любовь сего Царя ему предпочитая. . . . .
Оставимъ мысль сїю. . . . . отказъ важнѣйшїй намъ,
Причину новую мнѣ подалъ ко слезамъ.

Меропа разспрашивая юношу, ей незнакомаго, но которой былъ ее сынъ, по предчувствїямъ ли страстнаго сердца, или по чувствительности и свойственному нещастнымъ соучастїю, сердечно тронута повѣствованїемъ его приключенїй, и проливаетъ слезы; Еврiклей ей говоритъ:

Ты слезы изъ очей Меропа проливаешъ?

Меропа

О рокъ, свирѣпый рокъ! кого ты мнѣ являешъ?

Супругъ, о небеса!... стыжуся я себя.

Кресфонтъ!.... въ семъ юношѣ я зрю тепер тебя,

Твои черты.... игра жестокаго случая!

Въ комъ кажешъ мнѣ его, весь духъ мой возмущая.

Простосердечїе и не смущенный видъ

Невинность мнѣ его довольно изъявляли;

Какой вы боги видъ сему злодѣю дали!...

Отвѣтствуй мнѣ, въ какихъ родился ты мѣстахъ?

Егистъ.

Въ Елидѣ, въ пастырскихъ убогихъ шалашахъ.

Мерола.

Въ Елидѣ .. Небеса!... нѣтъ силъ во мнѣ ни гласа!
Скажи мнѣ, знаешъ ли иль зналъ ли ты Нарбаса
Иль имя можетъ быть Егистово слыхалъ,
Твой санъ, званіе, и кто тебѣ жизнь далъ?

Какъ таковой безпорядокъ свойственъ чувствамъ, волновавшихъ тогда сердце страстно-любящей матери!

О Умоленіи.

Умоленіе есть фигура которою Ораторъ испрашиваетъ милости съ преисполненнымъ жара усердіемъ.

Искуство оной фигуры состоитъ въ томъ, чтобъ представлять слушателямъ самые удобнѣйшіе ихъ возбудить и привести въ умиленіе, предметы.

Примѣры.

Прозьба Филоктетова къ Неоптолему.

„О сыне мой! возопилъ я, заклинаю „тебя тѣнію отца твоего, матерію, закли„наю всемъ что есть драгоцѣннѣйшее тебѣ „во вселенной, не остави мя едина въ сихъ

„ зримыхъ тобой мученіяхъ погруженна. Вѣ-
„ даю колико буду тебѣ въ тягость; но по-
„ стыднобъ было тебѣ оставить меня. Вве-
„ ргни убо въ корабль твой, въ кое бы мѣсто
„ онаго ни было, гдѣ только менѣе причи-
„ ню тебѣ безпокойствія. Великія токмо
„ сердца чувствуютъ коль славно есть быти
„ благотворну. Не остави меня въ такой
„ пустынѣ, гдѣ ни коего нѣтъ человѣческаго
„ слѣда; превези въ твое отечество, или въ
„ Еввею, отстоящую недалеко отъ горы
„ Иты, отъ Трахини и отъ пріятныхъ бре-
„ говъ рѣки Сперхія: отошли меня къ моему
„ родителю. Увы! колико опасаюсь не пре-
„ ложился ли уже и онъ ко отцемъ своимъ!
„ я просилъ его послать за мной корабль;
„ но или его не стало, или обѣщавшіе повѣ-
„ дать ему о злоключеніяхъ моихъ того не
„ исполнили. Къ тебѣ днесь прибѣгаю, о
„ сынъ мой! воспомяни ненадежность дѣлъ
„ человѣческихъ: сущій во благоденствіи дол-
„ женствуетъ страшится употреблять оное
„ во зло, долженствуетъ помогать несча-
„ стнымъ.

Снѣдаемая любовїю Дидона, услыша ужасной для нее Енеевъ отъѣздъ, умоляетъ его таковое предпрїятїе оставить.

Невѣрный! ты отсель хотѣлъ уѣхать тайно?
Ни нѣжна страсть, во мнѣ ты кою ощущалъ,
Ни клятвы, коими мнѣ вѣрность обѣщалъ,
Ни скорьбѣ, отчаянье и нестерпима мука,
Мнѣ кою приключитъ сїя съ тобой разлука,
Ни смерть моя тебя не можетъ удержать?
Сквозь бури по валамъ стремишься ты бѣжать.
Скажи, жестокой, мнѣ, коль Троябъ пребывала,
И оная къ себѣ тебя бы призывала:
Противу грозныя дыханїй быстроты,
Во Трою по волнамъ пустился ли бы ты?
Ты мчасъ въ безвѣстный край съ Дидоной разстаешься?
Чтобъ отъ меня уйти ты страху предаешься?
Для слезъ свидѣтельницъ печали моея,
Для данной мнѣ въ залогъ десницы твоея,
(Когда нещастна я, когда уже такъ сталось;
Къ чему другому мнѣ прибѣгнути осталось?)
Для узъ, которы насъ на вѣки сопрягли,
Для ложа брачна, гдѣ мы сперьва возлегли,
Коль я тебѣ какой заслугой угодила,
Коль прелестьми тебя какими усладила,
Смягчись, и обо мнѣ нещастной потужи,
Намѣренье твое (о сжалься!) отложи.
Тобою стала я всей Африкѣ постыла;

Тобой во подданныхъ любовъ ко мнѣ устыла;
Тобой погибла честь, и славы блескъ изчезъ,
Той славы, коей я всходила до небесъ.
Дражайшій гость! (такъ звать должна я днесь
супруга.)
Меня ли, твоего на смерть покинешъ друга?

О Желаніи.

Желаніе есть фигура изображающая рвеніе и пылкость сильныхъ хотѣній.

Примѣры.

Въ Псалмѣ шестдесять четвертомъ:

„Кто̀ дастъ мѝ крилѣ 'я́ко голуби́нѣ; и полещу̀, и̂ почі́ю.

Въ одномъ изъ твореній Оссіановыхъ:

„Ахъ! для чего не могу я видѣть его возлюбленной, склонившейся на камень холма? почто не увижу очей ея орошенныхъ слезами, ея горящихъ ланитъ, до половины сокрытыхъ въ густотѣ ея власовъ? лети, сладостный зефиръ, лети и возвѣвай густые власы сея дѣвицы; обнажи очамъ моимъ рамена ея, подобные бѣлизною алебастру; открой ея ланиты краснѣющіяся отъ сѣтованія и печали„.

Страшныя заклинанія Пальмиры противъ Магомета, въ которомъ открываетъ она Тиранна и Лицемѣра.

О естьлибъ я могла, злодѣй, въ твоей утробѣ
Всю внутренность твою рукой сей, растерзать!
Увидѣть ближнихъ всѣхъ твоихъ теперь во гробѣ,
И въ ихъ дымящейся крови здѣсь утопать!
О естьли бы могли узрѣть глаза мои,
Чтобъ Мекка, Азія, Медина безъ боязни,
За лицемѣріе, за звѣрства всѣ твои,
Излили на тебя всѣ вдругъ свой гнѣвъ и казни!
Чтобъ міръ, которой ты ограбилъ, обольстилъ,
Увидѣлъ со стыдомъ свои теперь оковы.
И ихъ расторгнувши, тебя за нихъ отмстилъ!
Чтобъ сей, основанный на лжи, законъ твой новый,
Былъ посмѣяніемъ грядущимъ временамъ!
Чтобъ адъ, чемъ ты грозилъ отважнымъ тѣмъ умамъ,
Которы сей законъ сомнѣнью подвергали,
Чтобъ адъ, вмѣстилище всѣхъ ужасовъ, печали,
Который ты одинъ изъ всѣхъ насъ заслужилъ,
Твоимъ наслѣдіемъ по смерти вѣчно былъ!
Вотъ чувствія души обязанной тобою!
Вотъ гласъ желаній, клятвъ, произносимыхъ мною!

О Фигурѣ называемой Сравненіями.

Сія фигура имѣетъ нѣкоторое сношеніе съ подобіемъ, однимъ изъ риторическихъ мѣстъ, о которомъ мы упоминали въ первой книгѣ. Она тѣмъ токмо отличается отъ послѣдняго, что въ ней продолжительнѣе производятся сношенія нежели въ подобіи, и что они проходятъ большее число членовъ. Въ ней, такъ сказать, взвѣшиваются на вѣрныхъ вѣскахъ два предмета, которыхъ оцѣниваютъ относительную доброту и качество, и прилѣжно разсматриваютъ всѣ сходныя и несходныя сношенія.

Примѣры.

Г. Ломоносовъ, въ похвальномъ словѣ Петру Великому:

„Петръ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непріятелей, и своихъ изкоренивъ „измѣнниковъ; Елисавета для подобныхъ „родилась Тріумфовъ. Петръ возвративъ законному Государю корону, въ отеческій „градъ шествовалъ; Елисавета въ общество „человѣческое вступила, для возвращенія „себѣ потомъ отеческой короны. Петръ „сохранивъ Россію отъ расхищенія, вмѣсто

„ мрачнаго страха принесъ безопасную и пре-
„ свѣтлую радость; Елисавета увидѣла свѣтъ
„ дабы пролить на насъ сіяніе отрады, из-
„ бавивъ отъ мрака печалей. Петръ велъ за
„ собою многочисленныхъ плѣнниковъ, не мень-
„ ше великодушіемъ, нежели мужествомъ по-
„ бѣжденныхъ; Елисавета отъ утробы разрѣ-
„ шилась, дабы послѣ плѣнить сердца под-
„ данныхъ человѣколюбіемъ, кротостію, ще-
„ дротою. Коль чудныя Божія судьбы ви-
„ димъ, слушатели! съ рожденіемъ побѣду;
„ съ облегченіемъ родительницы избавленіе
„ отечества; съ обыкновенными при рожде-
„ ніи обрядами чрезвычайное торжественное
„ вшествіе; съ пеленами побѣдительные ла-
„ вры, и съ первымъ младенческимъ гласомъ
„ всерадостные плески и восклицанія!„

Госпожа Дезуліеръ прекрасно сравниваетъ жизнь человѣческую съ Источникомъ. Первыя три строчки относятся къ такъ называемой фигурѣ, Сравненію, остальныя же могутъ служить примѣромъ Различія; желающія всю ее прочесть могутъ ее найти въ лучшемъ переводѣ, въ сочиненіи Г. Козельскаго.

Источникъ, равной мы подверженны судьбинѣ,
Стремленіемъ однимъ течемъ одинъ съ другимъ,
Ты въ море, мы въ кончинѣ . . . . .

Сравненіе Виконта Тюрена съ Кавалеромъ Омаломъ, въ Волтеровомъ твореніи, Генріадѣ:

Д'Омалъ свирѣпѣе, сильнѣй и запальчивѣй;
Тюреннъ искуснѣе не столь стремителенъ,
Владѣя самъ собой, сражаяся безъ гнѣва;
Д'Омала страшнаго старается томить.
Безъ пользы силы всѣ д'Омалъ истощеваетъ,
И вскорѣ ужъ рука ослабшая его,
Не служитъ болѣе безплодной храбрости,
Тюреннъ примѣтя то свои сугубитъ силы,
Стремяся и разя д'Омала притѣсняетъ,
И въ грудь соперника и мечь и смерть вонзаетъ
Поверженъ плаваетъ д'Омалъ въ своей крови.
Онъ палъ и Тартара чудовища трепещутъ.
Печальны въ воздухѣ сіи раздались звуки:
„Разрушился престолъ на вѣки заговора!
„Преходитъ наша власть и Генрихъ торжест-
вуетъ!

О Прохожденіи.

Прохожденіе есть фигура которою Ораторъ по видимому умалчиваетъ или по крайнѣй мѣрѣ касается слегка или мимоходомъ, до тѣхъ произшествій или обстоятельствъ, о которыхъ однакожъ рѣвностно желаетъ настоять; въ чемъ самомъ заключается все искуство сей фигуры. Вотъ примѣры.

Г. Флешье въ надгробномъ словѣ великому полководцу Тюрену.

„Не ожидайте почтенные слушатели, „чтобы я вамъ открылъ здѣсь печальное „позорище, и представилъ сего великаго Ге„роя посредѣ своихъ побѣдительныхъ зна„ковъ бездыханна, чтобъ явилъ вамъ блѣ„дное и окровавленное тѣло дымящееся еще „и теперь отъ оной поразившїй его, мол„нїи, чтобъ заставилъ вопїять кровь его, „подобно крови Авелевой, и чтобъ начер„талъ вамъ плачевныя изображенїя вѣры и „сѣтующаго отечества.

Г. Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

„Изо всѣхъ достоинствъ Монархини „нашея показуется коль велики были ея „предки, которыми оживленная восставлен„ная, укрѣпленная, возвеличенная, просвѣ„щенная Россїя нынѣ надъ всѣми земными „Царствами главу свою возноситъ, кото„рыхъ славныя дѣла и заслуги къ отечест„ву не меньше надлежитъ къ похвалѣ ея „Величества, нежели кровь оныхъ къ ея ро„жденїю послужила. Для того описалъ бы

„я нынѣ вамъ младаго Михаила, для стена-
„нія и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріемлюща-
„го съ вѣнцемъ Царскимъ тяжкое бремя по-
„верженныя Россіи, обновляющаго разсыпан-
„ныя стѣны, сооружающаго раззоренные
„храмы, собирающаго расточенныхъ граж-
„данъ, наполняющаго разхищенныя Государ-
„ственныя сокровища, исторгающаго корень
„богоотступныхъ хищниковъ Россійскаго
„престола, и Москву отъ жестокаго пора-
„женія и глубокихъ ранъ изцѣляющаго; изо-
„бразилъ бы я нынѣ премудраго и мужест-
„веннаго Алексея бодрымъ своимъ духомъ
„ободряющаго Россію, начавшую паки дви-
„гать свои мышцы, утверждающаго благо-
„получіе подданныхъ спасительными зако-
„нами, полки военною наукою, Церьковъ ис-
„требленімъ ереси, простирающаго побѣдо-
„носный мѣчь свой на Сармапію, и Россіи
„издревле принадлежащія великія Княжест-
„ва праведнымъ оружіемъ Россіи возвращаю-
„щаго; представилъ бы я Петра именемъ
„Великаго, дѣлами большаго, влїянною себѣ
„отъ Бога премудростію просвѣщающаго
„Россію и мужествомъ вселенную устраша-

„ющаго, единою рукою мѣчь и скиптръ „обращающаго, къ художествамъ простирающаго другую, правленїемъ всѣхъ земныхъ „Монарховъ, трудами рабовъ своихъ превосходящаго, искореняющаго невѣжество, и „науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю, и море новымъ флотомъ „покрывающаго, военные свои законы собственнымъ примѣромъ утверждающаго, и „славу свою со славою отечества до небесъ „возносящаго; начерталъ бы я въ умахъ вашихъ Героиню прекрасную Августѣйшую „Екатерину, среди варварскихъ набѣговъ, „среди гремящаго оружїя, среди шумящихъ „ядръ, непоколебиму духомъ, премудрому „Государю премудрые совѣты дающую, вѣнчаему потомъ его рукою, и пресѣченныя „смертїю предпрїятыя дѣла многотрудившагося Россїйскаго Геркулеса на рамена „свои прїемлющую: но слово мое къ собственнымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ „Монархини нашея поспѣшаетъ; на нихъ „единыхъ истощить всю свою силу, не исчисляя подробну, но токмо знатнѣйшїя „представляя. Того ради не изображая сло-

„вомъ блистающія лѣпоты лица ея, являю„щія прекрасную душу, ни сановитаго воз„раста Монархинѣ приличнаго, ни величест„венной главы къ ношенію вѣнца рожден„ной, ни устъ щедроту источающихъ, ни „очей воззрѣніемъ оживляющихъ. Ибо ко „всѣмъ человѣколюбивая Государыня взоръ „свой обращаетъ „.

Генрихъ IV раказываетъ Англійской Королевѣ, Елисаветѣ, Исторію нещастій Француzкаго Государства:

Описывать тебѣ, Царица, я не стану,
Въ Парижѣ горестномъ, смятенья, воплей, стона,
Кровавыя рѣки по улицамъ текущей,
Поверженныхъ сыновъ на трупахъ ихъ отцевъ,
И брата со сестрой и матери со дщерью,
Въ пылающихъ домахъ супруговъ погубленныхъ
Младенцевъ въ пеленахъ о камни избіенныхъ.

О Прозопопеи. (Заимословіи.)

Прозопопея есть чрезвычайно благородная, величественная, сильная и смѣлая риторическая фигура. Она-то по превосходству своей доброты, даетъ безчувственнымъ существамъ жизнь, душу, чувства: она-то

призываетъ изъ мрачныхъ гробницъ мертвыхъ и заставляетъ ихъ говорить всегда удобными образами къ смягченїю или наставленїю живыхъ. Она такъ же заставляетъ говорить Бога, Ангеловъ и всѣхъ какъ небесныхъ такъ и адскихъ духовъ. Сїя риторическая фигура впечатлѣваетъ въ душѣ неизвѣстной какой-то смѣшанной съ удивленїемъ и почтительностїю, спасительной ужасъ. Вотъ тому примѣры:

Святой Кипрїанъ въ проповѣди своей о Милостины, вводитъ разговоръ Дїявола съ Iисусомъ Христомъ, удобно могущїй постыдить, привести въ раскаянїе и исправить нечестиваго Христїанина.

„Представте себѣ, друзья мои, пред„ставте себѣ окруженнаго послѣдователями „своими, Дїявола, дерзающаго съ торже„ственнымъ лицемъ сказать Iисусу Христу: „я ничего не претерпѣлъ за всѣхъ предав„шихъ мнѣ души свои; я не былъ для нихъ „бїенъ вервїемъ, я не былъ заушенъ по ла„нитамъ, я не былъ увѣнчанъ вѣнцемъ тер„новымъ, я не былъ распятъ на крестѣ, я „не проливалъ для нихъ крови своей; я не

„обѣщалъ имъ Царствія небеснаго; а они „однакоже мнѣ послѣдовали; они боготворили меня. Ты за нихъ умеръ, Господи, „но какое получилъ отъ нихъ возмездіе? „прикрыли-ли и накормили-ли тебя когда „ты былъ нагъ, и когда претерпѣвалъ голодъ въ лицѣ твоихъ нищихъ? Число тебѣ „повиновавшихся, можетъ ли подойти къ „числу моихъ служителей, иль лучше, къ „числу вольныхъ рабовъ моихъ? Что намъ „отвѣчать въ семъ случаѣ, любезные мои „собратія?

О Христіане! подлинно Діяволъ можетъ похвалиться въ таковомъ своемъ первенствѣ надъ общимъ нашимъ Господомъ; но кто даетъ ему оное право? Кто, естьли не самъ же человѣкъ, естьли не собственные же его пороки, о изкорѣненіи которыхъ, къ преужасному своему несчастію, онъ еще и наименѣе прилагаетъ раченія.

Жанъ-Жакъ-Руссо, сей столько добродѣтельной и столько привязанной къ человѣчеству, философъ, въ благоразумные и къ облегченію бѣднаго нашего рода служащіе, сильные и витійственные свои совѣты, ча-

сто вводилъ, сїю столько имъ любимую, и столько возвышающую его сочиненїя, риторическую фигуру.

„О Фабрицїй! чтобъ помыслила великая твоя душа, когда бы къ твоему нещастїю, будучи призванъ къ жизни, увидѣлъ „гордое чело того Рима, котораго ты обезсмертилъ славою своего имени несравненно „болѣе, нежели всѣ его покоренїя и лавры? „Владыки неба! произнесъ бы ты въ сокрушенїи своего сердца, гдѣ искать тѣ мирные покровы, тѣ соломой покрытыя хижины, въ коихъ нѣкогда блаженствовали „нероскошные и добрые мои современники? „Какая пагубная пышность заступила милую простоту Римлянъ? кто обучилъ ихъ „сему чуждому нарѣчїю? кто вложилъ въ „нихъ оные женственные нравы? кто застроилъ Римъ огромными зданїями, обширными мѣстами зборища, раскошными садами, волшебными произведенїями художества? Безумные! кто васъ таковыми преобразовалъ? Вы, владычествовавшїе до сего „народами, вы днесь въ раболѣпствїи у пустыхъ и малодушныхъ людей, вами побѣ-

„жденныхъ! Вы избрали правителями и го-
„сподарями своими Риторовъ! Вы не щади-
„ли своихъ животовъ, вы жгли и опусто-
„шали Азійскія земли, не изъ привязанно-
„сти къ своему отечеству, но единственно
„для того, чтобъ обогатить архитекто-
„ровъ, живописцевъ, ваятелей, фигляровъ!
„хищенія и заграбленія изъ Карфагена по-
„служили добычею игратѣля флейты! Рим-
„ляне, спѣшите развалить оные Амфитеа-
„тры; разломайте оные мраморы, сожгите
„оныя картины; изжените рабовъ, васъ под-
„чиняющихъ, и ищущихъ развратить васъ
„пагубными своими художествами. Пускай
„другой, руками пустыхъ дарованій, жнетъ
„химерной славы лавры: подлинное же и
„сообразное съ величіемъ Римлянъ достоин-
„ство то, чтобъ покорить міръ, чтобъ во-
„царить въ немъ добродѣтель. Когда Ци-
„неасъ почелъ Сенатъ нашъ за общество
„Царей, онъ не былъ обольщенъ ни блескомъ
„пышности, ниже утонченіемъ вкуса. Онъ
„чуждъ былъ сладкимъ и хитро-сложен-
„нымъ пустякамъ витійства, которымъ
„столько заражены мелкіе ума: что же онъ

„ въ нихъ обрелъ? О граждане! онъ видѣлъ „ зрѣлище, котораго не могутъ вамъ доставить ни богатства ни искуства ваши; зрѣлище самое прекрасное, и когда либо подъ „ небесами видѣнное! Онъ обрелъ общество „ двухъ сотъ добродѣтельныхъ мужей, каждой изъ нихъ достойной повѣлевать Римомъ, и управлять вселенною.

Славная Епопея Г. Патриса:

Мнѣ ночью снилося, я мертвой погребенъ,
И подлѣ нищаго былъ близко положенъ;
Досадно стало мнѣ внукъ знатнаго я дѣда,
Что столь презрѣннаго дала судьба сосѣда,
Невѣжа, я вскричалъ, прочь съ глазъ и далѣ тлѣй,
Какъ смѣешъ ты лежать близъ знатныхъ столь людей?
Невѣжа! отвѣчалъ съ досадой онъ мнѣ видной;
Ищи не здѣсь невѣжъ, невѣжа самъ безстыдной;
Мы равны, на твою я гордость не гляжу,
И такъ же на своей какъ ты землѣ лежу.

Замѣтьте, впрочемъ, любезныя мои читательницы, что не смотря на всю красоту и силу сей фигуры риторической, тогда токмо должно искать пособія въ сихъ

занятыхъ лицахъ, когда мы хотимъ ихъ заставить говорить о вещахъ, которыхъ сами не можемъ обьяснить съ такою благопристойностїю и достоинствомъ.

О Утаенїи.

Утаенїе есть фигура скрытная, которая притворнымъ своимъ молчанїемъ обьясняетъ болѣе нежели самыя сильныя и многозначущїя слова. Точно таковымъ искуснымъ утаенїемъ Арицїя, въ чрезвычайное приводитъ замѣшательство Ѳезея, который безстыдными обносами попустилъ себя предварить противъ Ипполита.

Страшися, Государь. Ты мощною рукой
Отъ тьмы чудовищъ злыхъ очистилъ шаръ земной;
Но изтребилъ не всѣхъ еще, и жить оставилъ....
Но Ипполитъ, твой сынъ меня молчать заставилъ;
Узнавши что тебя онъ клялся уважать,
Обижу я его, коль рѣчь свою скончаю;
И подражавъ ему тебя я оставляю,
Боясь, чтобъ своего молчанья не прервать.

Въ похвальномъ словѣ Сентъ - Томасу Канторберскому.

„ Сего довольно было для низкихъ и „ кровожаждущихъ придворныхъ душъ; они „ вознамѣриваются умственно пролить кровь „ праведника; они помышляютъ о льстящихъ „ ихъ награжденiяхъ, а не о учиняемыхъ „ ими злодѣйскихъ поступкахъ. Томасъ, по- „ мазанникъ Божiй, но онъ врагъ Государя „ своего; онъ невиненъ, и невиненъ точно, „ но Государь желаетъ видѣть въ немъ ви- „ новнаго; они отправляются изъ Царскихъ „ Палатъ, переплываютъ Море, пристаютъ „ къ берегу, входятъ въ Церковь, гдѣ праве- „ дникъ отправлялъ священное богослуженiе, „ и наступивъ на него съ наполненнаго зло- „ бою, сердцемъ, съ глазами распаленными „ гнѣвомъ, съ кинжаломъ въ рукахъ, и не ува- „ жая ниже храма Божiя, ниже Господня ол- „ таря, ниже священнослужителей его.... „ Вы почти все остальное понимаете, мои „ слушатели, и я бы желалъ быть уволенъ „ отъ повѣствованiя толь плачевнаго для че- „ ловѣчества, зрѣлища. „

Въ Енеидѣ, книгѣ первой, Нептунъ раздраженной дорзостію Еола, и покорными его власти вѣтрами, угрожаетъ имъ наказаніемъ ихъ буйства.

Отколѣ, вѣтры, въ васъ толикая кичливость?
Ужъ власть мою презрѣвъ, чрезъ наглу вы бурливость
Хотите межъ собой стихіи всѣ смѣсить,
Толь страшны горы волнъ дерзаете взносить!
Я васъ! . . . . но напередъ да море успокою.
Впредъ знати дамъ себя вамъ казнью не такою.

О Самоспросіи. (Отвѣтствованіе.)

Самоспросіе есть фигура которою Ораторъ спрашиваетъ самаго себя, и отвѣтствуетъ на собственные свои вопросы. Помощію сей фигуры мы можемъ предупредить всевозможныя противъ насъ возраженія нашего противника, ихъ опровергнуть, превратить въ прахъ, и привести таковымъ средствомъ къ молчанію.

Г. Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Петру Великому:

„Съ кѣмъ сравню великаго Государя?
„я вижу въ древности и въ новыхъ време-

„нахъ обладателей великими названныхъ.
„И правда предъ другими велики; однако
„предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ
„многія государства; но свое отечество
„безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ
„непріятеля, уже великимъ именованнаго;
„но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ
„гражданъ, ради однаго своего честолюбія,
„и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и ры-
„даніе своего отечества. Иной многими
„добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто чтобъ
„воздвигнуть, не могъ удержать тягости
„падающаго государства. Иной былъ на
„земли воинъ; однако боялся моря. Иной
„на морѣ господствовалъ; но къ земли при-
„стать страшился. Иной любилъ науки;
„но боялся обнаженной шпаги. Иной ни
„желѣза, ни воды, ни огня не боялся; од-
„нако человѣческаго достоянія и наслѣд-
„ства не имѣлъ разума. Другихъ не упо-
„треблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ
„не достаточенъ. Что въ двѣсти пятьде-
„сятъ лѣтъ отъ первой Пунической войны
„до Августа Непоты, Сципіоны, Маркел-
„лы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы про-

„извели: то Петръ здѣлалъ въ краткое вре-„мя своея жизни. Комужъ я Героя нашего „уподоблю? Часто размышлялъ я; каковъ „Тотъ, которой всесильнымъ мановенїемъ „управляетъ небо, землю и море; дхнетъ „духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется „горамъ и воздымятся. Но мыслямъ человѣ-„ческимъ предѣлъ предписанъ! Божества по-„стигнуть не могутъ! обыкновенно пред-„ставляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И „такъ, ежели человѣка Богу подобнаго, по „нашему понятїю, найти надобно; кромѣ „Петра великаго не обретаю„.

Въ надгробномъ словѣ Президенту Г. Ламуанїону:

„Какими средствами вы думаете успѣлъ „сей знамѣнитой Судья въ благородныхъ „своихъ намѣренїяхъ? Покровительствомъ? „онъ не имѣлъ ни какихъ другихъ сообщенїй „съ Дворомъ кромѣ необходимыхъ по дѣламъ „и должностямъ своимъ. Случаемъ? долгое „время было употреблено на разсмотренїе „мѣста опредѣленїя его, и въ столь щеко-„тливомъ дѣлѣ, за должное считали от-„дать все право одному лишь совѣту, и ни

„чего не оставлять на произволъ щастія.
„Пронырствомъ? онъ былъ всегда изъ числа
„держащихъ сторону своей должности.„

Руссова XXVII Епиграмма.

Герой ли тотъ кто оковалъ цѣпями
Одинъ иль два народъ? Тиверій въ томъ успѣлъ.
Герой ли тотъ кто кровными ручьями
Тушилъ свой звѣрской гнѣвъ? Октавій тѣмъ гремѣлъ.
Герой ли тотъ кто Левъ въ своемъ правленье?
Сеянъ Народъ, Сенатъ, Царя, всѣхъ могъ страшить
Но пылкой нравъ иль гнѣвъ умѣть прохолодить,
Кичливости своей остановить волненье:
Вотъ въ чемъ считаю я Велику быть собою,
И вотъ какой я видъ даю свому Герою.

О Задержаніи.

Съ помощію сей фигуры, Ораторъ приводитъ разумъ своихъ слушателей въ недоумѣніе и въ неизвѣстность о томъ, о чемъ онъ намѣревается имъ говорить.

Сія фигура удобна къ возбужденію и къ поддержанію вниманія своихъ слушателей. Она бываетъ двоякаго рода: или истинная

и откровенная въ своихъ словахъ, всегда выполняющая обѣщанія свои, а иногда превосходящая даже и самое порожденное ею, ожиданіе; или шутливая и непостоянная, играющая ихъ вниманіемъ, которая посуливши горы и чудеса, отдѣлывается отъ нихъ смѣшною и шуточною чертою. Вотъ два примѣра обѣимъ родамъ Задержанія.

Сонетъ веселаго, остроумнаго Скаррона.

Тщеславія людей Монументы надмѣнны,
Пирамиды, Мавзолъ, которыхъ блескъ пустой,
Являетъ что труды людьми употребленны,
И надъ природою взять въ силахъ верьхъ самой.

Римлянъ зданія, потомству посвященны,
О зодчество, предѣлъ искуства въ коихъ твой,
Народы часто гдѣ убійствомъ зараженны,
Другъ друга лили кровь въ неистовствѣ рѣкой.

Не въ силахъ ли нашлось васъ время истребить,
Или по крайности разсыпать, развалить?
Что силѣ времени не можетъ покориться? —

Когдажъ противиться ему нельзя камнямъ,
То дивноль, хилаго кафтана рукавамъ
Два года поносясь до дыръ въ локтяхъ пробиться.

Федра къ Енонѣ.

Ты хочешъ знать то. — Встань!

Енона.

Вѣщай, вѣщай я внемлю.

Федра.

О Небо! что сказать мнѣ ей? — съ чего начать!

Енона.

Престани въ тщетный страхъ, престань меня вввергать

Федра.

Венеры лютый гнѣвъ! о пагубное мщенье!
Любовь не ввергла ли мою мать въ заблужденье!

Енона.

Царица, болѣя о семъ не вспоминай;
Но въ тайнѣ погрузивъ, забвенїю предай.

Федра.

Не отъ любвиль твоей, сестра моя любезна,
На чуждыхъ берегахъ пресеклася жизнь слезна!

Енона.

Царица, что въ тебя влагаетъ ядъ столь злой,
Противу кровныхъ всѣхъ твоихъ, на весь родъ твой.

Федра.

Венера жаждетъ коль еще сей бѣдной крови,
И я послѣдня пусть погибну отъ любови!

Енона.

Ты любишъ? —

Федра.

Всѣ любви неистовства терплю.

Енона.

Кого?—

Федра.

Внемли!— О страхъ, о ужасъ!— я люблю —
При мысли трепещу — я млѣю — о судбина!—
Люблю —

Енона.

Кого?—

Федра.

Не льзя чтобъ Амазонки сына
Не знала ты, что я не праведно гнала.

Енона.

Не Ипполита ли?—

Федра.

Его ты нарѣкла.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О Фигурахъ словъ.

Фигуры словъ, или рѣченій, гораздо еще пріятнѣе фигуръ предложеній. Поелику кромѣ того что объясняютъ всегда съ такою же удачностію, какъ и оныя послѣднія, благородство, тонкость и изящество мыслей, они присоединяютъ еще къ нимъ игру отборныхъ и мѣрныхъ израженій, которыя невѣроятнымъ образомъ возвышаютъ ихъ достоинство, такъ что мысли сходствуютъ съ оными высокой цѣны бриліантами, которые будучи оправлены въ золото, кажется заимствуютъ новой блескъ.

Фигуры словъ двухъ родовъ; одни бываютъ когда рѣченія переходятъ отъ собственнаго ихъ знаменованія къ несвойственному; такъ на примѣръ, когда мы говоримъ *воспаленной гнѣвомъ, жатва лавровъ, смѣющіеся луга*; что самое названо *Тропами*.

Во всѣхъ почти языкахъ, есть множество вещей, и перемѣнъ вещей, для точнаго израженія которыхъ не достаетъ свойственныхъ терминовъ; другіе ихъ имѣютъ,

но не довольно изразительные. Оная нищета словъ заставила прибѣгнуть къ чужимъ оборотамъ или слово-расположенїямъ, и вотъ отъ куда производятъ свое начало Тропы, которые употребленїе ихъ оправдали придачею рѣчи такого блеска, красоты и силы; въ послѣдствїи времени они были употребляемы съ меньшею еще разборчивостїю для простыхъ украшенїй, сколько изъ необходимости; и таковъ вообще жребїй человѣческихъ изобретенїй; сначала вводитъ ихъ нужда, или по крайней мѣрѣ польза, мало по малу привыкаютъ ихъ употреблять для удобности, украшенїя и для удовольствїя.

Главнѣйшїе Тропы суть: Метафора, Аллегорїя, Иперболa, Иронїя.

О Метафорѣ.

Метафора есть Тропъ, помощїю котораго берется слово отъ свойственнаго и природнаго его знаменованїя, для израженїя близко сходствующей съ нимъ вещи.

Метафора, говоритъ Квинтилїанъ, должна искать себя включить на убылое мѣсто

а естьли высылаетъ изъ него слово ему свойственное, превосходитъ его силою и лучшествомъ израженія.

Святый Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ.

„Богу бо̀ есмы споспѣшницы: Бо́жіе „тяжаніе, Бо́жіе зданіе естѐ вы.

Въ Псалмѣ 43.

„Да подви́жится Мо́ре и̂ исполне́ніе „его̀, вселе́нная, и всѝ живу́щіи на не́й. Рѣ-„ки да восплѐщутъ рукою вку́пѣ; го́ры да „возра́дуются.

Въ Оссіановой Поемѣ Картонѣ.

„Кто сей страшный ратоборецъ, теку-„щій отъ шумящихъ волнъ Океана, какъ „мрачный облакъ? Въ десницѣ его смерть, „взоръ его какъ ярый пламень. Со громомъ „стремится онъ по брегамъ Лоры: кто, какъ „не мужественный Картонъ? удары его „пожинаютъ сонмы ратниковъ. Воззри, коль „быстро прелетаетъ онъ поле брани! но-„сится онъ какъ грозный призракъ Героя „Морвенскаго. Но упадаетъ сіе гордое, сіе „величественное древо; сильный вихръ из-„торгъ его изъ корени.„

Нѣтъ надобности объяснять онную фигуру новыми примѣрами. Она въ такомъ частомъ и общемъ употребленіи, что едва ли не льзя ея найти у хорошаго Автора на каждыхъ двухъ строкахъ. Есть даже и такія Метафоры, съ которыми мы до того вольны, что вмѣшиваемъ ихъ, не примѣчая того и сами, при всякомъ случаѣ обыкновеннѣйшихъ нашихъ разговоровъ. Говоря о Метафорахъ, сколько людей схожихъ съ Журданомъ, (Главное лице въ такъ называемой Комедіи Г. Моліера: *Одворенившейся Мѣщанинѣ*) которой до сорока лѣтъ не зналъ что онъ говоритъ прозою!

Поелику одно лишь то красиво что Эстественно, и все что переступило его рубежъ становится отвратительно и глупо, Метафоры, для успѣшнаго ихъ дѣйствія, должны сообразоваться съ натурою; принужденность, неясность, непомѣрное изученіе въ образѣ израженій, суть погрѣшности со всемъ не терпимыя въономъ тропѣ. Не позволительно сказать: *онъ обладаетъ жарнелами сокровищъ*, для означенія человѣка бо-

гатаго: *у него Везувія въ груди*, чтобъ показать человѣка влюбленнаго, человѣка снѣдаемаго любовнымъ пламенемъ. За таковымъ уподобленіемъ надлежало идти слишкомъ далеко: оно бежитъ отъ обыкновеннаго хода воображенія, и его даже и понять не льзя безъ объясненія.

Сумазбродныя величательства Азійскихъ Моголовъ, и которыя мы приводила въ статьѣ о *погрѣшностяхъ слога*, могутъ такъ же быть причислены къ примѣрамъ крайностныхъ, перемудреныхъ Метафоръ.

Метафоры должны сохранить видъ нѣкотораго благородства и величія; не надлежитъ производить ихъ отъ какого либо низкаго и гнуснаго предмета, какъ поступилъ одинъ древній стихотворецъ въ оной строкѣ:

Ступалъ всесильный Зевсъ на Алпы харкавъ снѣгомъ.

Какая отвратительная картина!

Есть еще и другаго рода погрѣшность весьма обыкновенная людямъ слишкомъ привязанныхъ къ Метафорамъ. Она бываетъ тогда, когда сочинитель оставляетъ мысль

не обработавъ ея до окончанія, и перескакиваетъ примѣтнымъ образомъ изъ однаго описанія въ другое. Многіе, говоритъ Квинтиліанъ, начинаютъ съ бури а оканчиваютъ пожаромъ. Сей странной подборъ разноцвѣтныхъ и одно съ другимъ ни мало не сходныхъ, чертъ картинъ, показываетъ большой недостатокъ разсудка. Это столько же противорѣчливо и смѣшно, какъ естьлибы кто вздумалъ привязать лошадиной хвостъ къ головѣ и тѣлу человѣческому. Такъ точно нѣкоторой Поэтъ обращаясь къ Лудвиху XIV, говоритъ ему:

Возьми громъ съ молніей, и шествуй льву подобно.

Сравненіе льва ни мало не согласуется съ вооруженіемъ его громомъ и молніей.

Чтобъ яснѣе показать какую красу Метафора придаетъ рѣчи, представимъ стихъ однаго прекраснаго россійскаго Поета, въ Метафорическихъ его украшеніяхъ, и переодѣнимъ его изъ фигурной его одѣжды въ простую.

Поэтъ говоритъ что человѣкъ довольной средственнымъ своимъ состояніемъ, ру-

ководствуемой умѣренностїю, и одаренной природою чувствительнымъ сердцемъ и стройногласною лирою, дѣйствительно можетъ назвать жизнь свою блаженною, что того ни какія не могутъ поколебать злополучія, что тому, по собственнымъ словамъ его,

Тому средь горести, нещастья,
Утѣха и въ слезахъ блеститъ.

Поставимъ вмѣсто сихъ строкъ:

Тому средь горести, нещастья,
Утѣшно, радостно бываетъ и въ печали.

Какое различїе! какая слабая и холодная строка! *утѣшно, радостно бываетъ и въ печали*: какое обыкновенное изображенїе; и какой длинной оборотъ! Можно ли его сравнить съ израженїемъ Авторскимъ:

Утѣха и въ слезахъ блеститъ.

Отнимите Метафору; прекрасная сїя строка перемѣнится въ протяжной, въ ослабленной стихъ; потускнѣетъ въ ней блестящее се описанїе; не будетъ въ ней ни прїятности, ни силы, ни красоты.

Г. Ролленъ, въ разсужденїи своемъ о Наукахъ въ главѣ о фигурахъ, и Отецъ Бу-

гуръ, въ книгѣ о способѣ здраво мыслить, оба написали прекраснѣйшія мнѣнія о Метафорахъ.

О Аллегоріи.

Аллегорія есть не иное что какъ сцепленіе порядочно соблюденныхъ Метафоръ.

Примѣры.

Г. Маскаронъ.

„Тогда то нечестивые Салмонеяне осмѣливаются подражать грому Вседержителя, и отвѣтствовать земными перунами, перунамъ небеснымъ.

У Исаіи Пророка въ главѣ 5.

„Виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ: и огражденіемъ оградихъ, и окопахъ, и насадихъ лозу избранну, и воздахъ столпъ посредѣ его, и предточиліе ископахъ въ немъ, и ждахъ да сотворитъ гроздіе, и сотвори терніе. „И нынѣ живущіи во Іерусалимѣ, и человѣче Іудинъ, судите между мною и Виноградомъ моимъ. Что сотворю еще Винограду

„ моему̀, и не сотвори́хъ ему̀; зане́же жда́хъ
„ да сотвори́тъ гро́здїе, сотворѝ же те́рнїе.
„ Ны́нѣ у́бо возвѣщу́ вамъ, что̀ а́зъ сотворю̀
„ Виногра́ду моему̀: отиму̀ огражде́нїе его̀,
„ и бу́детъ въ разграбле́нїи: и раззорю̀ стѣ́ну
„ ӗго̀, и̇ бу́детъ въ попра́нїе: и оставлю ви-
„ногра́дъ мо́й, и ктому̀ не брѣ́жется, нижѐ
„ покопа́ется, и взы́детъ на не́мъ, я̏коже на
„ ладинѣ, те́рнїе: и облакомъ запо́вѣ́мъ, е̏же
„ не одожди́ти на него дождя̀ „.

То что Исаїй далѣе говоритъ, ясно показываетъ что сїя его рѣчь есть не иное что какъ Аллегорїя.

„ Виногра́дъ бо Го́спода Савао́фа, до́мъ
„ Изра́илевъ е̏сть, и человѣкъ Іудинъ, новый
„ са́дъ возлю́бленный: жда́хъ, да сотво́ритъ
„ су́дъ, сотворѝ же беззако́нїе, и не пра́вду,
„ но вопль „.

Вотъ Аллегорическое письмо Сентъ-Мора къ стихотворцу Кардиналу Бернису, при случаѣ его призыва ко двору.

Тогда какъ Апполонъ насъ смертныхъ посѣтилъ,
Онъ юныхъ пастуховъ на Лирѣ пѣть училъ;
И Эхо съ радостью по всюду повторяло

Той стройной люшны звукъ, что самыхъ древъ
плѣняло.
Онъ щастїе нашелъ съ сей дикою пустыней.
Вездѣ довольну быть есть тайна мудрецовъ:
Увѣнчанъ лаврами возсѣлъ онъ межъ боговъ.
Тамъ болѣе творя добро, былъ самъ щастливѣй;
Народамъ стамъ явилъ онъ милости, любовь:
Досѣль добро творилъ деревнѣ лишь одной,
А въ небѣ всей земли блаженства былъ виной.
И говорятъ — (молва такъ всюду разглашала.)
Что нужду ближнихъ зря, душа его страдала,
И что во дняхъ торжествъ ни какъ тѣхъ не
забылъ,
Кто чуждый бывъ ему, поэзїю любилъ.
О ты! которому Европа вся безъ лести,
Дивится по уму, по кротости и чести;
Скажи мнѣ самъ теперь, преславный Кардиналъ!
Что выдумку ль одну иль правду я писалъ?

О Иперболѣ.

Ипербола есть фигура лживая, употребляющая во зло легковѣрїе своихъ слушателей, представляя имъ вещи въ непомѣрностяхъ Физическихъ стеклъ; какъ въ добрѣ такъ и въ худобѣ, какъ въ увеличиванїи такъ и въ уменьшенїи.

Такъ какъ Иперболa фигура чрезвычайно смелая, она всегда имѣетъ надобность въ какомъ нибудь предлогѣ, съ помощію бы котораго могла заставить себя вѣрить въ вещахъ даже всякое вѣроятіе превышающее. Сіи предлоги суть на примѣръ: *кажется, такъ сказать, естьли позволено такъ говорить*, и проч.

Веселой и шутливой тонъ Буатюра, и взятыя имъ всѣ мѣры предосторожности въ своихъ Иперболахъ, причиною что мы всегда читаемъ ихъ съ новымъ удовольствіемъ.

Примѣры.

Въ письмѣ его къ Г. Кардиналу де ла Баллетъ.

„При выходѣ изъ за стола, громотня „скрыпокъ привела всю компанію на верьхъ, „гдѣ мы увидѣли одну столько освѣщенную „горницу, что казалось, что скрывшійся въ „то время отъ земнаго лица день, весь въ „нее убрался „.

Нѣсколько по ниже.

„Балъ продолжаемъ былъ отменно весе-„ло, какъ вдругъ необыкновенной, на дво-

„ рѣ услышанной, шумъ, принудилъ всѣхъ „ дамъ высунуть ихъ головы въ окны; и они „ увидѣли такое множество потѣшныхъ ог- „ ней изъ ближайшаго отъ дома густаго „ лѣса, что всякой думалъ что всѣ листья „ и сучья деревьевъ превратились въ ракетки, „ что всѣ звѣзды попадали съ неба, и что „ огненная сфера хотѣла заступить мѣсто „ средняго пространства воздуха. Я пред- „ ставляю вамъ, Государь мой, три Ипер- „ болы, которыя по безпристрастной ихъ „ оцѣнки, будутъ стоить не свыше трехъ „ дюжинъ ракетъ. „

Г. Ломоносовъ, по свойственной всѣмъ поэтамъ наклонности, часто вводилъ оную фигуру въ свои Оды.

Коликой славой днесь блистаетъ
Сей градъ въ прибытіи твоемъ!
Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданіи своемъ;
Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
Ахъ естьлибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
Къ тебѣ горяща мысль открылась;
Тобъ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
На вѣчной день переменилась!

Сей же АвторЪ показываетЪ намЪ вЪ одной изЪ ОдЪ своихЪ, другой примѣрЪ Иперболы:

ВЪ шумящихЪ берегахЪ БалтїйскихЪ
Веселья больше, нѣжель водЪ,
Что видѣли судовЪ РоссїйскихЪ
ПротивЪ враговЪ щастливый ходЪ.

Нѣтъ ни одной фигуры риторической вЪ обхожденїи сЪ которою требовалось бы такихЪ безконечныхЪ осторожностей, какЪ сЪ Иперболою, но кЪ нещастїю, иль лучше сказать, на смѣхЪ здравому разсудку, она наиболѣе вЪ употребленїи и наиболѣе вЪ модѣ; ее особенно не щадятЪ вЪ гнусныхЪ и преглупыхЪ похвалахЪ знатнымЪ, которыми душатЪ ихЪ безЪ всякой жалости и причины.

О Иронїи.

Иронїя есть фигура колкая, наполненная солью, часто даже и самою желчїю, которая вЪ двусмысленныхЪ и лживыхЪ словахЪ скрываетЪ смыслЪ совершенно противной натуральному, заключающемуся вЪ сихЪ словахЪ, смыслу. Иронїй два рода. Одна ве-

селая и шутливая, насмѣхается съ великимъ искуствомъ, тонкостію и нѣжностію, безъ всякой ѣдкости; другая язвительная и ядовитая приправляетъ издѣвки свои самою горькою желчью. Вотъ одинъ примѣръ для послѣдняго, другіе же два для перваго рода Ироніи.

Какая язвительная Иронія вложена въ уста негодующей любовницы. Герміона обращаяся къ Пирру:

Удачныхъ вымысловъ гнушаясь ты искуствомъ,
Я рада что языкъ свой обручилъ ты съ чувствомъ,
И разорвать желавъ толико узлъ святой,
Ты поступалъ на зло не робкою ногой
Да какъ и требовать, чтобъ Пирръ въ шуму страстей,
Рабомъ былъ клятвъ своихъ, и иго несъ закона?
Нѣтъ, Пирръ, ты съ мыслями игралъ судьбой моей,
Въ измѣнѣ честь искалъ, въ безславьѣ моемъ славу.
Когда законъ и долгъ, мой плачь и ужасъ стона,
Представлели любви; другаго нѣтъ уставу;
Меня покинуть, взять, и снова разлюбить,
Чтобъ выборомъ другой мнѣ стыдъ и срамъ купить,
Одной порой въ чертогѣ вѣнчать княжну съ рабой;
Предать для Грекъ Пергамъ, а Грековъ Андромахѣ;
Вотъ знакъ души всегда владѣющей собой,

Обѣтамъ вѣрности не подчиненной въ страхѣ;
Быть можетъ, думаешъ, женѣ твоей въ отраду,
Я стану тебя клясть, жестокостью пенять;
Ты слушать придіошъ плачь, мой гнѣвъ, мою досаду,
Чтобъ обще съ ней моимъ нещастьемъ веселиться;
Нѣтъ, столько вдругъ торжествъ не въ силахъ ты обнять;
И не искавъ другихъ почтительныхъ именъ,
Ты славенъ старыми, чтобъ новыми гордиться!
Пріамъ подъ грузомъ золъ, кручинъ и лѣтъ согбенъ,
Въ глазахъ семьи своей кончалъ свой вѣкъ смиренной;
Тогда какъ ты мечемъ терзая старца грудь,
Какъ звѣрь свирѣпствовалъ надъ старостью почтенной;
Помостами убійствъ ты велъ къ Пергаму путь;
Ты зверствовалъ, и Грекъ — въ жару своихъ безумствъ,
Призвалъ свой чувства, умъ, и взнегодовалъ тобою,
Толь громки подвиги какой почтить хвалою?

Письмо Г. Вуатюра къ Графу Даво, полномочному министру короля французкаго въ Мунстерѣ.

„По замѣчаніямъ моимъ, Господа пол„номочные, вы ведете въ Мунстерѣ отменно „веселую жизнь: вы отъ чистой души смѣ„етесь каждые полъ года по одному разу.

„Вы хорошо поступаете пользуясь време-
„немъ когда оно еще ваше, и наслаждаясь
„всѣми, представляемыя вамъ фортуною,
„житейскими выгодами Вы въ Мунстерѣ
„какъ мыши въ соломѣ, по уши въ бума-
„гахъ, всегда занятые чтенiемъ, сочиненi-
„емъ, поправкою, предложенiемъ перегово-
„рами, мудрствованiемъ, совѣтуясь меж-
„ду собою каждый день по десяти или
„двенатцати часовъ въ мягкихъ и съ по-
„койными для васъ ручками, креслахъ, въ
„то время когда за нами бѣдняками только
„и работы, что бродимъ по улицамъ, играемъ,
„времъ нелѣпости, просиживаемъ на пролетъ
„ночи, и безпрестанно тревожимъ бѣд-
„ственную нашу жизнь „.

Господинъ Ле-Метръ чрезвычайно прi-
ятнымъ образомъ издѣвается надъ однимъ
молодымъ человѣкомъ, обвиняемаго въ раз-
вращенiи нѣкоторой дѣвушки, и которой
будто увѣрялъ судей; что онъ для того
токмо видался съ нею, чтобъ представлять
ей спасительныя наставленiя въ скромности
и христiянскомъ воздержанiи.

„Естьли положиться на справедливость „его отчета, требованнаго отъ него судь-„ями, онъ въ благоразумiи ни на шагъ „не отстаетъ отъ Сократа: онъ чувстви-„теленъ къ однимъ лишъ душевнымъ ея „прелестямъ, къ тѣлеснымъ же онъ совер-„шенно равнодушенъ: онъ любовался на „оною дѣвушку какъ на картину, любовал-„ся живою красотою, подобно красотѣ „кистiю выпечатанной: то что другихъ „зжетъ, не могло даже грѣть его: при-„чина, какъ говоритъ Исократъ, по ко-„торой дѣвушекъ признаютъ божествами, „и по которой съ несравненно большимъ „удовольствiемъ предпочитаемъ мы иго ихъ „рабства полномочiю нашему надъ людьми, „не показываетъ ни малѣйшаго слѣда къ „обвороженiю геройственной добродѣтели „призваннаго. Мудрецъ теряетъ благоразу-„мiе свое, святой свое благочестiе, непобѣ-„димый свою силу; но призванной бодрст-„вуетъ въ самыхъ опаснѣйшихъ случаяхъ. „Самые гордые кедры пали, сластолюбивый „потокъ простеръ ихъ по земли, пишетъ „святой Августинъ, а вотъ смиренная ель,

„ которая стоитъ не вредимо; призванной „ же напротивъ того въ оправданіи своемъ „ говоритъ, что ея тетка сама много разъ „ просила его не оставлять племянницу въ „ частыхъ представленіяхъ, съ тѣмъ намѣре- „ ніемъ, чтобъ она столько же могла бли- „ стать со стороны своей скромности, „ сколько она славилась красотою своею. „ Кто не признаетъ въ немъ цензора такихъ „ лѣтъ и таковой добродѣтели, каковой „ не обходимо требовалось отъ дѣвушкинаго „ надзирателя или поучителя? кто дерзнетъ „ сомнѣваться, послѣ всего о немъ слышанна- „ го, чтобъ плоть призваннаго не душою мо- „ лодаго человѣка, или клерка, но душою пре- „ старелаго стоика не была движима „?

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О Фигурахъ словъ, которыя не суть Тропы.

Сіи фигуры суть собственно называемыя нами *фигуры словъ*; они состоятъ въ словахъ соблюдающихъ ихъ простое и натуральное значеніе. Изъ числа сего суть

Играсловїе, Многосоюзїе и Безсоюзїе, Перифразисъ и Повтоpенїе.

О Играсловїи.

Играсловїе есть не иное что какъ нѣкоторая игра словъ и мыслей, (что и самое названіе сей фигуры показываетъ), услаждающая прїятнѣйшимъ образомъ ухо и сердце.

Примѣръ.

Въ Одѣ на золото.

Худо Амуру быть не подвластну,
Худо подъ властью быть у него;
Но еще болѣ жалокъ тотъ смертный,
Любитъ кто страстно втунѣ любя.

Умъ, дарованье, вѣжливость, ловкость,
Знатность породы, пышный титулъ,
Душу любезной слабо плѣняютъ,
Коль не имѣешъ множество душъ.

Поелику всегда почти входитъ въ оную фигуру родъ нѣкоторой принужденности и натяжки, то употребленїе ея не льзя позволить индѣ, кромѣ легкой и шутливой Поэзїи, гдѣ права воображенїя почти неограничены.

О Многосоюзїи и Безсоюзїи.

Вотъ двѣ фигуры, которыя совершенно противными способами, производятъ одинаковыя дѣйствїя, и обѣ даютъ ровную живость рѣчи; одна связывая всѣ части частицами многосоюзїя, а другая производя ихъ всѣхъ отдѣленными развязыванїемъ однихъ частей съ другими.

Примѣры многосоюзїя.

Въ Волтеровой поемѣ Генрїадѣ, Св. Лудвигъ такъ говоритъ Генриху IV. о покойномъ Бургонскомъ Герцогѣ.

Онъ изобилїевъ съ спокойствомъ проливалъ,
И онъ щедротамибъ свои дни изчислялъ,
И подданныхъ своихъ любилъ бы какъ отецъ.
О! дни наполненны смятенїемъ и стономъ!
Колико токовъ слезъ Французы пролїютъ,
Когда узрятъ они, въ одномъ спряженныхъ гробѣ,
Супруга и жену и съ матерїю сына.

Въ сей же поемѣ, Привидѣнїе, явившееся изступленному Клементїю въ видѣ Герцога де Гвиза, говоритъ ему, по разказѣ Юдитовой исторїи:

Вотъ то, чему теперь послѣдовать ты долженъ;
Вотъ жертв[illegible] отъ тебя какой Господь желаетъ.
Но вижу я лице твое стыдомъ покрыто;
Уже стыдишься ты медленья твоего...
Стремись и кровїю ты руки освятя,
Избавь гражданъ твоихъ отъ лютаго царя.
За Римъ и за Парижъ, за Мїръ и за меня.

Примѣры Безсоюзїя.

Г. Маскаронъ, въ надгробномъ словѣ великому полководцу Тюренну.

„Самая внѣшность войны, звукъ ору„дїй, блескъ военныхъ снадобїй, порядокъ „воинства, молчанїе оруженосцевъ, жаръ къ „сраженїю, начало, успѣхи и рѣшительной „конецъ побѣды; различные вопли побѣж„денныхъ и побѣдителей наступаютъ на „душу съ столькихъ сторонъ, что унесен„ная отъ всего того что въ ней есть му„дрое и кроткое, она не помнитъ уже бо„лѣя ни о Богѣ, ни о самой себѣ „.

Въ Руссовой Кантатѣ, Цирцеѣ.

Заклинаньемъ ея пораженный,
Безмолствуетъ въ трепетѣ адъ;

До свирѣпости тамъ разъяренны
Бореи со ревомъ шумятъ.
Пламенѣющи тучи несутся,
Закрылся отъ нихъ горизонтъ;
Колебаяся, горы трясутся,
Въ землѣ отрыгается стонъ.
Океанъ воздымаясь ярится,
Бѣжитъ за волною волна;
Приведенна въ смятенїе, рдится,
Скрываяся въ тучи луна.

Перифразисъ.

Перифразисъ или многословное объясненїе, есть фигура особенно обыкновенная Поэту, употребляемая имъ для расширенїя и украшенїя идѣи, которую безъ заимствованїя оной фигуры, могъ бы выразить простѣя, но съ потерянїемъ всѣхъ выгодъ блеска и изящности.

Примѣры.

Адоамъ разказывая Телемаку о смерти Астарбеи, говоритъ ему:

„Злочестивая тѣнь ея низошла безъ „сомнѣнїя въ тѣ печальныя мѣста, гдѣ лю-

„ тыя Данаиды вѣчно въ утлые сосуды по„черпаютъ воду; гдѣ Иксіонъ безпрестанно „вертитъ колесо; гдѣ жаждою палимый „Танталъ не можетъ испить воды отъ „устъ его всегда убѣгающія; гдѣ Сизифъ „тщетно катаетъ на высокую крутизну „камень, непрестанно упадающій долу; и „гдѣ Тацій безконечно чувствовати будетъ „въ возраждающейся всегда внутренности „его терзаніе врана„.

Г. Херасковъ къ поемѣ своей Россіадѣ, обращеніемъ къ Вѣчности, представляетъ чрезвычайной примѣръ какъ Перифразиса такъ и Повторенія; мы приведемъ его въ примѣръ первой фигуры.

Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обретаютъ,
Гдѣ гордости похвалъ льстецы не соплетаютъ;
Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ царемъ;
Гдѣ бѣдный нищету, гдѣ сильный власть забудетъ,
Гдѣ каждой человѣкъ другому равенъ будетъ.

Другимъ примѣромъ Перифразиса обязаны мы почтенному образователю питомцовъ Россiйской Литтературы, Г. Карамзину.

Поэтъ опредѣляетъ Грацiи.

О вы, которыхъ вся земля боготворитъ;
И щастливый мудрецъ, и дикой свято чтитъ;
Которымъ вмѣсто жертвъ и вмѣсто фимiама
Приносятся сердца; которымъ вмѣсто храма
Пространной служитъ мiръ; безъ коихъ красота
Не можетъ насъ плѣнять, и самая природа
Была бы безъ души, печальна и пуста;
Безъ коихъ жизнь мертва, не сладостна свобода,
Не ясенъ солнца свѣтъ, и сердцу нѣтъ отрадъ.

Сiя фигура можетъ употребляема быть не для однихъ токмо украшенiй. Она часто служитъ то для благороднаго изображенiя вещи, съ природы низкой, то для прикрытiя или по крайней мѣрѣ для послабленiя жестокости нѣкоторыхъ предложенiй, которыя бы въ простомъ и ни чемъ не прикрытомъ своемъ представленiи могли нанести читателямъ своимъ скуку и неудовольствiе.

Г. Роллевъ въ разсужденiяхъ своихъ о фигурахъ, на каждой изъ сихъ случаевъ, приводитъ прекрасные примѣры.

О Повторенїи.

Повторенїе есть фигура которая состоитъ въ томъ чтобъ повторять нѣсколько разъ одни слова съ прїятностїю и достоинствомъ.

Примѣры.

Св. Павелъ въ посланїи къ Коринѳянамъ.

„'Егда̀ бѣ́хъ младе́нецъ, я̏ко младе́нецъ „глаго́лахъ, я̏ко младе́нецъ му́дрствовахъ, „я̏ко младе́нецъ смышля́хъ: е́гда̀ же бы́хъ „му́жъ, отверго́хъ младе́нческая„. —

Филоктетъ разказывая Телемаку о приключившихся ему нещастїяхъ.

„Внушивъ сїе съ благоговѣнїемъ, я тако „возопилъ: о день блаженный, Свѣте тихїй! Се ты по истеченїи толикихъ лѣтъ „являешся. Повинуюсь тебѣ, и благословя „сїи мѣста отыду. Прости дражайшїй мой „вертепъ. Простите сихъ влажныхъ луговъ, „о Нимфы! уже не услышу я безгласваго „шума волнъ сего моря. Прости, о брегъ! „идѣже толико кратъ претерпѣвалъ я свирѣпство непогодъ. Простите мысы, по

„ коимъ эхо множицею стонъ мой повторя-
„ ло. Простите сладкіе, но мнѣ толь горь-
„ кіе, источники. Прости о земля Лимнос-
„ ская! отпусти мя съ миромъ: гряду бо
„ аможе воля боговъ и друзей моихъ призы-
„ ваетъ „.

Сія фигура чрезвычайно красива, пылка, жива, смела, и удобна къ изображенію характеровъ самыхъ сильныхъ, и пылкихъ страстей, какъ то, горести, любви и изступленія, въ которыхъ разумъ наиболѣе занятый своимъ предметомъ, привязывается къ ней по нѣкоторому роду упрямства, ни на минуту не упускаетъ ея изъ виду, и по самой сей причинѣ, повторяетъ часто представляемыя ею, слова.

Вотъ нѣкоторые примѣры фигуры, столько пріятной, и въ такомъ близкомъ сношеніи съ Повтореніемъ: мы назовемъ ее Поворотомъ.

Начало Осіановой Поемы, Картона:

„ Случаи временъ претекшихъ, дѣянія
„ преждебывшихъ Героевъ! воскресните въ
„ моихъ пѣсняхъ! О Лора! журчаніе твоихъ

„источниковъ обновляетъ въ памяти моей „прошедшее. Шумъ твоихъ лѣсовъ, о Гермалладъ! пріятенъ моему слуху. Не видишъ „ли ты, Мальвина, сея скалы увѣнчанной „кустарникомъ? три старыя сосны склонились съ ея утесистаго чела; при стопахъ „ея простирается цвѣтущая долина. Тамо „блистаетъ горный цвѣтъ: при дыханіи „зефира потрясаетъ онъ своею головкою: „тамъ растетъ уединенный терновый кустъ, „котораго сѣдые власы служатъ игралищемъ „вѣтру. Два камня, вросшіе до половины „въ землю, показываютъ верьхи свои покрытые сѣдымъ мохомъ; горная серна убѣгаетъ, видя тѣнь, стрегущую сіе священное „мѣсто. Два знаменитые Героя, о Мальвина! „покоются въ сей долинѣ.... Случаи временъ претекшихъ, дѣянія преждебывшихъ „Героевъ! воскресните въ моихъ пѣсняхъ.

Въ стихотвореніи Цвѣтокъ.

Цвѣтокъ красивый, ароматный!
Почто весною ты завялъ?
Гдѣ цвѣтъ твой яркій, духъ пріятный?
Твой листъ и желтъ и блѣденъ сталъ!

Вставая каждый день съ зарею,
Изъ лучшаго ключа водою
Я поливаю, цвѣтъ, тебя;
Изъ хижины твоей досчатой,
Взрастила гдѣ тебя судьба,
Въ фарфоровой сосудъ богатой,
Я ввелъ, мой другъ, тебя любя;
И корешки твои мохровы
Я бережно въ палаты новы,
Очистя, нѣжно посадилъ —
А ты, мой другъ, совсемъ уныль!

Цвѣтокъ красивый, ароматный!
Почтожъ весною ты завялъ?
Гдѣ цвѣтъ твой яркій, духъ пріятный?
Твой листъ и желтъ и блѣденъ сталъ!

Книга Четвертая.

О Произношенiи, или краснорѣчiи тѣлодвиженiя и голоса.

Не льзя предписать на сiю часть краснорѣчiя другихъ правилъ, кромѣ отдаленныхъ и всеобщихъ, которыя еще и не могутъ безъ довольнаго труда, приличествовать особенно каждому предмету. Какiя учредить правила для тона голоса? какъ опредѣлить степень живости или скромности въ тѣлодвиженiи такой-то и такой-то фигуры, въ такой-то и такой-то страсти? какъ снабдить голосомъ прiятнымъ, полнымъ, звонкимъ, гибкимъ, чистымъ того, которому природа во всѣхъ оныхъ выгодахъ отказала, и которому она дала сипкой, толстой, слабой и дрожащiй голосъ? не спорно, есть нѣкоторыя природныя погрѣшности, которыя могутъ быть исправлены долгимъ изученiемъ, трудною и упорною работою. Какихъ затрудненiй не преодолелъ

знаменитой Демосфенъ? но такъ же какой бы охотникъ до краснорѣчїя согласился въ нынѣшнихъ вѣкахъ, подобно сему знаменитому Греческому Оратору, вскарабкиваться на высокїя горы и на крутые утесы, произнося однимъ духомъ самые длинные перїоды, противуборствовать голосомъ своимъ волнамъ разъяреннаго моря, и силиться превзойти шумъ морской, запираться по цѣлымъ мѣсяцамъ въ подземномъ кабинетѣ, препровождать цѣлые дни и цѣлыя ночи, въ сосшавленїи и усовершенствованїи передъ зеркаломъ дѣйствїй своего лица, своихъ глазъ, своихъ рукъ, всего своего тѣла? признаюсь что многїя женщины, да и самые мужчины (поелику надлежитъ каждому отдавать ему должное) самопроизвольно убиваютъ все то время у своего зеркала, которое не похищаемо у нихъ постелїю, столомъ, картами и оперным домомъ; но я сомнѣваюсь чтобъ они въ немъ изучались, по примѣру Демосфена, въ улучшиванїи различныхъ тѣлодвиженїй; хотя таковая наука есть необходима для всѣхъ ищущихъ нравиться; надлежитъ особенно стараться заимствовать бо-

лѣя отъ натуры въ совершенствахъ произношенія, въ различныхъ движеніяхъ, во всевозможныхъ переходахъ голоса, нежели отъ поученій часто пустыхъ и затруднительныхъ, весьма многихъ Риторовъ. Вотъ нѣсколько изъ ея самыхъ простыхъ, легкихъ, и обыкновенныхъ уроковъ, вразумительныя для каждаго.

Хорошее произношеніе не составляетъ красивой рѣчи, но оно выражаетъ, или лучше сказать, даетъ чувствовать всѣ ея красоты, оно до невѣроятности возвышаетъ блескъ ея, и скрываетъ отъ слушателей своихъ ея погрѣшности. Сколько краснорѣчивыхъ твореній теряютъ отъ чтенія! дѣйствіе рѣчь одушевляетъ, даетъ силу здравымъ разсужденіямъ, возбуждаетъ страсти, трогаетъ сердце, и вселяетъ въ душу своихъ слушателей всѣ колеблющія Оратора, страсти. Всякой можетъ чувствовать что для произведенія таковаго дѣйствія, Ораторъ и самъ долженъ искусно войти, во всѣ тѣ страсти, которыхъ онъ намѣревается возбудить; перемѣнять тѣлодвиженіе свое и тонъ своего голоса, смотря по различію предполагае-

мыхъ имъ внушить въ слушателя чувствъ, согласовать съ нимъ видъ своего лица; показывать яркіе и распаленные глаза въ оскорбленіи и гнѣвѣ, кроткіе и нѣжнымъ пламенемъ исполненные, въ дружествѣ; живые, веселые и улыбающіеся, въ радости; безмолвные, томные, грустные и унылые, въ горести. Хочешъ ли ты видѣть меня плачущимъ, говоритъ нѣкоторой древній писатель? надобно чтобъ ты началъ самъ плакать; тогда увѣрившись въ сущности твоего злополучія, я буду сердечно съ тобой соболѣзновать; словомъ сказать, всѣ чувства, всѣ страсти должны разкрываться въ тѣлодвиженіи, въ голосѣ, въ лицѣ, и особенно въ глазахъ.

Красивое тѣлодвиженіе плѣняетъ зрѣніе, стройной голосъ очаровываетъ слухъ, картина дѣйствуемыхъ чувствъ ихъ возбуждаетъ. Щастливы тѣ, которыхъ таковыми дарованіями ущедрила Природа! одна лишь она имѣетъ право ихъ раздавать.

Представимъ теперь нѣкоторыя изъ самыхъ грубыхъ погрѣшностей, въ избѣжаніи

которыхъ должно прилагать всевозможныя старанія. Къ нимъ причисляются слишкомъ пылкія и необузданныя движенія нѣкоторыхъ бѣснующихъ Ораторовъ, которыя подобно неистовымъ Менадамъ, кричатъ, безъ причины и не у мѣста разгорячаются, и будучи далеки отъ того чтобъ оживить и разлить теплоту на мертвой холодъ своихъ слушателей, убиваютъ самые признаки ихъ чувства, въ то время когда сами пышутъ жаромъ, когда наиболѣе не щадятъ бѣдной своей груди, когда края каѳедры стонутъ подъ силами ихъ ударовъ, и когда у нихъ, такъ сказать, отъ бешенства пѣна стоитъ у рта.

Другіе, напротивъ того, по среди самыхъ живыхъ и сильно-трогательныхъ описаній, соблюдаютъ такое бездѣйствіе, нечувствительность, равнодушіе, протяжной и плачущій голосъ, холодъ чувствъ, отъ которыхъ вниманіе слушателей засыпаетъ, и не менѣя изступленій перваго приходитъ въ раздраженіе. У сего послѣдняго вырываются звонкіе и раздирающіе ухо крики, котораго противной звукъ обезпокоиваетъ слу-

шателей, погруженныхъ въ сладкое усыпленїе, нелѣпостями Оратора. Первые же, подлинные пантомисты, представляютъ руками всѣ описываемыя ими дѣянїя, и заступаютъ лицо дѣйствуемыхъ особъ. Какая странность! Пристойно ли и соотвѣтственно ли съ достоинствомъ краснословїя хлопать руками, представлять изъ себя стрелка натягивающаго лукъ, играть на музыкальныхъ орудїяхъ, закрывать руками глаза, говоря о слѣпомъ, затыкать уши, говоря о глухомъ, зажимать ротъ, говоря о нѣмомъ? Всѣ таковыя замашки показываютъ шута и площаднаго забавника, и ни мало не свойственны Оратору, котораго благовидные и измѣренные жесты должны согласоваться съ достоинствомъ его словъ. Лучше вовсе не имѣть жестовъ нежели имѣть худые и предосудительные. Другїе недоговариваютъ слова, или глотаютъ ихъ частицу; и таковая погрѣшность весьма значуща, въ избѣжанїи которой не льзя приложить довольныхъ старанїй.

Надлежитъ все разсказывать безъ наималѣйшаго упущенїя, изражать тщательно

каждой слогъ, особливо быть надежну въ незабытіи выученнаго; напослѣдокъ, говорить ясно, чисто, отличительно и вразумительно, поелику мы всѣ говоримъ на тотъ конецъ, чтобъ насъ понимали.

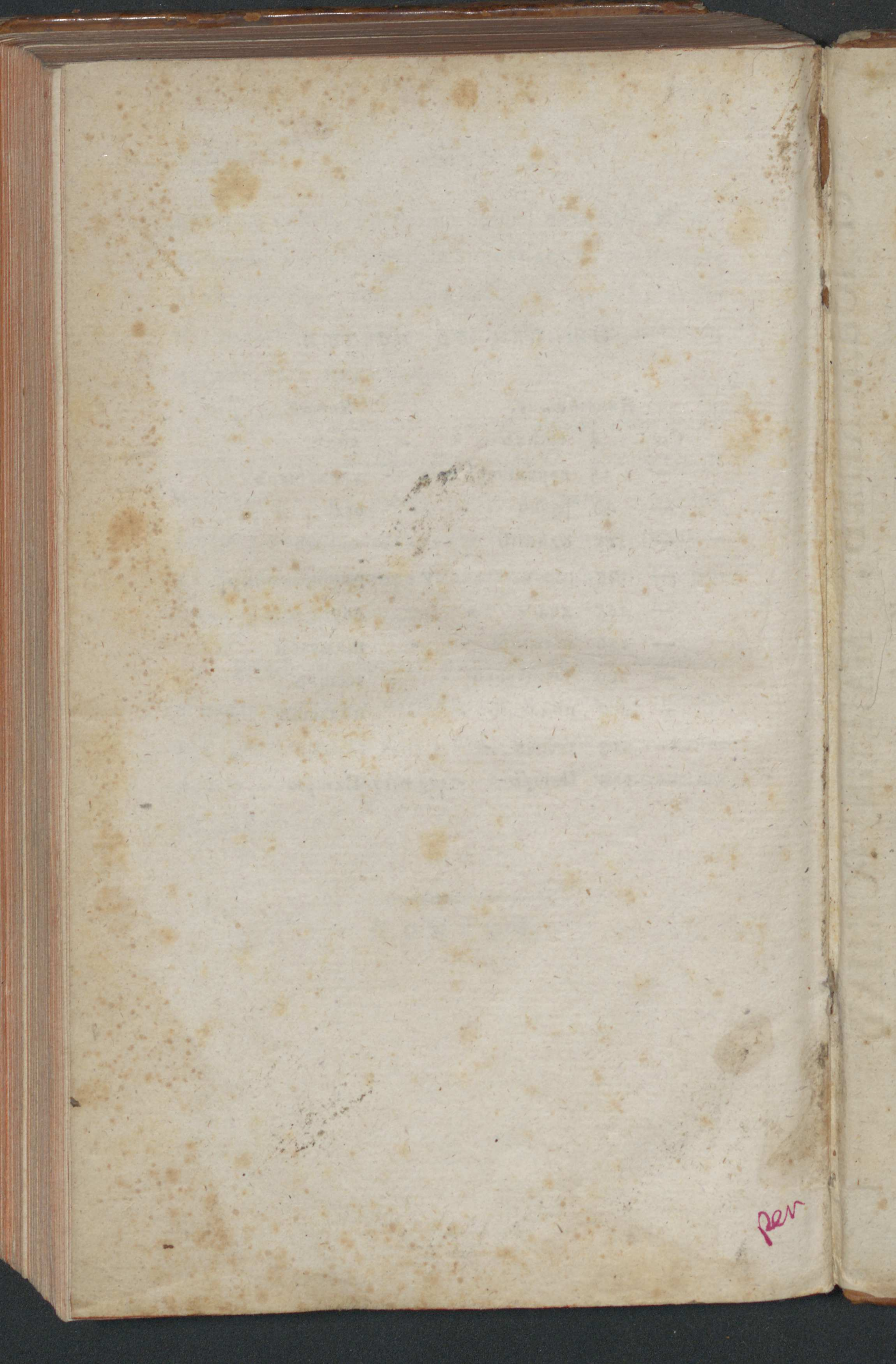
Кто пожелаетъ гораздо подробнѣйшихъ наставленій о погрѣшностяхъ жестовъ и произношенія, тому могу указать Сатиру отца Санлека, писанную на имя проповѣдника Бурдалу, которая такого начала: Chrisostome François, и проч.

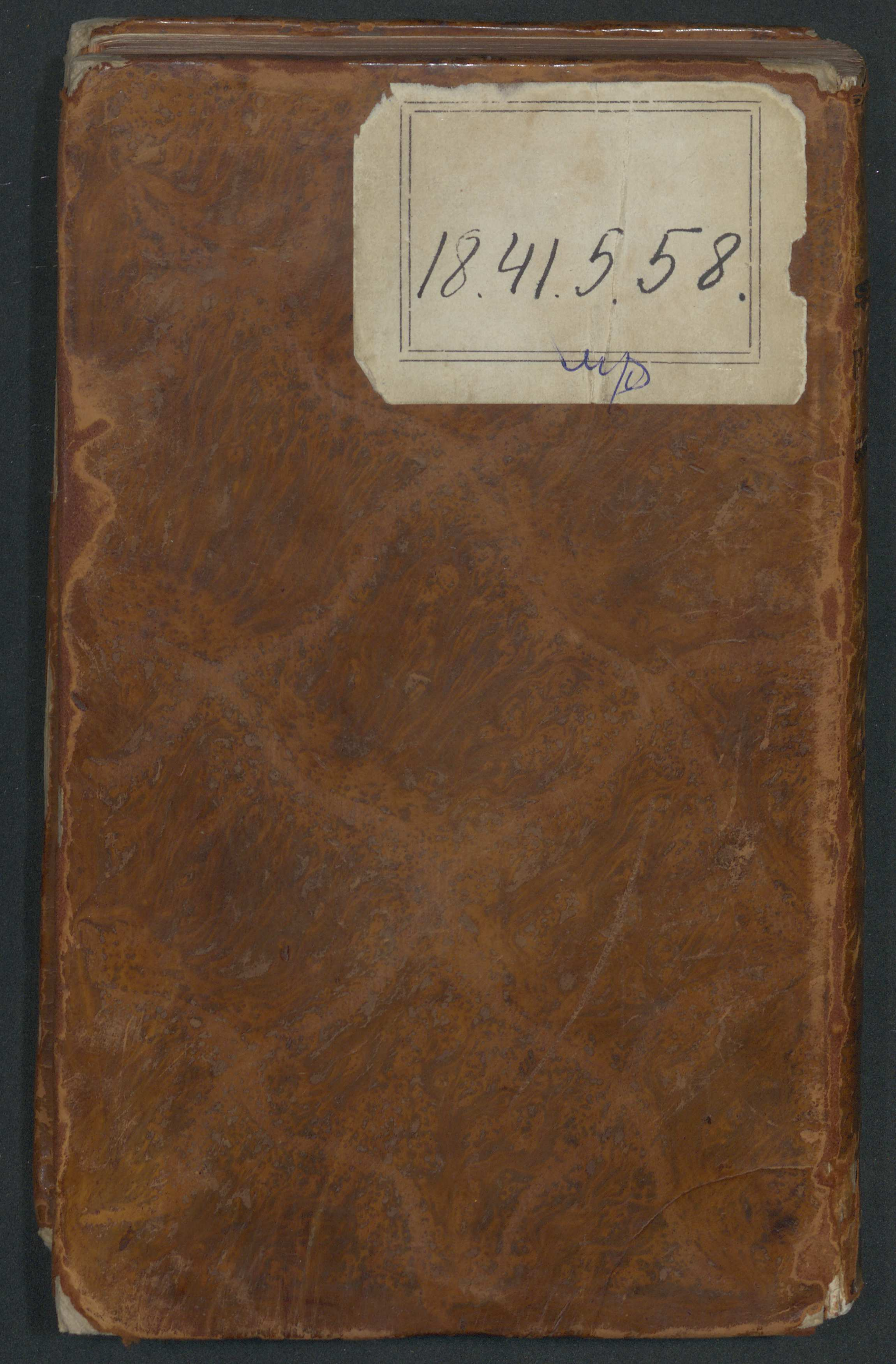
Вотъ, по моему мнѣнію, самыя обыкновенныя и самыя необходимой пользы, поученія Риторики; поученія, которыхъ несравненно легче преподать нежели выполнить въ дѣйствіи.

Конецъ.

Ошибки въ печати.

		Напечатано.	Читай.
Стр.	4	етихъ - -	сихъ.
—	45	карактеръ - -	характеръ
—	46	равно - -	безъ разбора
—	115	однимъ - -	онымъ
—	125	разсужденному -	разбираемому
—	145	дня - - -	дни
—	186	тяжкой - -	тяжелой
—	199	частенько - -	честно
—	202	подастъ - -	подаетъ
—	213	годыя - - -	гордыя
—	248	Патръ - -	Патрю




18.41.5.58.